

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СРЕДНЕРУССКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

На правах рукописи

ЛЮ ЦЗЮНЬЦЗЕ

**СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОДДЕРЖАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В КНР:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

5.4.7. Социология управления

Научный руководитель:

кандидат социологических наук, доцент

Каира Юрий Владимирович

Орёл – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности	26
1.1. Социальная стабильность как социологическая категория.....	26
1.2. Становление и развитие социологических теорий и концепций исследования социальной стабильности	46
1.3. Теоретические подходы к исследованию социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности.....	73
Глава 2. Социологический анализ социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности как основы развития КНР.....	106
2.1. Влияние социальных реалий на особенность становления и развития социальной стабильности в КНР	106
2.2. Количественно-качественный анализ социальной стабильности КНР на материалах города Жичжао.....	129
2.3. Институционализация государственного управления как социально-управленческого механизма поддержания социальной стабильности в КНР	155
Заключение	195
Список использованной литературы.....	202
Приложение А Программа социологического исследования «Социальная стабильность в Жичжао».....	222
Приложение Б Анкета социологического исследования «Социальная стабильность в Жичжао»	229
Приложение В Транскрипт фокус-группы	231

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена тем, что в настоящее время императив социальной нестабильности оказывает непосредственное воздействие на выработку стратегии развития, как отдельных стран, так и их объединений, а также на принятие важнейших управленческих решений органами государственной власти.

Последние десятилетия можно охарактеризовать как период турбулентности, который вызван несоответствием модели всеобщего глобального развития современным реалиям, что влечет за собой не только экономические и политические кризисы, но и кризисы социально-духовного характера¹. С одной стороны, человечество достигло достаточно высокого уровня развития практически во всех сферах общественной жизнедеятельности. Стремительное развитие современной цивилизации, обусловленное научно-техническим прогрессом, развитием наукоемких технологий, расширением зоны коммуникативных взаимодействий развернули вектор цивилизации в сторону глобализации мировых процессов и определили мощнейшие трансформации всех сфер жизнедеятельности человека, государства и общества. С другой стороны, накопившиеся проблемы глобального общественного развития актуализировали потребность в новых моделях регулирования общественных процессов, способных обеспечить не только социальную стабильность, но и устойчивое социально-экономическое развитие.

В условиях устаревания прежних моделей социального управления перед государствами мира и глобальным сообществом стоит задача разработать, принять и реализовать модели стабильности и роста в новом полицентричном мире. При всемирной потребности в социальной стабильности сохраняется национально-государственная специфика её

¹ Ефременко, Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской политики / Д.В. Ефременко // Политическая наука. – 2012, №1. – С. 51-68; Яницкий, О.Н. Турбулентные времена как проблема общества риска / О.Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. С. – 155-164; Rosenau, J. N. Turbulence in world Politics: A Theory of Change and Continuity. / J. N. Rosenau // Princeton: Princeton univ. press, 1990. 480 p. и др.

достижения. При этом социальная стабильность и социально-экономический рост находятся в неоднозначной взаимосвязи. В одних странах стабильность создает условия для экономического развития, в других – экономический рост способствует укреплению социальной стабильности. Однако их взаимодействие зависит от конкретного исторического, политического и социального контекста. Так, в работе Д. Акемоглу и Дж. Робинсона² подчеркивается важность развития институтов общества, а не только экономический рост, как условие социальной стабильности и как её следствие. При этом истории известны ситуации, когда быстрый экономический рост, наоборот, создавал проблемы социальной стабильности, в частности, в Бразилии в 70-х гг. XX в. и в том же Китае в эпоху реформ второй половины XX в. Как показывают исследования Амартии Сена³ и Дугласа Норта⁴, социальная стабильность и экономический рост взаимосвязаны. В то же время их взаимодействие зависит от множества факторов, включая политическую систему, уровень развития и исторический контекст. В случае новейшей истории современного Китая, социальная стабильность, достигнутая благодаря эффективным управленческим механизмам, создала условия для экономического роста, что, в свою очередь, укрепило социальное согласие. Социально-политическая стабильность, в свою очередь способствовала экономическому росту Сингапура. Таким образом, стабильная политическая и социальная среда создают предпосылки для экономического роста, но и сам рост может способствовать укреплению стабильности через повышение уровня жизни, снижение социального неравенства и улучшение условий для развития. Однако эта взаимосвязь не всегда линейна: существуют примеры стран с высокой социальной стабильностью, но низким экономическим ростом, а также случаев, когда быстрый рост приводит к социальным

² Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*.

³ Морев, Д.А. Амартия Сен и ограниченность утилитаризма / Д.А. Морев // *Экономическая теория*. – 2010. – № 8 (69). – С. 37-41.

⁴ North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.

конфликтам или экологическим проблемам, вызывая социальную нестабильность.

Социальная стабильность, ее поддержание и укрепление становятся первоочередной задачей в условиях, в которых оказалось в настоящее время все мировое сообщество. Поэтому вопрос социальной стабильности сегодня приобретает актуальное значение, как для мирового научного сообщества, так и для работников управленческого аппарата.

Основой современных кардинальных изменений китайского общества выступает четкая и последовательная политика Коммунистической партии Китая и Правительства КНР, направленная на обеспечения социальной стабильности. Эта политика многоаспектная и комплексная, ее основа институционализация стратегически важных механизмов жизнедеятельности государства и общества. В частности, создание мощнейших институтов нового типа – экономических, политических, культурных и идеологических. Основным вектором институционализации выступает качественно новое понимание деятельностного начала общественной жизни, консолидация всех ресурсов страны и обеспечение всех условий для развития главного потенциала – людей. Главным условием и источником «китайского чуда», обеспечивающим стабильное развитие «социализма с китайской спецификой» стало возрождение китайских традиций, сохранение национального социокода, что в конечном итоге и позволило обеспечить мощнейший и стремительный рост экономического и социального благосостояния и вывести КНР в число ведущих мировых лидеров.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что опыт КНР убедительно показывает, что институциональные формы жизнедеятельности, закрепленные и поддерживаемые на государственном уровне, выступают главным условием социальной стабильности. Немаловажным является и тот факт, также вытекающий из опыта развития КНР, что социальная стабильность – это не статическое состояние общества, это динамичное развитие, обусловленное мощными и качественными императивами

государственного управления. Создание условий для стабильности и социальной гармонии позволило стране не только выйти из политического и экономического коллапса, обусловленного «зигзагами» исторического развития, но и создать уникальный и единственный в мире симбиоз современности и традиций, который воспринят в мире как «китайское чудо».

Председатель Общества Российско-Китайской Дружбы, директор Института Дальнего Востока РАН академика М. Л. Титаренко, выступая перед участниками IX Международного социального конгресса, отмечает всю значимость «феномена реформ, которые за три десятилетия позволили еще недавно отсталому Китаю набрать уникальную динамику развития, увеличить абсолютные объемы ВВП за 60 лет почти в 80 раз. Ныне КНР по объему ВВП вышла в состав тройки мировых лидеров. Не случайно многие наблюдатели единодушно отмечают: «Глаза всей планеты устремлены на Пекин». Даже авторитетные эксперты Международного валютного фонда заявляют, что скорость выхода мировой экономики из обвала зависит от Китая. Всё это служит весомым поводом для серьезных размышлений о международном и историческом значении, как самого факта возникновения КНР, так и его исторического опыта модернизации страны»⁵.

Эти аспекты обусловили актуальность избранной темы и определили цели и задачи диссертационной работы.

Степень научной разработанности проблемы диссертационного исследования.

Исследование социальной стабильности как социокультурного и научного феномена на примере Китая носит комплексный и многосторонний характер. Многоаспектный характер изучаемой проблемы отражен в обширных научных публикациях и исследованиях, которые можно разделить на следующие комплексы.

⁵ IX Международный социальный конгресс «Страны БРИК в условиях глобального кризиса: потенциал и проблемы консолидации». Электронный ресурс: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=77&cntnt01origid=15&cntnt01returnid=15>.

Первый комплекс представлен работами в области теоретических исследований общества, его структуры, социальных процессов и связей. Общество как ключевой феномен исследований становится объектом изучения с момента зарождения научной мысли. Проблематика общественного бытия рассматривалась классиками древнегреческой философии (Парменидом, Гераклитом, Платоном, Аристотелем, Сократом и др.) не только с позиций его теоретического осмысления, но и в контексте прикладной направленности. Впоследствии проблематика общества рассматривается теологами Средневековья, в частности Ф. Аквинским, а затем и мыслителями эпохи Возрождения. Новое качество понимание общества получает в эпоху Нового времени. Общество рассматривается как политико-экономическая система, главным рычагом жизнедеятельности которого выступает общественный договор (А. Смит, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж-Ж. Руссо и др.). Но многомасштабные научные исследования социальная система получает в XIX веке, когда зарождаются и получают свое развития такие направления научной мысли как социология, политология, культурология и др. В рамках этих направлений общество рассматривается как многоаспектный феномен Г. Гегель, Г. Спенсер, Д.С. Милль, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Зиммель, М. Вебер, О. Конт, А. Тойнби, О.Шпенглер, Р. Арон, У. Ростоу, Д. Белл, Э. Тоффлер⁶ и многие другие. В рамках

⁶ Спенсер, Г. Основания социологии (§§ 212-236) // Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996; Спенсер, Г. Развитие политических учреждений. / Г. Спенсер // – СПб.: Издание журнала «Мысль», 1882. Электронный ресурс: http://econlibrary.ru/books/91/80/spencer_political%20institutions_chi-iii.html; Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм // М., 1990; Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. / А.Р. Редклифф-Браун // Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. Электронный ресурс: http://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Radcliffe-Brown_Structure_and_Function.pdf; Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Перевод с французского Е.А. Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс». Электронный ресурс: http://scepsis.net/library/id_632.html; Гегель, Г. Феноменология духа. (Вступ. статья и комментарий Ю.Р. Селиванова). Москва: Академический Проект, 2008. – 767 с.; Гегель, Г. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрсмана и Фердинанда Вальтера / пер. с нем. К. Александрова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 304 с.; Милль, Д.С. Огюст Конт и позитивизм. / Д.С. Милль. М.: Изд-во «ЛКИ», 2007. – 176 с.; Маркс, К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2, т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 с.; Маркс, К. Манифест коммунистической партии. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Электронный ресурс: <https://socialist.news/assets/pdf/manifest.pdf>; Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии. / Г. Зиммель. М., 2015. – 416 с.; Вебер, М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. – 704 с.; Конт, О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,

исследований представителей различных направлений научного знания оформились и получили свое развитие многочисленные концепции и теоретико-методологические подходы относительно феномена общества, его структурообразующих элементов и тех процессов, которые обеспечивают динамику социального развития.

Вторым комплексом стали работы исследователей, пытающиеся найти научное обоснование и определение феномену социальной стабильности. Они полагают что социальная стабильность является неотъемлемым составляющим социальной системы. Все работы по данному направлению сгруппированы по трем направлениям. В первую группу включены работы где феномен социальной стабильности рассматривается с точки зрения структурно-функционального подхода. В данной связи необходимо выделить работы Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Б. Малиновского, Р. Мертон, Т. Парсонса, А. Рэдклиффа-Брауна которые рассматривают социальную стабильность как элемент общественного устройства социальной системы непосредственно связанный с ее функционалом ⁷. Вторым направлением стал

2011. – 296 с.; Тойнби, А. Дж. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. / А. Дж. Тойнби, С.Ф. Хантингтон. М.: Алгоритм, 2016. – 88 с.; Шпенглер, О. Закат Европы. / О. Шпенглер. М: «Наука», 1993. – 592 с.; Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории: Пер. с фр. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.; Rostow, W.W. Politics and the Stages of Growth / W. W. Rostow. London: Cambridge University Press. – 1971. – 253 p.; Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. / Д. Белл. Москва: Академия, 1999; Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл. Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. С. 330-342; Тоффлер, Э. Шок будущего. / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2008. 560 с.; Тоффлер, Э. Третья волна. / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2010. – 784 с.; Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2004. – 672 с.

⁷ Спенсер, Г. Основания социологии (§§ 212-236) // Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренко. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996; Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм // М., 1990; Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. / А.Р. Рэдклифф-Браун // Пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. Электронный ресурс: http://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Radcliffe-Brown_Structure_and_Function.pdf; Малиновский, Б. Функциональный анализ. Антология исследований культуры. / Б. Малиновский. Т.1: Интерпретации культуры / Уайт Лесли Элвин, Мердок Джорж П., Гирц Клиффорд и др.; Сост. С.Я. Левит, Л.А. Мостова; Отв.ред. Л.А.Мостова. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 690; Спенсер, Г. Развитие политических учреждений. / Г. Спенсер. СПб.: Издание журнала «Мысль», 1882. Электронный ресурс: http://econlibrary.ru/books/91/80/spencer_political%20institutions_chi-iii.html; Мертон, Р. Социальная структура и anomia. / Р. Мертон. Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Перевод с французского Е.А. Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс». Электронный ресурс: http://scepsis.net/library/id_632.html; Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Перевод с французского. М. Научный мир 1998. – 204 с.; Здравомыслов, А. Г. Социология: теория, история, практика / А. Г. Здравомыслов; [отв. ред. Н. И. Лапин] ; Институт социологии РАН. М.: Наука, 2008. – 382 с.; Здравомыслов, А. Г. Поле социологии в современном мире. / А.Г. Здравомыслов. М.: Логос, 2010. – 410 с.; Запрудский, Ю. Конфликт и политика: новые перспективы. Современная конфликтология в контексте культуры мира. / Ю. Запрудский. Москва, 2001; Шаленко, В. Н. Социальные

конфликтологический подход (Д. Белл, К. Боулдинг, Ю. Гальтунг, Р. Дарендорф, М. Дейч, Р. Доз, Э. Дюркгейм, А. Зайцев, Ю. Запрудский, А.Г. Здравомыслов, Г. Зиммель, Л. Козер, М. Крозье, К. Маркс, Т. Парсонс, Д. Рапопорт, Н. Смелзер, К. Томас, Л. Томпсон, А. Турен, В. Шаленко, М. Шериф, Ф. Энгельс и др.)⁸, раскрывающий природу социальной динамики как результата социальных конфликтов, которые имеют как деструктивный, разрушающий характер, так и позитивную природу, обеспечивающую переход социальной системы в новое качество. Третьим подходом выступает институциональный подход, в рамках которого социальная система рассматривается как совокупность институтов, социальных групп и индивидов, выполняющих конкретный функционал и имеющих определенную социальную роль и статус в социальной иерархии (П. Бурдьё, Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл)⁹. Особенно необходимо отметить востребованность институционального подхода у социологов, исследующих китайское общество, при рассмотрении ключевых факторов социальной стабильности, таких как: миграция, развитие сельских территорий, социально-экономическое неравенство, состояние инфраструктуры социальной сферы и соответствующие изменения социальной политики на общегосударственном и

конфликты / Под ред. Добренкова В.И., Кравченко А.И. // *Фундаментальная социология: в 15 томах, т. VI: Социальные деформации. Гл. 4, раздел 1.* М.: Инфра-М, 2005.

⁸ Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2, т. – 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.; Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии. / Г. Зиммель. М., 2015. – 416 с.; Гегель, Г. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Г. Гегель. М., 2002; Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм. – М., 1990; Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // *THESIS*, 1993, Вып. 2; Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества. / Т. Парсонс. Американская социологическая мысль. М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462-525; Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. М.: Аспект-Пресс, 1997. Гегель, Г. О структуре социального действия. / Г. Гегель. М.: Академический проект, 2000; Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. / Д. Белл. Москва: Академия, 1999. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая волна на Западе. / Д. Белл. Москва: Прогресс, 1986. – С. 330-342; Томпсон, Р. Л. Механистическая и немеханистическая наука: исследование природы сознания и формы / Пер. с англ. Р. Волошин. М.: Философская книга, 2018. – 302 с.

⁹ Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: «Прогресс», 1984.; Коммонс, Дж. Р. Институциональная экономика / Дж. Р. Коммонс // *TERRA ECONOMICUS*, том 10, №3, 2012. – С.69-76; Коммонс, Дж. Р. Институциональная экономика / Дж. Р. Коммонс // *Экономический вестник РГУ*. – 2007. – Том 5, № 4. – С.59-70; Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. В 2-х т. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

региональном уровнях – подтверждает его преимущества по сравнению с функционалистским и конфликтологическим подходами¹⁰.

Третьим комплексом стали работы китайских мыслителей относительно генезиса китайского общества. Прежде всего, это труды великого философа древнего Китая – Кун-цзы¹¹. Учение Кун-цзы сформировало основу государственного миропорядка и, превратившись в государственную идеологию, определили вектор государственной идеологии на тысячелетия, вплоть до XX века. Несмотря на ряд попыток модифицировать учение Кун-цзы, ортодоксальные каноны «Лунь Юй» неразрывны с общими правилами устройства китайского общества, и представляют собой регламент социального поведения. В настоящее время актуальность конфуцианства не снизилась, и китайские исследователи рассматривают влияние конфуцианства как основу современное мировоззрение китайского общества. Это направление получило свое развитие в работах Го Циюна, Гэн Хайтяня, Ли Хуэя, Линь Яньмэя, Лю Цзаци, Лю Чжэньюя, Лян Шумина, Мао Чжэнда, Ту Вэймин и др.¹²

¹⁰ Паин, Э.А. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное / Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2018. – №1. – С. 171-191; Почагина, О.В. Деформация семейных связей как угроза социальной стабильности в КНР / О.В. Почагина / VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации», г. Чита, 10 марта 2016 г. Сборник статей. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – С. 181-193; Чжан, Лей. Проблемы современного состояния социальной стабильности в Китае / Лей Чжан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №7. – С. 87-89; Общественное здоровье и формирование здорового образа жизни в России и Китае: сборник статей / Под ред. А. В. Петрова, Ван Сюй, Ян Юнькэ. – СПб.: Астерион, 2021 – 435 с; Чжан, До. Государственная программа «Национальное единство как семья» в Китае как механизм достижения социальной стабильности в стране / До Чжан // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – №4. – С. 285-293; Ма, Лихуй. Партия в Синьцзяне. Практика управления и откровения – на примере города Урумчи / Материалы «Форума социальных наук Синьцзяна». – Урумчи, 2015; Покостяева, А.А. Отечественные китаеведы о роли среднего класса в обеспечении социальной стабильности и процессах социального управления / А.А. Покостяева / Материалы XVII Международной научно-практической конференции «Россия - Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке», Чита, 26 апреля 2019 года; отв. ред. Ц.С. Дондоков. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 167-175; Ли, Ч. Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века / Ч. Ли, Ц. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – №8. – С. 51-56.

¹¹ Конфуций. «Лунь Юй». Пер. с кит. Л. С. Переломова. - М.: Восточная литература, 2000.

¹² Го Циюн. Исследования современного конфуцианства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 1; Ли Гоу. План обогащения государства. Пер. с кит. З. Г. Лапина. - М., 1985; Гэн Хайтянь. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая. Автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02. - Владивосток, 2011; Чжан, С. Философия конфуцианства как основа национального характера китайцев / С. Чжан // София: электронный научно-просветительский журнал. – 2023. – № 2. – С. 57-62.; Ли Хуэй. Сегодняшний Китай и китайско-российские отношения // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 6; Линь Яньмэй. Формирование культуры гармоничного социалистического общества // Проблемы Дальнего Востока. - 2008. – № 1; Лю Цзаци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. – 2009. –

Четвертый комплекс включает работы лидеров китайского государства, и прежде всего, идеолога модернизации КНР – Дэн Сяопина. В его трудах и выступлениях получила свое обоснование теория реформ стабильности и открытости, в результате которой страна достигла высокого уровня развития.¹³ Значимую роль для исследования феномена «китайской специфики» оказали работы Сунь Ят-сен, Мао Цзедуна, Цзян Цземиня и других политических деятелей Китая¹⁴.

Пятый комплекс представлен теоретико-методологическими исследованиями китайских авторов, в рамках которых дается комплексный анализ процессам модернизации и реформирования китайского государства и общества в конце XX – начале XXI вв. Различные аспекты модернизационных

Но 4; Лю Чженьюй. Идея «ценности гармонии» в построении китайского «социалистического гармоничного общества» (традиционализм и современность) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. 2011. – No 9; Лян Шумин. Об учении Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – No 5; Мао Чжэнда. Преобразования конституционного строя и развитие правового сознания // Вопросы философии. – 2008. – No 1; Ту Вэймин. Подъём «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Полис. Политические исследования. – 2012. – No 1; Ruiping Fan. Reconstructionist Confucianism: Rethinking Morality after the West. – Hong Kong, 2011.; Исторические события в жизни Китая и современность / Российская академия наук; Федеральное автономное государственное учреждение науки Институт Китая и современной Азии. Том Выпуск VII. – Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. – 288 с.; Федосова, А. С. Конфуцианство в современном Китае / А. С. Федосова, О. Г. Моисеева // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2021. – № 18. – С. 212-214.

¹³ Дэн Сяопин. Избранные сочинения. В 4-х тт. – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1994; Он же. Строительство социализма с китайской спецификой. – М.: Наука, 1997; Он же. Основные вопросы современного Китая. – М.: Изд-во политической литературы, 1987; Ден Сяопин. Политическое влияние и политическая оценка современной китайской молодежи // Исследование молодежи. Пекин, 1998. Афонасьева, А. В. Диаспоральная политика КНР в эпоху Дэн Сяопина (1977-1992 гг.) / А. В. Афонасьева // Восток. Африка. Азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 225-236.; Андрианов, В. Д. Роль Дэн Сяопина в разработке теории социализма с китайской спецификой и особенности современной модели социального рыночного хозяйства Китая / В. Д. Андрианов // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 года. Том Выпуск 18 Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 17-27.; Богомолова, Ю. В. Сравнение результатов модернизации китайских политиков Мао Цзедуна и Дэн Сяопина / Ю. В. Богомолова // Актуальные проблемы истории, регионоведения и международных отношений: Сборник тезисов научно-практической конференции молодых исследователей, Нижний Новгород, 25 ноября 2011 года / Отв. редакторы А. М. Горохова, А.М. Брагова. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021.; Тяньтянь, Ж. Исследования теории Дэн Сяопина в России за последние десять лет: основные школы и направления / Ж. Тяньтянь // Человек. Общество. Инклюзия. – 2023. – Т. 14, № 4-1(58). – С. 17-24.; Чесноков, Э. О. От "трех принципов Дэн Сяопина" к "дипломатии волков-воителей": трансформация внешнеполитической стратегии современного Китая / Э. О. Чесноков, Н. А. Аргылов // Власть. – 2022. – Т. 30, № 6. – С. 204-214. и др.

¹⁴ Мао Цзедун. Маленькая красная книжечка. – М.: Алгоритм, 2007. – 160 с. Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения в 4 томах. – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1952; Сунь Ят-сен. Избранные произведения. – М., 1964; Цзян Цземинь. О социализме с китайской спецификой. Т. 1. – М., 2002; Юаньчжу, Цзян Сюньцин. Данцянь вого шэхуй фачжань ды цзедуаньсин тэчжэн [Этапные особенности современного социального развития Китая] // Чжунго цзинцзи шибао. – 2003; Бородич, В. Ф. Режим самовласти разрушительного типа – опыт Китая эпохи Мао Цзедуна / В. Ф. Бородич // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2022. – № 2. – С. 56-66. и др.

процессов были достаточно подробно рассмотрены, например, в работах Чи Фулиня, Ли Инхуа, Ван Шаохуа, Тань Цзяна, Гао Фана, Фан Нина, Ли Теина, Ван Миня, Чэнь Цзишуня, Су Тин Сина, Чень Ицзы, Чжан Сянго, Чжан Фуцяна, Нянь Чжи Чая, Гэ Юй Кит Фама, Ц. Хуана и др.¹⁵

Шестым комплексом работ, позволяющих осмыслить проблематику социальной стабильности в контексте социально-экономического, политического и культурного развития КНР, проблем стратегических направлений модернизации КНР и механизмов их реализации стали труды китайских ученых¹⁶, а так же российских исследователей, таких как О. Ю. Адамс, Л. А. Афонина, Е. С. Баженова, Я.М. Бергера, Т.В. Бугайчук, О.Н. Борох, В.Г. Бурова, А.В. Виноградова, Л.М. Гудошникова, Ю.В. Каира, В.Н. Карташова, Л.И. Кондрашовой, А.В. Ломанова, С.Б. Макеевой, В.В. Малявина, Н.Л. Мамаевой, С.К. Песцова, Н.Б. Помозовой, Д.А. Смирнова, Г.А. Степановой и др.¹⁷

¹⁵ Гао Фан. Чжэнчжисюе юй чжэнчжи тичжи гайгэ (Политология и реформа политической системы). Пекин, 2002; Фан Нин. Сяндай чжунгодэ синьчжэнчжи чжэсюе (Новая философия политики современного Китая). Шанхай, 2002; Чэнь Цзишунь. Чжунхуа миньцзу вэйда фусиндэ чжэнчжи чжичэн (Цзян Цзэминь чжэнчжи сысян яньцзю) (Политика поддержки великого возрождения китайской нации (Изучение политических идей Цзян Цзэминя)). Наньчан, 2002; Ван Минь. Цзян Цзэминь шэхуйчжун чжиду цзяньшэ лилунь юй шицзянь яньцзю (Теория и практика Цзян Цзэминя в области строительства социалистического режима). Цзинань, 2004; Цзян Цзэминь гофан кэцзи гун'е цзяньшэ сысян яньцзю (Изучение идей Цзян Цзэминя в области развития национальной безопасности, науки, техники и индустрии). Пекин, 2005; Су Тин Син. Исследование тенденций развития китайской молодежи // Исследование современной молодежи. Пекин, 1992. № 5; Чень Ицзы. Китай: десятилетие реформ. М., 1996; Чжан Сянго. Модернизационные процессы в современном Китае: социальные аспекты. СПб., 1999; Чжан Фуцян. Власть закона и модернизация Китая // Китай на пути модернизации и реформ. Ч. 2. ИДВ РАН. М., 1999; Нянь Чжи Чай, Гэ Юй Кит Фам (20 лет политики реформ и открытости. – Пекин, 1998. (на кит. яз.); Чжан Сянго. Модернизационные процессы в Китае: социальный аспект. СПб, 1998; Хуан Ц. Влияние сотрудничества Китая и России на экономику Китая // Научный аспект. 2023. Т. 7. № 5. С. 857-861.

¹⁶ Tsingde, V. The Evolutionary Logic of Order in the Long-Term Stability of Contemporary Chinese Society / V. Tsingde // Journal of Shandong Socialist Institute, No.1, 2020. 16-24 p; Lianhe, H. How does the gap between rich and poor affect social stability? / H. Lianhe, H. Angan // JiangXi Social Science, 2007, 142-151 p; Fan, P. The Impact of China's Social Structure and Social Consciousness on National Stability / P. Fan // Political Science Research, 2009. 54-67 p; Gao, H. Intention and Contemporary Significance of Chinese Social Stability / H. Gao // Academic Exploration. No.3, 2003. 94-96 p; Liu, Z. Practical framework in China Social Stability Risk assessment and the key focus / Z. Liu, C. Zhu // Journal of southwest university, 2014. С. 50-57; Yu, Ts. Analysis of the Stability of China's Social Order / Ts. Yu // Study & Exploration, №.9, 2009. 113-118 p.

¹⁷ Бергер, Я.М. Экономическая стратегия Китая. / Я.М. Бергер. М., 2009; Бугайчук, Т. В. Основные условия формирования гражданской идентичности в Китайской народной республике / Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 2(16). – С. 5-15.; Буров, В.Г. Смена модели социально-экономического развития (К итогам XVI съезда КПК) // Марксизм: прошлое, настоящее и будущее / В.Г. Буров. М., 2003; Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. М., 2005; 127. Виноградов, А. В. Система общественного доверия в КНР / А. В. Виноградов, Л. А. Афонина // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 3. – С. 125-142. Каира, Ю. В. Коммуникативная роль традиционных ценностей в поддержании социальной стабильности китайского общества / Ю. В. Каира, Ц. Лю // Коммуникология. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 111-121.; Китайская Народная

Седьмым комплексом работ стали труды ученых касающиеся сравнительных характеристик Российского и Китайского государств. Здесь необходимо отметить труды ученых проводящих сравнительный анализ состояния социально-экономических сфер, таких как С.Н. Пшеничникова, Н.К. Савельева, Д.А. Изотов¹⁸. Социальную политику России и Китая сравнивают в своих работах М.М. Акулич, З.Т. Голенкова, Е.Н. Данилова, Ю.Б. Епихина, И.В. Журавлева И.В., Ю.П. Лежнина, Е.А. Назарова, С.В. Рязанцев, З.Х.М. Саралиева, М.Ф. Черныш¹⁹. Социальную структуру двух государств в целом и в частности положение в ней среднего класса сопоставляют В.А. Аникин, М.К. Горшков, П.М. Козырева, А.В. Каравай, Н.В. Латова, Ю.В. Латов, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.В. Петухов, Н.Е. Тихонова, Н.Н. Седова, А.И. Смирнов²⁰.

Республика: политика, экономика, культура 2022 / А. В. Афонасьева, К. В. Бабаев, Е. С. Баженова [и др.] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. – Москва : Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2023. – 432 с. Кондрашова, Л. И. «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения / Л.И. Кондрашова // Проблемы Дальнего Востока. 2002. №4; Помозова, Н.Б. Дискурс-анализ концепции «Сообщества единой судьбы» человечества и ее рефлексивная составляющая / Н.Б. Помозова // Коммуникология. – Том 9. – No 2. – С. 79-87; Ломанов, А. В. Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае / А.В. Ломанов, О.Н. Борох // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 5; Смирнов, Д.А. Ден Сяопин и модернизация Китая / Д.А. Смирнов // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – №5; Гудошников, Л.М. Система государственного управления в КНР / Л.М. Гудошников // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – С. 36-44; Карташова, В. Н. Особенности межкультурной коммуникации в Китае / В. Н. Карташова, В. Чжан // Культура в фокусе научных парадигм. – 2023. – № 16. – С. 55-60.; Макеева, С. Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов / С.Б. Макеева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 225-236; Малявин, В. В. О китайской цивилизации / В. В. Малявин // Российское китаеведение. – 2022. – № 1. – С. 95-111.; Мамаева, Н.Л. КПК на современном этапе развития (конец XX – начало XXI вв.) / Н.Л. Мамаева // Проблемы Дальнего Востока. 2006. №2. С. 43-54; Песцов, С. К. Трудная периферия: стратегия и результаты оживления "ржавого пояса" Китая / С. К. Песцов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 126-136.; Современное китайское государство / О. Ю. Адамс, Л. А. Афолина, Е. С. Баженова [и др.]. Том 1. – Москва: Российская академия наук, 2022. – 904 с.

¹⁸ Пшеничникова, С. Н. Факторный количественно-качественный анализ динамики ВВП России и Китая (эконометрическая модель Китая и общие выводы) / С. Н. Пшеничникова, Е. С. Наумова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 6-1(144). – С. 12-18.; Савельева, Н. К. Сравнительная характеристика уровня и качества жизни населения на примере России и Китая / Н. К. Савельева, А. А. Созинова, А. М. Пашков // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2023. – № 3. – С. 241-259.; Изотов, Д. А. Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик / Д. А. Изотов // Власть и управление на Востоке России. – 2023. – № 3(104). – С. 70-87.

¹⁹ Социальная политика в России и Китае / З. Т. Голенкова, М. М. Акулич, Е. Н. Данилова [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2016. – 528 с.

²⁰ Горшков, М. К. Опыт изучения среднего класса и среднедоходных слоев в современной России / М. К. Горшков // Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения. – Москва: Новый хронограф, 2018. – С. 5-20.; Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения / М. К. Горшков, П. Ли, П. М. Козырева [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2018. – 544 с.

Наиболее близки к проблематике диссертационного исследования работы ученых, в которых проводится сравнительный анализ социальной стабильности городов России и Китая. В данной связи необходимо отметить работы таких ученых как А.А. Алексеенко, О.А. Башева, Д.Н. Брикет, Х. Ван, Ц. Ван, Н.С. Воронина, К.А. Галкин, М.К. Горшков, Т.А. Гурко, Ю.В. Каира, П.М. Козырева, Н.Д. Коленникова, Д.Л. Константиновский, П. Ли, П.А. Меркулов, А.В. Петров, И.П. Попова, С.В. Мареева, А.И. Смирнова, М.Ф. Черныш, И.Г. Чубаров и др.²¹

Вместе с тем, несмотря на достаточно большой спектр научных исследований, затрагивающих сущность концепта социальной стабильности и специфику китайского социума, данные феномены еще не получили всестороннее теоретическое изучение, что объясняется, на наш взгляд чрезвычайно сложным и междисциплинарным характером самой проблемы.

Объект диссертационного исследования – социальная стабильность современного общества.

Предмет диссертационного исследования – социально-управленческие механизмы поддержания социальной стабильности в КНР.

²¹ Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / М. К. Горшков, П. Ли, П. М. Козырева [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2023. – 720 с.; Петров, А. В. Современная социология города в России и Китае: основные направления развития исследований / А. В. Петров // Современные города и социальное управление в России и Китае: сборник статей XIX российско-китайской социологической конференции, Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2023 года / Российско-Китайский Центр сравнительных социальных, экономических и политических исследований направления «Социология» СПбГУ; Студенческое научное общество «Социология в России и Китае» СПбГУ. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. – С. 9-11.; Каира, Ю. В. Сравнительный анализ факторов социальной стабильности провинциальных городов на ПРИМЕРЕ Г. Орла и г. Жичжао / Ю. В. Каира // Социологический альманах: Материалы XV Орловских социологических чтений, Орел, 08 декабря 2023 года. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – С. 37-41.; Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / М. К. Горшков, П. М. Козырева, П. Ли [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2021. – 584 с.; Каира, Ю. В. Социальная стабильность китайских провинций (на материалах города Жичжао) / Ю. В. Каира, Ц. Лю // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 115-130.; Факторы социальной стабильности провинциальных городов Китая (Жичжао) и России (Орёл): Информационный бюллетень социологической лаборатории: Научное издание / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенко, Ю. В. Каира [и др.]. – Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. – 72 с.; Каира, Ю. В. Сравнительный анализ факторов социальной стабильности провинциальных городов на ПРИМЕРЕ Г. Орла и г. Жичжао / Ю. В. Каира // Социологический альманах: Материалы XV Орловских социологических чтений, Орел, 08 декабря 2023 года. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – С. 37-41.; 182. Чубаров, И. Г. Развитие городов Китая в рамках госпрограммы "урбанизации нового типа" / И. Г. Чубаров // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 1. – С. 139-148.

Цель диссертационного исследования – на основе комплексного социологического анализа выявить социально-управленческие механизмы поддержания социальной стабильности в КНР и определить основные направления их совершенствования.

В соответствии с поставленной целью были определены и основные **задачи**, отражающие общую логику и концепцию исследования:

- 1) исследовать концепт социальной стабильности как категории социологии;
- 2) проанализировать становление и развитие социологических теорий и концепций исследования социальной стабильности;
- 3) обосновать теоретические подходы к исследованию социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности;
- 4) выявить влияние социальных реалий на особенность становления и развития социальной стабильности в КНР;
- 5) провести количественно-качественный анализ состояния социальной стабильности КНР на материалах города Жичжао;
- 6) исследовать институционализацию государственного управления как социально-управленческого механизма поддержания социальной стабильности в КНР и определить основные направления его совершенствования.

Гипотеза диссертационного исследования.

Социальная стабильность в таком крупном и сложном государстве как Китай находится под угрозами как внешнего происхождения вследствие глобальной турбулентности смены эпох человеческой истории, проявляющихся в переходе от однополярного к многополярному мироустройству в геополитике и геоэкономике, так и внутреннего происхождения, проявляющихся в опережающих действительность социальных ожиданиях успехов общественного развития, в социальном неравенстве, в миграции из сёл в города, в межрегиональной дифференциации уровня жизни и в других особенностях современного китайского общества.

Если действие внешних угроз социальной стабильности такого общества как китайское можно смягчить лишь частично вследствие их объективной независимости, то внутренние угрозы поддаются более быстрому и полному устранению внутригосударственными институциональными социально-управленческими механизмами за счёт их усовершенствования и осовременивания. Оно должно основываться на традиционных тысячелетних ценностях, чтобы сохранить социальную стабильность в процессе непрерывно продолжающегося развития. Для укрепления этих механизмов необходимо интегрировать современные управленческие практики с традиционными культурными ценностями.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования.

В теоретическо-методологическую основу диссертации заложены теории и концепции ученых, занимающихся исследованием социальной стабильности, в частности:

- теория социальной солидарности (Э. Дюркгейм), в рамках которой рассматриваются различные варианты сплочения представителей социальных групп:

- структурно-функциональный подход (Г. Спенсер, А. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский, Р. Мертон, Т. Парсонс) в рамках которого общество рассматривается как система с присущими ей конкретной структурой и функционалом, позволяющим ей развиваться;

- конфликтологический подход (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер) раскрывающий природу социальной динамики как результата социальных конфликтов, которые имеют как деструктивный, разрушающий характер, так и позитивную природу, обеспечивающую переход социальной системы в новое качество.

- институциональный подход (П. Бурдьё, Т. Веблен, Дж. Р. Коммонс, У.К. Митчелл) в рамках которого социальная система рассматривается как совокупность институтов, социальных групп и индивидов, выполняющих

конкретный функционал и имеющих определенную социальную роль и статус в социальной иерархии.

Эмпирическая база диссертационного исследования.

В основу эмпирической базы исследования заложены результаты социологических исследований.

Массовый опрос населения городского округа Жичжао в восточно-китайской провинции Шаньдун «Социальная стабильность», проведенного в мае-июне 2023 года. Метод исследования – онлайн-анкетирование населения городского округа Жичжао. Выборочная совокупность – 1894 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается по полу, возрасту, сферам занятости. Средняя ошибка выборки не превышает 2,3%. В рамках социологического исследования затрагивались такие темы, как оценка общего положения городского округа Жичжао, самооценка материального положения жителями, главные социальные проблемы, качество основных сфер жизнедеятельности.

Фокус-группа (онлайн) «Социальная стабильность». Руководители – Лю Ц., Каира Ю.В. Исследование проводилось 07.05.2023, методом онлайн-фокус-группы. В состав фокус-группы вошли жители городского округа Жичжао (7 человек).

Для сравнительного анализа использовались результаты исследований, проведенных на кафедре в социологической лаборатории кафедры «Социология и социальные технологии» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС:

Массовый опрос населения г. Орел «Социальная стабильность», проведенного в мае-июне 2023 года. Метод исследования – онлайн-анкетирование населения. Выборочная совокупность – 881 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается по полу, возрасту, месту проживания. Средняя ошибка выборки не превышает 3%. В рамках социологического исследования затрагивались такие темы, как оценка общего

положения г. Орел, самооценка материального положения жителями, главные социальные проблемы, качество основных сфер жизнедеятельности.

При анализе использовались статистические материалы касающиеся трансформации факторов социальной стабильности городского округа Жичжао.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну.

1. Исследование концепта социальной стабильности как категории социологии в рамках структурно-функционального, конфликтологического и институционального подходов позволяет определить его как способность социальной системы эволюционировать посредством адаптации к изменениям в парадигмальном соотношении «стабильность – нестабильность» при сохранении равновесия ценностей, норм, социокультурных характеристик, социально-экономических и социально-политических связей (6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта научной специальности 5.4.7. Социология управления).

2. Обосновано, что для исследования социальной стабильности современного китайского общества наиболее релевантна теория социальной солидарности, согласно которой социальная стабильность достигается, с одной стороны, посредством нормативно-правовых основ, административно-правового закрепления или договора (внешних регуляторов) с помощью таких социальных институтов как государство, право, экономика, а с другой стороны, посредством ценностно-моральных основ, нравственности, соборности (внутренних регуляторов), заложенных в самом человеке с помощью таких институтов как религия, семья. (6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта научной специальности 5.4.7. Социология управления).

3. Обосновано, что наиболее полно раскрыть социально-управленческие механизмы поддержания социальной стабильности позволяет

институциональный подход, который обеспечивает наиболее полное и сбалансированное ее понимание. На основе данного подхода уточнено понятие «социально-управленческий механизм поддержания социальной стабильности», включающее наряду с системой административно-правовых норм, моральные – неформальные правила, институты и практики, которые государство и другие социальные акторы применяют в управлении общественными процессами с целью обеспечения стабильности социума. (6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта научной специальности 5.4.7. Социология управления).

4. Установлено, что всю историю становления и развития КНР в зависимости от социально-управленческих аспектов и факторов социальной стабильности можно разделить на три этапа. Первый – «социалистический» (1949-1979 гг.) сопровождался сменой властной элиты и становлением пролетарской культуры; социальная стабильность обеспечивалась преимущественно факторами социальной идентичности. Второй – «социально-экономический» (1979-1992 гг.), сопровождался новыми требованиями к управленцам по повышению эффективности всех видов хозяйственной деятельности; социальная стабильность обеспечивалась преимущественно такими факторами, как уровень экономического роста и качество государственного управления. Третий этап – «международной открытости» (с 1993 г. по настоящее время), сопровождается внедрением рыночных отношений, требующих от управленцев международных, а в дальнейшем и глобальных, компетенций; социальная стабильность обеспечивается преимущественно факторами укрепления национальной идентичности, социальной справедливости, морально-нравственных ценностей. (6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта научной специальности 5.4.7. Социология управления).

5. На основе количественно-качественного анализа состояния социальной стабильности КНР на материалах города Жичжао выявлены следующие особенности.

С одной стороны, населению свойственно негативно оценивать собственный материально-имущественный статус, что свидетельствует о высокой депривации, которая проявляется у китайского населения на фоне увеличения материального развития региона в частности и страны в целом, негативно влияя на социальную стабильность. При этом выявлена гендерная дифференциация, заключающаяся в том, что женщины больше мужчин обеспокоены состоянием социально-культурной сферы, общественной морали и нравственности, а мужчины больше женщин настроены на личное обретение материальных благ. С другой стороны, возрождение конфуцианских ценностей, проявляющихся в заботе о состоянии морали, нравственности, духовности положительно влияет на социальную стабильность, что необходимо учитывать при разработке программ поддержания социальной стабильности. (6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта научной специальности 5.4.7. Социология управления).

6. Разработаны социально-управленческие механизмы поддержания социальной стабильности в КНР, интегрирующие конфуцианские ценности и основные направления совершенствования данных механизмов:

- когнитивный – включает распространение конфуцианских ценностей через институты СМИ и образования. Для его совершенствования необходимо масштабирование целевых медиа-кампаний, образовательных программ по популяризации конфуцианских ценностей;

- традиционный – задействует конфуцианские ритуалы и традиции, которые через символику и церемонии фактически подпитывают единую культурную идентичность и институционализируют самобытную китайскую религию на государственном уровне;

– технологический – предполагает использование цифровых сервисов и платформ собственной разработки для распространения конфуцианских идей. Для его совершенствования важны интенсификация медийного дискурса с применением геймификации в цифровых сервисах и платформах по темам социальной стабильности и традиционных объединяющих начал, а также укрепление аналитических и контрольных цифровых инструментов. (6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта научной специальности 5.4.7. Социология управления).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что выводы, содержащиеся в работе, расширяют и углубляют теоретическую базу исследований относительно проблематики социальной стабильности. Опыт реализации политики реформ стабильности и устойчивости может быть использован при разработке научно-практических рекомендаций по совершенствованию государственного управления, как в КНР, так и в других странах.

Проблематика феномена социальной стабильности, получившая в настоящем исследовании комплексный и системный анализ, может рассматриваться как начальный этап исследовательской программы, ориентированной на широкомасштабное изучение механизмов государственного и общественного управления, позволяющих обеспечить стабильное и устойчивое развитие с учетом коллизий современности.

Материалы диссертационного исследования могут найти применение при разработке учебно-методических курсов по дисциплинам «Социология», «Социология управления», «Социология государственной службы», «Социальная структура и стратификация».

Апробация работы.

Основные научные результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научных, научно-практических, международных и региональных конференциях:

ХIII всероссийская научно-практическая конференция «Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы» (Орел, 2022 г.), Научно-практическая конференция «Молодежная политика в современной России: взгляд молодых» (Орел, 2022 г.), Научно-практическая конференция «Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях» (Орел, 2022 г.), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Возможности применения результатов эмпирических исследований для изучения актуальных проблем современности» (Орел, 2023 г.), Научный коллоквиум «Социальные трансформации» по теме «Подводя итоги: мир как трансформация» (Смоленск, 2023 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданское общество: взгляд молодежи» (Тула, 2024 г.), XV Всероссийская научно-практическая конференция «Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы» (Орел, 2024 г.); Международная научно-практической конференция XVI Орловские социологические «Трансформация социальной структуры современного российского общества: состояние, динамика, тенденции» (Орел, 2024).

Перечень публикаций автора

А. Статьи в изданиях, индексируемых международными базами данных:

1. Лю, Ц. Социальное здоровье современной студенческой молодежи: социологический анализ / Ц. Лю, А.А. Алексеёнок, Ю.В. Каира, Е.К. Кондратова, С. Тянь // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2024. – Т. 32, № 4. – С. 748-754. (1,0 / 0,2).

Б. Статьи в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук:

2. Лю, Ц. Современная социальная политика в России: актуальные проблемы и возможные пути решения / Ц. Лю // Теория и практика общественного развития. – 2018 – № 6 (124). – С. 27-32. (0,5 п.л.).

3. Лю, Ц. Социальная стабильность в России: новый взгляд / Ц. Лю // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 6 (50). – С. 23-29. (0,5 п.л.).

4. Лю, Ц. Социальная стабильность в стране: генезис понятия / Ц. Лю // Социология. – 2018 – №2. – С. 150-154. (0,5 п.л.).

Г. Статьи в изданиях, рекомендованных Ученым советом Академии:

5. Лю, Ц. Коммуникативная роль традиционных ценностей в поддержании социальной стабильности китайского общества / Ц. Лю, Ю.В. Каира // Коммуникология. – 2023. – Т. 11. № 3. – С. 111-121. (0,8 / 0,4).

6. Лю, Ц. Социальная стабильность китайских провинций (на материалах города Жичжао) / Ц. Лю, Ю.В. Каира // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18. № 5. – С. 115-130. (1,0 / 0,5 п.л.).

Д. Иные работы автора:

7. Лю, Ц. Факторы социальной стабильности провинциальных городов Китая (Жичжао) и России (Орёл) / Ц. Лю, П.А. Меркулов, А.А. Алексеёнок, Ю.В. Каира, А.С. Журавлёва / Информационный бюллетень социологической лаборатории: Научное издание. – Орёл: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2023. – 72 с. (5,0 / 1,0).

8. Лю, Ц. Развитие общественных институтов и отношений в эпоху цифровизации / Ц. Лю, Т.В. Доброва, И.В. Старых / Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы. Сборник статей XIII всероссийской научно-практической конференции (Орел, декабрь 2022). – Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2022. – С. 37-44. (0,45 / 0,15 п.л.).

9. Лю, Ц. Молодёжные общественные объединения как инструмент реализации государственной молодежной политики / Ц. Лю, Д.Г. Мозгов / Молодежная политика в современной России: взгляд молодых исследователей. Материалы научно-практической конференции (18 июня 2022 года) / Под редакцией А.Л. Елисеева. – Орёл: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2022 – С. 128-134. (0,4 / 0,2 п.л.).

10. Лю, Ц. Роль государственной молодежной политики на современном этапе развития государства / Ц. Лю, А.Р. Пирогова, В.И. Васютина / Трудоустройство и социальная адаптация молодежи в современных условиях. Материалы научно-практической конференции / Под редакцией А.Л. Елисеева. – Орёл: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. – С. 151-154. (0,3 / 0,1).

11. Лю, Ц. Индекс счастья как степень удовлетворенности жизнью / Ц. Лю, Д.А. Гудакова, О.С. Кузнецова / Возможности применения результатов эмпирических исследований для изучения актуальных проблем современности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 23 мая 2023 года / Отв. ред.: Алексеёнок А.А. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2023. – С. 56-64. (0,45 / 0,15).

12. Лю, Ц. СМИ как фактор обеспечения социальной стабильности в современном обществе / Ц. Лю, А.С. Журавлёва / Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы. Сборник статей XIV Всероссийской научно-практической конференции. Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС. – Орел, 2023. – С. 66-71. (0,4 / 0,2).

13. Лю, Ц. Молодёжные лидеры и их влияние на социальную стабильность общества / Ц. Лю, Ю.В. Каира, К.С. Еремина, В.И. Серякова / Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы: сборник статей XV всероссийской научно-практической конференции, Орел, 19 апреля 2024 года. – Орел: РАНХиГС, 2024. – С. 94-102. (0,6 / 0,15).

14. Лю, Ц. Динамика социально-политической ситуации в стране и регионе как фактор социальной стабильности / Ц. Лю, А.А. Алексеенок, А.А. Поляков, И.В. Белоусов / Трансформация социальной структуры современного российского общества: состояние, динамика, тенденции. Материалы XVI международной научно-практической конференции Орловские социологические чтения 6 сентября 2024 г. – С.10-15. (0,4 / 0,1).

15. Лю, Ц. Социально-экономическое положение населения региона

как фактор социальной стабильности / Ц. Лю, А.С. Журавлева / Образы и модели будущего: Среднерусский международный академический форум (26-27 сентября 2024 г.) в 2 томах. Том 1 / Под общ. ред. П.А. Меркулова. – Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2024. – С. 208-213. (0,4 / 0,2).

Структура работы. Научно-квалификационная работа состоит введения, 2-х глав, разделенных на 6 параграфов, заключения, списка литературы, приложений. В работе 21 рисунок, 12 таблиц.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности

1.1. Социальная стабильность как социологическая категория

Феномен социальной стабильности в научной и аналитической литературе явление сравнительно новое. Он появился как рефлексия на вызовы и проблемы современного мира. Сегодня, когда человечество переживает сложный период смены цивилизационной парадигмы, обусловивший стремительное расширение комплекса проблем, которые уже вышли за рамки конкретных государств и обществ и получили глобальное значение, проблематика социальной стабильности не только стала актуальной темой политических выступлений, аналитических обзоров или научных трудов, она выступает ключевым и стратегически важным фактором развития всего человечества. Именно эти аспекты выдвинули проблему социальной стабильности на передний план научных изысканий.

Социальная стабильность выступает тем универсальным состоянием общества, при котором социальная система и ее институты стабильно функционируют и развиваются и соответственно интерес к ее исследованию не ослабевает у представителей научного сообщества в целом и социологов в частности. Изучение концептуальной сущности данного понятия приобретает немаловажное значение сегодня, когда социальные, политические, экономические, культурные и иные проблемы, выходят за рамки одного государства и приобретают масштабы глобальной катастрофы. Глобальные проблемы современности поставили цивилизацию на грань выживания и комплексное, системное понимание проблематики концепта стабильности во многом будет способствовать их решению.

Категория «социальная стабильность» в настоящее время используется, в большей степени, для характеристики социального баланса в обществе и определенным образом затрагивает все сферы жизнедеятельности социума. Вместе с тем, учитывая тот факт, что данная дефиниция представляет собой

стратегически важный показатель социальной жизни, выступает основой государственности, раскрытие концептуальной сущности данного понятия не имеет четкого и однозначного определения.

«Стабильность» (лат. *stabilis*) в широком понимании данного термина практически во всех науках трактуется как способность той или иной системы функционировать в течение длительного времени без изменения структуры при изменениях внешней среды²².

Выступая синонимом «устойчивости», «постоянства», «равновесия», «солидарности».

Социальная стабильность тождественна неизменности самой социальной системы и/или ее структурообразующих элементов. Ей противостоят социальные изменения, которые в широком понимании позиционируются как социальные катаклизмы, подрывающие основу стабильности общества и ведущие к ухудшению жизнедеятельности людей, их благополучия. С другой стороны, социальная стабильность, продолжающаяся без изменений в течение длительного времени, приводит к социальной стагнации, которая, как правило, обуславливает появление социальной напряженности и нестабильности социума. Примером этому является Советский Союз, социальная стабильность которого привела к застою и распаду государства. Подобные примеры, когда неизменность социальных структур, институтов и процессов приводила не к стабильности и процветанию, а к социальной напряженности и конфликтам, в истории цивилизации встречаются довольно часто.

Чтобы понять природу данных противоречий необходимо исследовать сущность понятия «стабильность» и выявить концептуальные характеристики применительно к социологии.

Социология рассматривает общество как систему, объединяющую в единое целое совокупность отдельных структурообразующих элементов. Как

²² Merton, R.K. Social Structure and Anomie / R.K. Merton // American Sociological Review. – Vol. 3, No.3. – 1938, – pp. 672-682.

всякая система общество стремится определённой к сохранению устойчивости своей структуры²³.

Любая социальная система представляет собой совокупность социальных групп, социальных институтов и индивидов, которые объединены в единое целое. Жизнедеятельность общества порождается согласованным множеством взаимодействий социальных субъектов и поддерживается громадным разнообразием условий и факторов, которые обуславливают характер социальных изменений и процессов, а также обуславливают их устойчивость. Основой этих процессов выступают два фактора.

Во-первых, это *совокупность множества функций*, с помощью которых элементы системы (общества) удовлетворяют свои потребности. Функции представляют собой иерархическую систему более-менее важных или значимых координаторов субъектов, интегрирующих их в единое целое.

Во-вторых, это *культура*, определяющая формы регулирования социальных взаимодействий.

Немаловажным фактором устойчивости общества выступают социальные общности, в рамках которых субъекты получают статусную согласованность. Социальные общности представляют собой коллективный субъект, социальной активности, результатом которой выступает построение иерархической системы социальных связей и функционала, необходимых для их жизнедеятельности. В своей совокупности коллективные субъекты представляют общество. Фундаментальным фактором, обеспечивающим социальный порядок (устойчивость) служит способность коллективных субъектов к воспроизводству. Именно эта способность обеспечивает возможность подавлять или корректировать случайные (флуктуативные) отклонения состояний элементов и подсистем общества. Подобные отклонения в большинстве случаев подавляются за счет обратных связей, что обеспечивает в конечном итоге равновесие состояния системы (общества). С

²³Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. Хрестоматия. – М., 1994.

другой стороны, способность к воспроизводству обеспечивает возможность подавлять (или корректировать) отклонения, вызванные внешними факторами и/или внешним воздействием. Подобные отклонения обуславливают эффект коллективного поведения социальных субъектов, подсистем общества, которое через отклонения от равновесного состояния приводит или к разрушению системы (общества) или же к возникновению новых форм социального порядка либо же новых подсистем или новых структур общества. В данном случае говорится о том, что способность коллективных субъектов к воспроизводству обуславливает понимание общества как самоорганизующейся системы, стремящейся к порядку и равновесию ее структурообразующих элементов и подсистем²⁴.

В основу социального порядка заложен комплекс регулирующих матриц, которые обуславливают слаженность и согласованность деятельности всех действующих социальных субъектов социальной системы:

- институциональная матрица представляет собой совокупность устойчивых форм взаимодействий социальных институтов, обеспечивающих процесс развития общества при сохранении социального баланса и равновесия социальных подсистем;

- функциональная матрица определяет комплекс нормативов, ценностно-ориентированных императивов деятельности посредством которых коррелируется иерархия коллективных субъектов, социальной системы в целом в процессе удовлетворения потребностей;

- организационная матрица посредством совокупности управленческих механизмов обеспечивает деятельность социальных структур и субъектов таким образом, что они могут адаптивно подстраиваться под изменения внешней и внутренней среды.

Социальная стабильность у классика социологической науки Э. Дюркгейма хоть и не тождественна, но близка к категории «социальная

²⁴Parsons, T. On institutions and social evolution: selected writings / Leon H Mayhew, ed. Chicago: University of Chicago Press, 1982.

солидарность». Он анализирует ее через разделение труда, которое считает неизменной составляющей индустриального общества. В отличие от общества с механической солидарностью в котором индивиды объединяются на основе сходства, а индивидуальность жестко пресекается и поглощается коллективом, в обществе с органической солидарностью индивиды объединяются на основе своего различия взаимодополняя друг друга. Объединившись для достижения каких-то рабочих операций люди понимают, что становятся более совершенными в процессе производства, что порождает у них чувство удовлетворенности, а затем и симпатии к своему партнеру. В подтверждение своей идее ученый пишет: «...мы приходим к рассмотрению разделения труда с новой стороны. Действительно, в этом случае экономические услуги, которые оно [разделение труда] может оказывать, ничто в сравнении с производимым им моральным действием; истинная функция его - создавать между двумя или несколькими личностями чувство солидарности. Каким бы образом ни получался этот результат, именно солидарность порождает эти общества друзей, и она их отмечает своей печатью»²⁵. Продолжая свою идею о взаимосвязи солидарности и общественного разделения труда ученый пишет «Если часто утверждали, что общественные отношения, берущие начало в разделении общественного труда, состоят только в обмене, то потому, что не знали, чего требует обмен и что из него вытекает. Он предполагает, что два существа взаимно зависят друг от друга, потому что оба они несовершенны; он же только выражает внешним образом эту взаимную зависимость. Он, стало быть, является лишь поверхностным выражением внутреннего, более глубокого состояния»²⁶.

Устойчивость социальной системы и равновесие ее структурообразующих элементов напрямую зависит от того насколько социальный порядок соответствует условиям, в которых осуществляется жизнедеятельность социальной системы. Вторым немаловажным фактором

²⁵ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1996 г. – С. 62-63.

²⁶ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М., 1996 г. – С. 68.

является равновесие структурообразующих элементов, которое достигается посредством сбалансированности (согласованности) их деятельности. Если баланс нарушается, то система (общество) переходит в состояние отступления от равновесия между элементами. Это приводит к следующим последствиям: появлению излишнего хаоса и беспорядка или напротив избыточного порядка; возникновению дезорганизации социальной системы или напротив излишней самоорганизации. Все вышеперечисленное обуславливает потерю субъектов составляющих социальную систему способности к ее воспроизводству. В данной ситуации стратегическим фактором, который способен вернуть системе состояние устойчивого порядка является **культура**, определяющая формы регулирования социальных взаимодействий. Культура, в данном контексте, понимается как совокупность ценностных норм и смыслов, морально-нравственных установок и правил поведения субъектов, посредством которых осуществляется рефлексия индивидуального и массового сознания на состояние социальной системы и/или ее структурообразующих элементов в целом и, главное, на понимание социального порядка как механизма жизнедеятельности и основы воспроизводства. Если это понимание рефлексивно, то социальная система в условиях дисбаланса получает возможность восстановления и/или модернизации своих элементов. В противном случае систему ждет гибель.

В данном контексте важную роль приобретает институциональная матрица, обеспечивающая способность системы к воспроизводству. Институционализация деятельностных практик закрепляет институт культуры, и ее структурообразующие элементы становятся теми моделями, которые на рефлексивном уровне воспринимаются индивидами и находят реализационное воплощение с помощью таких регуляторов как функциональная и организационная матрицы.

Культурные модели – обычаи, традиции, идеалы, ритуальные практики и т.п. – регламентируют и регулируют поведение субъектов, обеспечивают баланс взаимодействий социальных субъектов и устойчивость социальной

системы. Но, самое главное, культурные модели, определяющие национальное сознание и мировоззрение обеспечивают процессы идентификации и социализации субъектов, что, в итоге позволяет воспроизводиться коллективным субъектам и социальной системе в целом.

В данном контексте системно важным фактором определения стабильности как социальной категории выступает фактор *времени*. Выделение данного фактора связано с тем, что функционирование социальной системы не является статичной мерой. Общество представляет собой динамичную систему и в настоящее время она исследуется не как статичное состояние, а как динамичный процесс²⁷.

Исходя из данного понимания, акцент в понимании стабильности социальной системы переносится в плоскость диалектического единства «стабильность – нестабильность». Данная парадигма позволяет рассматривать социальную систему как процесс парадигмальных изменений, которые инициируются совокупностью противоречий, заставляющих систему (общество) стремиться к равновесию и активизировать свои ресурсы. В данном контексте нестабильность вступает актором созидającego начала, источником дальнейшей стабилизации общества.

Диалектическое единство «стабильность-нестабильность» подразумевает, что нестабильность, как изменчивость системы, характеризуется нарушением баланса структурообразующих элементов, которые приводят к нарушениям меры соответствия ее устойчивости и изменчивости. Вместе с тем, социальная нестабильность в ее понимании как изменчивость подразумевает не хаос или дисфункцию социальной системы, а незавершенность ее развития на конкретном временном отрезке эволюционного процесса.

Социальные изменения как форма социальной нестабильности обозначают начала парадигмального перехода системы из одного состояния в

²⁷ Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 200 – 528 с.

другое. Социально-историческая практика развития социальных систем показывает, что нормальные (стабильные) процессы развития соответствуют конкретной временной норме социальной жизнедеятельности. На определенном этапе весь функционал социума и его элементов, мировоззрение и массовое сознание воспринимает и находится в стабильном равновесии. Эти нормы являются мерой соотношения стабильности и устойчивости социума и одновременно нормами его существования и развития. В данном случае, изменчивость системы обуславливается разнообразием внутренних деятельностных взаимодействий, в рамках которых социальные субъекты порождают качественно новые формы социальных норм, вступая в противоречия с существующим социумом, инициируя тем самым изменения.

С другой стороны, социум представляет собой открытую систему. В данном случае социальная система выступает частью (элементом) большей системы, которая в свою очередь, обеспечивает ее устойчивость как структурообразующего элемента и неразрывную связь социальной системы с другими подобными элементами. Но, вместе с тем, эта связь порождает комплекс взаимодействий, которые в свою очередь, обуславливают совокупность норм как регуляторов этих взаимодействий и меры соотношения стабильности и устойчивости системы. Соответственно, процессы развития и динамика взаимодействий определяют появление противоречий, которые обуславливают нестабильность социальной системы и ее изменения.

Все вышесказанное обуславливает тот факт, что стабильность социальной системы определяется и внешними и внутренними факторами, то есть противоречивостью взаимодействий как внутри самой социальной системе так и в ее взаимосвязях с внешним миром.

Например, для капиталистического общества характерны частно-капиталистическая собственность на средства производства, эксплуатация наемных рабочих, рыночная система, совокупность социокультурных норм (свобода, гражданские права, демократия) и др. Но подобные характеристики,

обеспечивающие соотношение баланса устойчивости и низменности капиталистической системы в условиях феодального общества будут представлять собой комплекс дисфункциональных и дезориентирующих факторов, которые не стали бы эффективными для развития социума. Вместе с тем, именно зарождение капиталистических предпосылок инициировали качественные противоречия в феодальном социуме и повлекла кардинальные изменения. Этот пример, показывает, что для развития социальных систем нарушение баланса влечет за собой парадигмальные изменения, но, только в том случае, если совокупность изменений будет преобладать над комплексом норм стабильности.

Вместе с тем, изменчивость как форма нестабильности социальной системы не имеет однозначного характера. Изменчивость, как видно из приведенного примера, может выступать как фактор развития, то есть имеет положительный характер, который в научной литературе позиционируется как положительная напряженность. Другой стороной фактора социальной изменчивости является отрицательное воздействие, которое оказывается на социальную систему. В этом случае изменчивость системы нарушает ее нормальное функционирование, что, естественно, приводит к дисбалансу и/или разрушению системы (ее элементов). Следовательно, положительная изменчивость инициирует прогрессивное развитие социальной системы, а отрицательная – обуславливает отрицательную динамику.

При регрессивной динамике процесс регресса может изменять свою динамику под воздействием внешних и/или внутренних факторов, которые могут или затормозить этот процесс, или не оказывать на него никакого влияния, или же ускорить его. Но, при любом влиянии факторов, преобладание отрицательной изменчивости приводит социальную систему к разрушению, приведя социальную систему к разрешению²⁸.

²⁸ Мухаровский, Н.В. Регрессивная трансформация экономических систем: сущность и причины / Н.В. Мухаровский, П.Г. Габайдулин // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2012. – №1. – С. 47-53.

В этих условиях целью социальной стабильности является поддержание способности социальной системы адаптироваться под эти изменения с одной стороны, и/или же адаптировать эти изменения под свою жизнедеятельность. Социум как открытая самоорганизующаяся система всегда будет стремиться к адаптации, нежели стараться удержаться в изоляции от изменений. Изоляция от изменений приводит социальную систему к стагнации, когда система из прогрессивного состояния переходит в застойное и не характеризуется никакими изменениями.

Генезис социального развития показывает, что социальная стабильность чередуется с социальной нестабильностью и на конкретном отрезке истории социальная система, под воздействием различных факторов (или их совокупности) может переходить из одного состояния в другое.

В общем виде процесс перехода социальной системы из одного состояния в другое можно представить, как последовательность следующих этапов.

1. Становление системы, появление новых элементов и установление связей между ними. На этом этапе происходит «вхождение» и адаптация социальной системы в большую как ее составного элемента. Интеграция с внешней средой.

2. Стабильное состояние системы, баланс равновесия между ее структурообразующими элементами, процессами, взаимодействиями и связями, стабильная интеграция с «большой» системой.

3. Возникновение и проявление в системе новых составляющих, таких как процессы, взаимодействия, взаимосвязи, но в рамках старого качества. Взаимосвязь между данными новыми составляющими случайна и неустойчива, она практически не нарушает равновесия в обществе, соединяя в себе старое и новое начала.

4. При условии того, что изменения начинают преобладать над старым началом, в социальной системе происходит нарушение баланса и

устойчивости, возникают противоречия, которые приводят или к разрушению системы или к ее переходу в новое качество.

5. Институционализация новых составляющих системы. Если все положительные новые элементы системы преобладают над устойчивостью старой системы, то происходит прогрессивное развитие системы и ее полноценное функционирование уже в новом качестве²⁹.

Таким образом, соотношение устойчивости и изменчивости в рамках парадигмы «стабильность – нестабильность» характеризует динамику социального развития. Система является не стабильной при условии равновесия устойчивости и изменчивости. Также нестабильна система, когда преобладает устойчивость. В то же время, если динамика изменчивости превышает необходимые темпы, то система также становится нестабильной. Социальная система, в этом случае, по сути, не воспринимает (отторгает) появление новых элементов (связей). В данном контексте показательным примером является поговорка «люди обогнавшие время».

Резюмируя вышеизложенное можно сделать выводы.

1. Социальная стабильность является концептом, характеризующим жизнедеятельность и развитие социальной системы;

2. Базовыми характеристиками социальной стабильности являются устойчивость, равновесие и изменчивость социальной системы и/или ее структурообразующих элементов;

3. В качестве основных факторов, определяющих уровень социальную стабильность выступают деятельностные функции, с помощью которых удовлетворяются потребности и культура, определяющая формы регулирования социальных взаимодействий;

4. Социальная стабильность обеспечивается посредством способности коллективных субъектов общества к воспроизводству;

²⁹ Киселев, В.И. Основания устойчивости системы «совместная деятельность» на различных этапах её развития / В.И. Киселев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013, №4. – С. 92-98.

5. Основным условием, в рамках которого концепт социальной стабильности получает комплексную и системную оценку является фактор времени;

6. Диалектическое единство парадигмы «стабильность нестабильность» выступает основой процесса качественных и количественных изменений, которые инициируются совокупностью противоречий, заставляющих систему (общество) стремиться к равновесию и активизировать свои ресурсы.

Таким образом, анализируя концептуальную сущность социальной стабильности как социального феномена автором предлагается собственное определение социальной стабильности.

Социальная стабильность – это способность социальной системы эволюционировать посредством адаптации к изменениям в парадигмальном соотношении «стабильность – нестабильность» при сохранении равновесия ценностных норм, социокультурных структур, их функций и социальных связей.

В данном контексте представляется необходимым выявить сущностные характеристики, рассмотреть его структуру и функциональные аспекты данного феномена.

Исследователи определяют, что механизм социальной стабильности реализуется на трех уровнях (рисунок 1).

Рисунок 1 – Уровни социальной стабильности.

Третий социетальный уровень социальной стабильности охватывает все сферы общественной жизни и в свою очередь включает в себя следующие ее виды³⁰ (рисунок 2).

³⁰ Муталимов, В.А. Теоретические основы исследования макроэкономической стабильности / В.А. Муталимов // Вестник социально-педагогического института, № 4 (12). – 2014. – С. 60-69.

Политическая	• способность государственной системы длительное время функционировать без значительных изменений, обеспечивая планомерное развитие, преемственность власти, благоприятный инвестиционный климат и экономический рост;
Экономическая	• состояние экономики, которое сложилось под влиянием комплекса взаимообусловленных и взаимосвязанных факторов: экономических, политико-правовых, демографических, научно-технических, природных, поведенческих, и характеризуется длительной устойчивостью макроэкономической ситуации (системы) в целом и отдельных макроэкономических показателей;
Идеологическая	• состояние упорядоченности системных взглядов, которые отражают интересы социальных классов и/или социальных групп и выступают критериями осознания и оценки отношения индивидов и их общностей к социальной действительности в целом и друг к другу;
Культурная	• незыблемость в определенный временной период определенных моральных и ценностных доминант, которые под влиянием новаций трансформируются в новое качество и/или расширяют свою сферу; • устойчивость ценностно-этических установок, посредством которых социум воспринимает действительность, соотносит с ним свое «Я», создающий единое культурное пространство, в рамках которого существует и развивается конкретное общество (национальная культура, национальный менталитет).

Рисунок 2 – Виды социальной стабильности социетального уровня.

Соответственно стабильное общество представляет собой социальную систему – совокупность устойчивого развития социальных институтов и социальных групп в единстве процессов, связей и взаимодействий, которое обеспечивается единством социокультурного пространства. Основными составляющими социальной системы являются соответствующие сферы жизнедеятельности общества – сознательная, политическая, экономическая, социальная и культурная, которые, в свою очередь, можно определить как общественные подсистемы постоянно взаимодействующие между собой.

Рассматривая общественную систему, уместно сказать, что каждый ее элемент характеризуется устойчивостью, единством и целостностью, но находится в иерархической взаимосвязи с другими элементами. Динамичное развитие, в свою очередь, предполагает устойчивое восприятие системой как внутренних факторов, так и внешних воздействий. Это, в свою очередь, обуславливает социальные колебания и изменения ее отдельных

составляющих, но без изменения сути этих элементов. Происходит лишь их усовершенствование. Каждый из элементов системы имеет целью сохранение собственной устойчивости и целостности всей системы.

Каждой из пяти вышеперечисленных подсистем присущи функции стабилизации, интеграции, инновации, самосохранение и тому подобное. Однако ни одна из подсистем не является самостоятельной (хотя наделена определенной степенью самодостаточности, целостности и завершенности). Стабильность одной подсистемы формирует стабильность следующей. Однако каждая следующая подсистема, в свою очередь, влияет на предыдущую. То есть, соответственно, в иерархии подсистем стабилизационная функция на каждом уровне постепенно усиливается. И в подсистеме культуры она приобретает своего наивысшего развития, аккумулируя достояние всех предыдущих подсистем³¹.

С другой стороны, каждая подсистема выступает механизмом управления социальными группами и социальными процессами. Зародившись и оформившись как социальный институт, определенная сфера деятельности, направленная на удовлетворение конкретных социальных потребностей, социальная подсистема вырабатывает, закрепляет и использует определенные функциональные механизмы, с помощью которых не только реализуется удовлетворение потребности, но и создаются такие условия, в рамках которых осуществляется устойчивая жизнедеятельность социума.

Какие же функциональные механизмы управления вырабатываются в социуме для обеспечения социальной стабильности?

Исходя из вышеперечисленных уровней социальной стабильности, можно выделить следующие виды функциональных механизмов – факторов, обеспечивающих социальную стабильность.

Прежде всего, необходимо выделить *внешние* и *внутренние* факторы, под влиянием которых социальные институты могут стабильно

³¹ Лю, Ц. Социальная стабильность в стране: генезис понятия / Ц. Лю // Социология. – 2018. – №2. – С. 150-154.

функционировать. Так, например, *внутренними факторами института образования* выступают: уровень профессиональной подготовки преподавателей и учителей, комплекс методической и программной обеспеченности учебного процесса, соотношение числа преподавателей и учащихся и другие факторы – показатели функционирования системы образования. В качестве внешних факторов института образования можно обозначить как государственную политику в области образования, законодательство в данной сфере, политическую и экономическую стабильность в обществе, демографическую обстановку и многие другие аспекты.

Если же мы говорим о внутренних и внешних факторах, оказывающих влияние на социальную систему в целом, то спектр внутренних и внешних факторов в значительной степени многообразен и разнопланов. К внутренним факторам общенационального порядка можно отнести:

- отлаженное стабильное функционирование всех основных социальных институтов, охватывающих все сферы социума;
- устойчивые формы национального менталитета и национальной культуры, обеспечивающие социетальную стабильность.

В культурной системе происходит легитимизация всех основных составляющих других систем, они закрепляются в общественном сознании как «правильные» с точки зрения превалирующих культурных идеалов моральных норм и ценностей. Только тогда общество будет их понимать и рефлексировать на ментальном уровне (большинство) и/или принимать под страхом наказания (меньшинство) и стараться соблюдать эти порядки. В противном же случае произойдет отчуждение порядков и смыслов общественным сознанием относительно других систем и общества в целом³².

В качестве внешних факторов социальной стабильности общества в целом мы говорим о том, что любое общество выступает частью более

³² Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Луман. Перевод на русский язык: Е. Руткевич. – М., 1995.

крупной социальной системы. Например, любое современное общество является частью общемировой социальной системы. В данном контексте внешними факторами выступают:

- формирование общецивилизационных социальных образований, несущих определенный функционал;
- включенность в глобальную социетальную систему.

Исходя из типов социальных институтов, можно выделить следующие факторы, обеспечивающие стабильность социальной системы.

1. *Политические факторы* – легитимируют устоявшиеся обычаи, традиции, модели поведения.

2. *Экономические факторы* – формируют стабильные механизмы товаро-денежных / рыночных отношений, управления производственными системами, технологиями и т. п.

3. *Социальные факторы* – обеспечивают устойчивость социально-классовой структуры, формируют принципы социальной стратификации и механизмы взаимодействия в системе социальной иерархии.

4. *Культурные факторы* – совокупность определенных ценностных механизмов, идей, а также предметов человеческого труда и других значимых символов, помогающих индивидам оценивать и интерпретировать конкретные ситуации.

5. *Ценностные факторы* – совокупность нормативно-моральных, этических, религиозных верований и ценностных установок присущих отдельным индивидам социальным группам и общностям³³.

Рассматривая социальную систему и ее структурообразующие элементы с позиций их функционала необходимо выделить следующие факторы социальной стабильности: устойчивость, динамизм, управляемость, воспроизводимость.

³³ Колин, К. К. Социальная стабильность общества как фактор национальной и глобальной безопасности / К. К. Колин // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 2(18). – С. 4-11.

В данном контексте мы говорим о динамической стабильности социальной системы, которая характеризуется по ряду аспектов (рисунок 3).

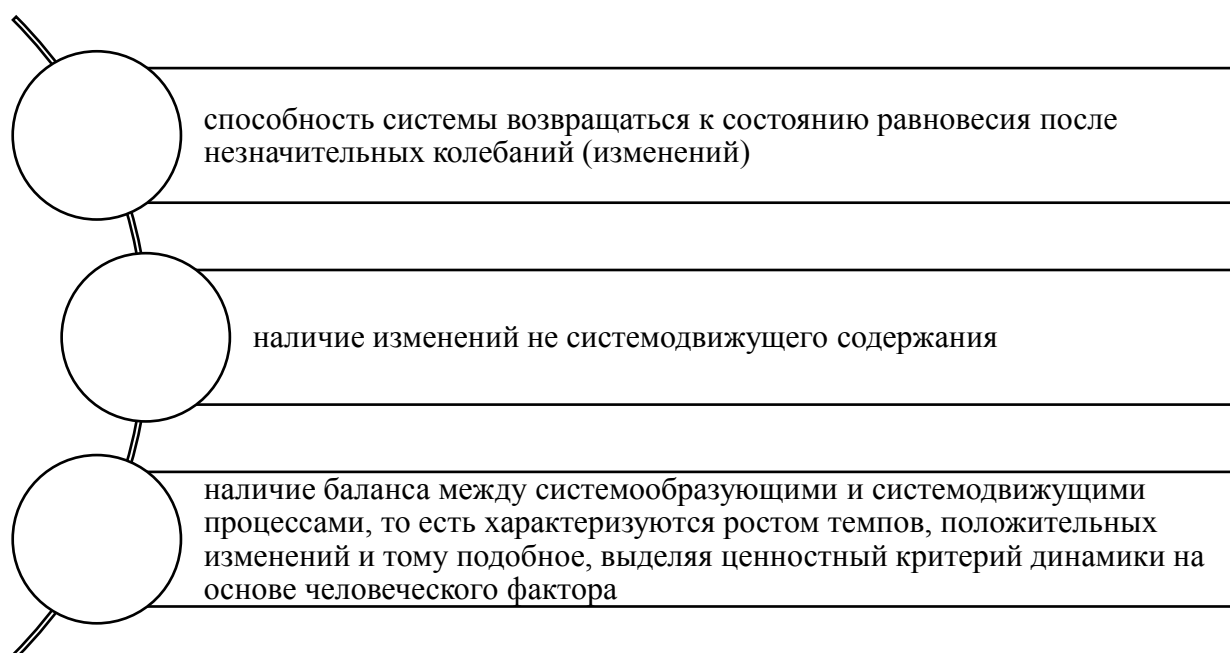

Рисунок 3 – Ряд аспектов динамической стабильности социальной системы.

В научной литературе термин «стабильность» чаще всего рассматривают в контексте развития социальной системы и социального пространства, выделяя неизменные параметры, получившие название «ось стабильности» так называемое ядро стабильности – своеобразное стабильное социальное пространство с неизменными параметрами, способное сохранять их при изменяющейся периферии – институциональное ядро. В качестве примера необходимо привести такие параметры институционального ядра как национальная культура, национальный менталитет, в которых закреплён универсальный социокультурный код (социокультурный генотип), который обладает высокой степенью внутренней и внешней адаптации.

В рамках исследуемой темы, необходимо рассматривать механизмы **управления социальной стабильности**. Автор придерживается мнения, что общество представляет собой управляемую систему и функциональность социальных институтов может быть определена с позиции управляемости состояния целостности системы. Соответственно, можем говорить об основных направлениях обеспечения управляемости социальной стабильности:

–стратегическое прогнозирование, выступающее основой определения путей трансформации социальной модели и возможных последствий внедрения новаций в процессе социального развития;

–целеполагание, соответствующее потребностям общества и их соотношение с действующими целями и задачами по обеспечению социальной стабильности;

– выработка и реализация адекватных методов, механизмов и технологий публичного управления сложными общественными явлениями в сфере общественного развития с целью разработки;

–разработка стратегии развития общества и государства с учетом направленности всех сфер общественной деятельности на стабильность;

–определение влияния ценностных, политических, социально-экономических факторов на процесс публичного управления обеспечением общественной стабильности, а также путей государственного регулирования социально-ценностной, политической, экономической, социальной сфер в процессах стабильного развития общества.

Выводы.

Суммируя вышеизложенное можно констатировать тот факт, что социальная стабильность не абстрактный феномен, а реальное социальное явление, раскрывающее многомасштабные аспекты жизнедеятельности социума.

Социальная стабильность – это способность социальной системы эволюционировать посредством адаптации к изменениям в парадигмальном соотношении «стабильность – нестабильность» при сохранении равновесия ценностных норм, социокультурных структур, их функций и социальных связей.

Исследование концепта социальной стабильности как категории социологии в рамках структурно-функционального, конфликтологического и институционального подходов, с учетом теоретико-методологического осмысления и прикладного инструментария позволяет сделать вывод, **что социальная стабильность – междисциплинарное и мультипарадигмальное**

понятие. Различные подходы к сущностному пониманию социальной стабильности как социологической категории позволили автору предложить собственное определение данного понятия, раскрывающее сущностные особенности концепта стабильности социальной системы, ее структурообразующих элементов, их функционала и механизмов, обеспечивающих динамику стабильного общественного развития: социальная стабильность – это способность социальной системы эволюционировать посредством адаптации к изменениям в парадигмальном соотношении «стабильность – нестабильность» при сохранении равновесия ценностей, норм, социокультурных характеристик, **социально-экономических и социально-политических связей.** (п 6. Механизмы социального регулирования: институциональные, социально-стратификационные, социокультурные, социально-организационные Паспорта специальности 5.4.7. Социология управления).

1.2. Становление и развитие социологических теорий и концепций исследования социальной стабильности

Несмотря на то, что термин социальная стабильность вошел в социологическую науку из естественных наук, данный феномен всегда привлекал ученых. Социальная стабильность – это то к чему стремилось практически любое общество на всех этапах своего существования. И соответственно основной задачей ученых каждого из этих этапов была разработка теорий и концепций достижения данного состояния. «Любая из новейших моделей в теории социологии предлагала собственный взгляд на понятие стабильности, а также равновесия, порядка, изменчивости. Четкие определения терминов не всегда были реальностью, однако возможность определить базисные черты в попытке создать образ стабильного общества вполне реальна»³⁴. Каждый ученый стремился предложить все более совершенную концепцию социальной стабильности, которая была во многом сформирована под воздействием социальных реалий. В то же время все эти социальные реалии и концепции социальной стабильности, формировавшиеся под их влиянием можно систематизировать следующим образом (таблица 1).

³⁴ Юренков, И. Н. Оборонно-промышленный комплекс в контексте социальной стабильности (социологический анализ) / И. Н. Юренков. – Саратов, 2019. – 169 с.

Социальные реалии / Внешние условия, формирования представлений о социальной стабильности	Ученые	Основные представления о социальной стабильности	Доминирующие направления исследований
I. Досоциологический период			
В основе представлений о социальной стабильности лежало мифологическое и религиозное сознание, наличие страхов перед будущим, которое представлялось только статично. Наличие жесткой социальной иерархии.	Платон, Аристотель, Аврелий Августин, А. Сен-Симон, Томас Мор, Томас Гоббс, Джон Локк	Социальная стабильность рассматривалась как естественный порядок, заданный Богом, природой или традицией. Любые социальные изменения воспринимались как отклонения от нормы, неизменно влекущие за собой беспорядок и хаос. Социальная стабильность достигается с помощью механизмов государственного регулирования.	Теологический период развития научной мысли. Все явления и процессы (включая социальный порядок и социальную стабильность) объяснялись волей сверхъестественных божественных сил Консервативная идеология, поддерживающая традиции, обычаи, устои, иерархию.
II. Становление и развитие социологической науки (закрытые социальные системы) конец XIX начало XX века			
На данном этапе происходят значительные изменения в научной сфере, которые связаны в первую очередь развитием эмпирических методов научного исследования. Происходят значительные потрясения в общественной жизни среди которых наиболее значительным можно считать промышленную и	Огюст Конт, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм	В научной мысли прочно устанавливается понимание того что социальная стабильность является не объективной данностью, а результатом особенности протекания процессов, происходящих в обществе. Основное внимание ученых фокусируется на факторах,	Позитивизм. Привлечение математики и естественных наук в исследование социальных процессов и явлений в целом и социальной стабильности в частности. Изучение социальных явлений на основе объективных методов. Это обусловило возникновение тенденции

французскую революции. Происходит зарождение и развитие самостоятельной науки, об обществе которая смогла бы объяснить происходящие явления и процессы и найти пути к повышению стабильности общественного устройства.		влияющих на данные процессы и как следствие способствующих или препятствующих социальной стабильности. Социальная стабильность обеспечивается не только механизмами внешнего регулирования, которое осуществляют институты государства и права, но и внутреннего, с помощью институтов семьи и религии.	стремления к упорядоченности и стабильности, как естественное стремление к самосохранению, поиск путей достижения социального порядка. Системный подход. Общество представляет собой целостную систему, в которой стабильность и устойчивость ее элементов достигается путем солидарности, интеграции нормативного регулирования.
---	--	--	--

III. Середина XX века Функциолизм

Общество все более усложняется и дифференцируется. Социальные институты становятся все более специализированными в выполняемом ими функционале. Поддержанием стабильности через социализацию, интеграцию и контроль. А также акцент внимания на любые нарушения норм и структур рассматривающиеся как угроза равновесию и стабильности.	Талкот Парсонс Роберт Мертон	Одна из основных поднимаемых проблем социальный порядок, стабильность социальных систем и природа интеграции. Социальная стабильность воспринималась как равновесное состояние, к которому стремится социальная система. Любые отклонения от равновесия рассматривались как дисфункции.	Анализ функций: рассматривалось, как различные социальные структуры и институты способствуют сохранению стабильности. Идея консенсуса: подчеркивалась роль общих ценностей и норм в поддержании порядка. Игнорирование конфликта: Конфликты часто рассматривались как девиации, требующие подавления.
--	---	--	--

IV. Вторая половина XX века Теории конфликтов

Если появление теории конфликтов было связано с наличием двух антагонистических классов, чью противоречие основывалось на экономическом неравенстве, то в последующем они были связаны с динамичностью общественной системы, постоянно происходящими социальными изменениями.	Карл Маркс ³⁵ , Ральф Дарендорф, Льюис Козер,	Наличие конфликтов в обществе не является препятствием социальной стабильности, а напротив универсальным фактором, оказывающим позитивное влияние на общественное развитие. На первый план ученые социологи выдвигают идею о динамичности социальной системы, о социальных изменениях как основах социальной стабильности	В противоречиях и разногласиях социологи, придерживающиеся теории конфликта, видели механизмы формирования и поддержания стабильности, а сам социальный конфликт становится неотъемлемым элементом социальных систем. Именно возможность противоречивого изменения позволяет системе органично изменяться согласно изменениям, происходящим в окружающей среде
V. Конец XX начало XXI века Постмодернизм			
Все большее усложнение социальной структуры постиндустриального информационного общества приводит к усложнению понимания социальной стабильности.. Глобализация общественного пространства, появление глобальных вызовов и неопределенности.	Никлас Луман, Питер Блау, Фридрих Август фон Хайек	Признание множественности факторов, влияющих на стабильность, включая экономические, политические, культурные, экологические и технологические.	Рассматривается стабильность в социальном пространстве как состояние и тип движения системы, при котором она представляет собой неоднозначно сложное в структурном отношении образование. Теория «эмерджентности». Капиталистический либерализм.

Остановимся на каждом из этапов подробнее.

³⁵ По временному периоду научный идеи Карла Маркса необходимо отнести ко II периоду, выделяемому работе, но по содержательному наполнению в работе они отнесены к V периоду.

Протосоциологи – Платон, Сократ, Аристотель и другие рассматривали социальную стабильность в качестве важнейшего компонента исследования общественных процессов. В трудах древнегреческих мыслителей феномен социальной стабильности рассматривался в рамках диалектического противостояния «хаос – порядок». В трактате Платона «Горгий»³⁶ социальная стабильность позиционируется с позиций организации вселенского порядка. Платон пишет следующее: «Небо и землю, богов и людей, объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную «порядком», «космосом», а не «беспорядком»»³⁷.

У Аристотеля также базовым критерием социального порядка выступает императив разума. Соответственно, только мудрые свободные граждане – философы способны привести общество к стабильности и обеспечить порядок³⁸. Данный принцип меритократического устройства лежит в русле социологии управления и свидетельствует о том, что уже ученые античности искали управленческие механизмы укрепления социальной стабильности.

Этот принцип меритократического устройства коррелирует с учением такого великого китайского мыслителя как Конфуций, который так же социальную стабильность видел в «правлении мудрых». Он считал, что социальная стабильность зависит от образа жизни, который ведут люди, от их этического воспитания, религиозных и традиционных ценностей. В общественном устройстве он признает необходимость строгой иерархии, а ее соблюдению будут способствовать определенные ритуалы. Следование ритуалом должно быть строгим и не иметь ни малейших отступлений, когда ритуалы, нормы и правила, основанные на традициях и заложенные в культе

³⁶ Платон. Горгий // Сочинения в 3 т. : пер. с древне-греч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т 1. М.: Мысль, 1968. – 631с.

³⁷ Платон. Горгий // Сочинения в 3 т. : пер. с древне-греч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т 1. М.: Мысль, 1968. – С. 341.

³⁸ Аристотель Политика / Аристотель. – переводчик С. А. Жебелёв; под общей редакцией А. И. Доватура. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 297 с.

предков, станут рефлексией каждого в государстве и обществе наступит стабильность и процветание. Учение Конфуция, в отличие от концепций древнегреческих мыслителей, превратившись в официальную идеологию, определили основы китайской государственности на несколько тысячелетий.

Идеальные общества утопистов, также были основаны на меритократическом устройстве власти. Они определяли социальный порядок как интегральное взаимодействие людей с целью обеспечить наиболее свободное развитие их способностей. В данном контексте речь идет о работах А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна³⁹. Они обосновывали идеальный тип государства, основанными характеристиками которого был отказ от собственности и эксплуатации, демократическое устройство, равенство всех перед законом. Идеи основоположников социального утопизма нашли продолжение в трудах таких последователей как Т. Мор, А. Компанеллы и др. заложили основы качественно новому пониманию социальной стабильности. В частности, Т. Мор, понимал стабильность как социальный порядок, имеющий естественную природу. То есть, социальный порядок стихийен по своей природе и поэтому общество стремится его переделать⁴⁰. Идеальной формой социального порядка, который может обеспечить социальную стабильность является рационально обоснованная общественная структура и характер социальных взаимодействий. Главными «порочными» характеристиками, препятствующими установлению идеального порядка, выступают алчность и эгоизм. Если новый порядок исключит эти характеристики и закрепит в общественном сознании качественно новые императивы, то это обеспечит социальную стабильность и процветание общества. Все это можно сделать путем грамотной государственной

³⁹ Сен-Симон, Клод Анри. Избранные сочинения / К. А. Сен-Симон. – Москва: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М., 1948. – 2 т.

Фурье, Шарль. Избранные сочинения. / Ш. Фурье Под ред. и с вступ. статьей «Великий социалист-утопист» А. Дворцова; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – Москва: Соцэкгиз, 1938-1939 (Л.: Тип. "Печатный двор"). Т. 1: Теория четырех движений и всеобщих судеб. Т. 1: Проспект и анонс открытия. – 1938. – 312 с.

⁴⁰ Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – Пер. с латин. Ю. М. Каган; Вступ. статья И. Н. Осинковского. Комментар. Ю.М. Каган и И.Н. Осинковского. – Москва: Наука, 1978. – 415 с

управленческой политики. Таким образом, несмотря на различия в концептуальных обоснованиях понимания социальной стабильности практически все исследователи данного периода сходились на мысли о необходимости поисков управленческих механизмов ее государственного регулирования.

В XIX веке концепт социальной стабильности получает научное осмысление в рамках зарождения и развития исследований об обществе, становясь одной из ключевых тем практически всех ученых гуманитарной направленности. Это была своеобразная научная рефлексия на те потрясения, которые переживало общество. XIX век является эпохой стремительного развития капиталистических отношений, которые радикально изменили матрицу социального миропорядка. Социальные потрясения изменили как структуру общества, так и порядок взаимоотношений между людьми и, соответственно, вопросы сбалансированности и социальной гармонии стали актуальными не только в теоретическом плане, но и практическом формате.

Основоположником социологического подхода к пониманию общества и проблематики социальной стабильности является О. Конт⁴¹. Рассматривая социальные явления и процессы в их развитии, О. Конт обосновывает два основополагающих императива, на которых основано общественное устройство и развитие – «Порядок и прогресс». Теория порядка и теория прогресса О. Конта стали основой для социологического понимания общества. Прогресс является неизбежным процессом общественного развития в основе которого лежит порядок. Порядок также не является статичным – он прогрессирует, обеспечивая развитие общества. Следовательно, любое отклонение от порядка (революция, мятеж, беспорядки) являются разрушительной силой, которая препятствует прогрессу. Общество функционирует при условии определенного консенсуса – порядка, в рамках которого элементы общества выполняют свое предназначение и обеспечивают

⁴¹ Конт, О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / О. Конт. Пер. с фр. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

социальную стабильность. На определенном этапе жизнедеятельности общества консенсус нарушается и создается новый консенсус, который определяет порядок нового уровня развития. В основе смены консенсусов лежат интеллект человека и «социальное чувство» (социальное взаимодействие). О. Конт определяет социальные инструменты, с помощью которых данные дефиниции получают возможность развиваться и обеспечивать социальный порядок и стабильность развития. Это – социальные институты (семья, религия, государство). Семья как образец общества дает возможность индивиду принять и понять общественное устройство, социальный порядок и ощутить эмоциональное единство с окружающим миром. Семья выступает базовым инструментом воспроизводства материальной и духовной культуры. Государство у О. Конта выступает инструментом социальной стабильности, с помощью которого силовыми методами (через систему законов) устанавливается порядок в обществе. Институт религии формирует морально-этические нормы и ценностные ориентиры, регламентирующие поведение человека.

Социальная стабильность, по мнению О. Конта, обеспечивается посредством консенсуса, устанавливаемого социальными институтами. В основе этого консенсуса лежит чувство общности, которое социальные институты формируют и устанавливают в обществе ⁴². Для достижения социальной стабильности общество должно пройти следующие стадии:

- стадию семейного существования – эмоционально-инстинктивная солидарность;
- стадия политического существования – нормативно-правовая солидарность.

У О. Конта очень интересное понимание структуры внешней среды, которое имеет немаловажное значение для понимания социальной стабильности. Структура внешней среды по мнению ученого состоит из двух

⁴² Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 296 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии).

составляющих: первичной (которая доминирует на ранних стадиях развития общества и подвержена минимальным изменениям со стороны человека) и вторичной (измененной и приспособленной человеком под себя).

Ученый полагает, что чем больше свободы в своих стремлениях и их воплощении получает индивид, тем больше противоречий между ним и внешней средой и, также, больше рычагов и механизмов, с помощью которых индивид адаптируется к новым условиям. Соответственно, противостоянием индивида и природы, во-первых, обуславливается развития общества, а, во-вторых, происходит развитие самого человека. В данном контексте, О. Конт выводит постулат о том, что также, как и в природе, в обществе выживает самый способный к адаптации, тем самым обеспечивая социальное воспроизводство. Индивидуальная конкуренция определяет селекцию индивидов, соответственно, при ее отсутствии может начаться регресс общества

Основополагающий базис этих стадий, обеспечивающий функционирование общества, его институтов и всех социальных преобразований является кооперация, в основе которой лежит разделение труда, которое согласно О. Конту, «самое главное условие нашей социальной жизни». Его успех полностью является следствием «социального консенсуса» к которому неизменно приходят люди, что обеспечивает социальную солидарностью и в свою очередь социальную стабильность. Идеи О. Конта нашли свое продолжение в работах Г. Спенсера, который выявил натуралистический концепт в понимании социальной системы. Рассматривая общества по аналогии с биологическим организмом, Г. Спенсер, определяет базовый закон – закон эволюции, которому подчиняется как природный мир, так и общество. «В обществе, – Утверждает Г. Спенсер, – имеет место явление постоянного роста. По мере его возрастания части его, становясь несходными друг с другом, обнаруживают увеличение сложности строения; в то же самое время эти несходные части принимают на себя выполнение несходных деятельностей; эти деятельности не только различны между собой, но эти

различия еще и находятся в таких отношениях друг к другу, что одни делают возможными другие; являющаяся таким образом взаимная помощь вызывает взаимную зависимость всех частей общества; и эти взаимозависимые части, живя при помощи друг друга и друг для друга, образуют агрегат, построенный на том же самом общем начале, что и индивидуальный организм»⁴³.

Таким образом именно сохранение устойчивого баланса с окружающей средой есть основная цель общества. Чем примитивней общество, тем этот баланс сохраняется достаточно легко, так как общество еще является частью окружающего мира, но по мере усложнения общества, это равновесие сохранять труднее, так как сложное общество, по сути, начинает противостоять окружающему миру. Общество, в понимании Г. Спенсера, – это совокупность индивидов, личностные характеристики которых разнообразны и составляют сущностную основу организма. Взаимоотношения этих индивидов обуславливают изменения общества. Индивид – категория социальная и, в отличие от биологического организма, его цель – жизнь в обществе (атомистическая модель общества). Также, как и О. Конт, он в качестве инструментов социального порядка и стабильности определяет социальные институты. Его классификация социальных институтов более расширена и сгруппирована по трем функциям:

- *поддерживающая функция*, к которой относятся семейные и обрядовые институты;
- *регулятивная функция*, включающая политические и церковные институты, обеспечивающие управление и контроль;
- *распределительная функция*, включающая экономические и социально-профессиональные институты, обеспечивающие сотрудничество его участников, объединённых достижением общей цели.

Социальная стабильность, то есть равновесие внутри общества и его баланс с окружающей средой – явление не статичное, а находящееся в

⁴³ Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер// Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добренко, Л. П. Беленкова. – Москва: Наука, 1994. – С. 30-59.

динамике. С одной стороны, уровень динамичности обуславливается внутренними факторами и, прежде всего, самим индивидом и характером его связей. С другой стороны, внешняя среда, которая изначально имела доминирующее значение как фактор, инициирующий изменения.

Таким образом, английский социолог под социальной стабильностью общества как социального организма понимает равновесие или устоявшийся баланс социума и окружающей его социальной среды, установившееся на определенном этапе исторического развития. Данное равновесие позволяет функционировать социальным институтам, и обеспечивать стабильность общества. Если равновесие нарушается (в случае дисбаланса социума и окружающей среды) то стабильность наступит лишь в том случае когда это равновесие будет восстановлено⁴⁴. Происходит развитие. Важным фактором данного противоречия (индивид, общество – природа) выступает фактор свободы индивида.

Работы О. Конта и Г. Спенсера стали той основой, в рамках которой научная мысль подходила к изучению проблематики общественного жизнеустройства и социальной стабильности. В отличие от представителей досоциологического периода научной мысли, которые основными механизмами поддержания социальной стабильности считали государственное управление и регулирование, в учениях О. Конта и Г. Спенсера помимо государственных институтов регулирования социальной стабильности общества как социальной системы появляются такие как семья, религия которые помимо внешнего воздействия, которые обеспечивают нормы административного правового контроля, предусматривают наличие таких регуляторов социальной стабильности как нормы морального контроля (семья, религия).

Еще большее развитие данное направление получает в трудах одного из последователей основоположников социологической науки, внесшего

⁴⁴ Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер // Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: хрестоматия / сост. и отв. ред. В. И. Добреньков, Л. П. Беленкова. – Москва: Наука, 1994. – С. 30-59.

весомый вклад в исследования социальной стабильности Э. Дюркгейма. Также, как и О. Конт он позиционирует общество как пространство солидарности и согласия и подтверждает контовское утверждение о решающей роли разделения труда, инициирующего процессы социального развития. В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм обосновывает постулат о социальной миссии общественного труда, выполняющего не только производственную, но и культурно-нравственную функцию, и, обеспечивающим социальную интеграцию. Выделяя два типа солидарности – органическую и механическую, Э. Дюркгейм, обосновывает, что переход от механической, основанной на сходстве, где люди уподобляются молекулам, а индивидуальность резко пресекается и поглощается коллективом, к органической – союзу личностей, в которой доминирует индивидуальное сознание, происходит в процессе эволюционного общественного развития. Механическая солидарность присущая примитивным обществам, сменяется органической которая присуща обществам с более высоким уровнем развития, отлаженным промышленным производствам. Общество с органической солидарностью основано на разделении труда⁴⁵. Социальная стабильность общества обеспечивается в том случае, если общество и его социальные институты соответствуют определенному типу солидарности на конкретном историческом этапе развития. Идеальной формой в данном контексте выступают ранние общества, для которого характерна однородность элементов и совпадение семейной и политической природы (механическая солидарность и политико-фамильная организация социума) и развитые общества (капиталистические), в которых элементы структуры неоднородны, структура дифференцирована и каждый ее элемент имеет специальные социальные роли. Социальная стабильность в органическом обществе достигается посредством института религии. Институту религии Э. Дюркгейм посвящает многомасштабное исследование и

⁴⁵Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. / Э. Дюркгейм. – Москва: Канон+: Реабилитация, 2006. – 349 с.

обосновывает тезис о том, что религия выступает движущей силой стабильности прогресса. Религия представляет собой символический смысл общества, в рамках которого формируются социальные идеалы, ценностные ориентиры и морально-нравственные установки. Соответственно, стабильность религии во временном контенте обеспечивает воспроизводство общества. Таким образом, Э. Дюркгейм развивает идею о моральных социальных нормах как источнике обеспечения социальной стабильности делая акцент на институте религии, как одном из основных источников морали, духовности и нравственности. Именно ценности являются неотъемлемой основной социальной стабильности источником социальной солидарности. Если ценности рушатся и наступает «состояние ценностного вакуума» общество входит в состояние аномии. Социальная аномия представляет собой антисолидарное состояние общественного устройства при котором утрачиваются все правила поведения, духовные и моральные ценности решаться. Пока в обществе не восстановится система моральных ценностей оно будет находиться в состоянии нестабильности и социальной напряженности. Поэтому задача любого государства выработки комплекса механизмов управленческого воздействия для этого⁴⁶.

В то же время в работах Дюркгейма появляется идея неизбежности социальных конфликтов, как неизменных условий общественного развития, которое обеспечивает, а не противоречит социальной стабильности. Он считает, что социальный конфликт также имеет универсальную природу, он привносит не только деструктивные состояния в общественные процессы, но и конструктивные аспекты, обеспечивающие развитие. Природу социального конфликта как отклонения от стабильных процессов Э. Дюркгейм видит в дисбалансе морального индивидуализма и коллективного сознания. Когда между индивидом, его этико-нравственными идеями и тем эффектом, который обуславливает индивидуальное поведение и социальной системой, с ее

⁴⁶ Дюркгейм, Э. Моральное воспитание: / Э. Дюркгейм / авт. предисл. П. Фоконне; пер. с фр., сост. и прим. А. Б. Гофман. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с.

институтами, реализующими упорядоченность жизни социума, по каким-либо причинам нарушается равновесие, то общество вступает в состояние социального конфликта. Социальная система этот конфликт или подавляет, или же сама погибает под влиянием конфликта. Третьим результатом является переход системы в качественно новое состояние или на качественно новый уровень.

Таким образом, идеи О. Конта и Г. Спенсера находят наиболее полное обоснование в теории социальной солидарности Э. Дюркгейма, который считает, что социальная стабильность достигается с одной стороны на основе нормативно-правовых основ, административно-правового закрепления или договора (внешних регуляторов) с помощью таких социальных институтов как государство, право, экономика, а с другой стороны на основе ценностно-моральных основ морали, нравственности, соборности (внутренних регуляторов) заложенных в самом человеке с помощью таких институтов как религия, семья.

Усложнение социальной системы приводит к усложнению ее социального устройства. Социальные институты общества становятся все более дифференцированными и сложными по своей структуре и специализированными по выполняемому функционалу. Это обуславливает появление такого научного направления как структурный функционализм основателем которого считается Толкотт Парсонс⁴⁷. В основу своей теории он закладывает идею социального порядка, к которому стремиться любая социальная система и соответственно выстраивает свой социальный функционал. Данный системный подход ученый использует в обосновании стабильности и выживания общества, которое представляет достаточно устойчивую, социетальную, относительно стабильную социальную структуру, все элементы которой интегрированы и выполняют свой функционал необходимый для выживания. Функции, которые, по мнению Т. Парсонса

⁴⁷ Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах / пер. с англ. А. Харраша; под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского – М., 2002. – С. 545-687.

необходимы для выживания и стабильности общества как социальной системы:

- адаптация, обеспечивается экономической подсистемой и элементами ее составляющими;
- целедостижение, обеспечивается политической подсистемой и элементами ее составляющими;
- интеграция, обеспечивается правовой подсистемой и элементами ее составляющими;
- поддержание модели, обеспечивается социальной и духовной подсистемой и элементами их составляющими.

Остановимся на них подробнее. Во-первых, он считал, что стабильность общества подрывают социальные конфликты. Соответственно все государственные институт общества должны иметь функции направленные на устранения любых проявлений конфликтных ситуаций, которые он считал «болезнями» общества по аналогии с социальной аномией Э. Дюркгейма. Он сформулировал определенные проблемы, которые напрямую не относил к конфликтам, но считал, что от их решения также зависит целостность и стабильность общественной системы. Это в первую очередь адаптация социальной системы к внешним факторам, интеграция всех элементов социальной системы в единое целое, снятие социальной напряженности, постоянное воспроизводство всех элементов социальной структуры и поддержание культурных образцов. Последние Парсонс считал особенно важными и делал на них особый акцент. Он считал, что именно такой структурный элемент социальной системы как культура обеспечивает ее равновесие так как именно она определяет направления действий социальных акторов, является основой их мировоззрения и целеполагания. Таким образом, представители функционализма признавали регуляторами социальной стабильности не только административно-правовые нормы, но и моральные, выводя их во главу угла и делая акцент на их неизменной составляющей. Именно культурная составляющая лежит в основе каждого человека как

социально-биологического существа. То есть его действия и поступки определяются с одной стороны физиолого-биологическими особенностями, но с другой стороны неотъемлема и социальная природа человека, обусловленная элементами именно духовно-культурной системы, такими как ценностные ориентации, моральные принципы и т.п. Таким образом, социально-культурные нормы и ценности являются ядром стабильного устойчивого общества. Ученый выделяет следующие социально-культурные категории общества, и соответственно выполняемые ими функции направленные на поддержание целостности и стабильности общества как социальной системы:

- ценности – их основная функция поддерживать образцы поведения;
- нормы – их основная функция заключается в интеграции основных элементов системы;
- коллективные организации – их основная функция заключается в целедостижениях;
- социальные роли – их основная функция заключается в адаптации всех элементов социальной системы к ее условиям⁴⁸.

Данное свойство социальных систем обусловлено тем, что они не являются статистичными, напротив они динамичны и изменчивы. В ответ на критику в абсолютизме и самодостаточности общества как систем отвечал, что общество не может полностью абстрагироваться от внешнего окружения и вступает с ним в определенные взаимодействия. Происходит некий взаимообмен (внутренний) между отдельными подсистемами, а так же (внешний) между системой и окружающим миром. Данный взаимообмен, который осуществляется процессе взаимодействия, происходит в интересах обогащения системы и совершенствования ее функционирования.

Если теория структурного функционализма Т. Парсонса позволяла рассматривать общество как идеализированную систему, то его ученик Р. Мертон вел речь о том, что настоящее существование далеко от идеала и что

⁴⁸ Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 436.

не все институты выполняют предписанные им функции. Так наряду с функциями он признавал существование и «дисфункций», происходящих в том случае, когда социальный институт полностью не справлялся или справлялся частично с заданной ему функцией. Дисфункция негативным образом отражалась на социальной системе, нарушая ее равновесие и внося дисбаланс. Данный подход давал еще больше возможностей для исследования общества как развивающейся системы. Еще более динамичной социальную систему делает наличие явных и латентных функций, о существовании которых впервые заявляет Р. Мертон⁴⁹. Введенные ученым в научный оборот категории позволяют рассматривать общество с таких ракурсов как стабильность / изменчивость, упорядоченность / противоречивость. Это дает возможность выявления причин нарушающих социальную стабильность, для их детального исследования с целью минимизации или полного преодоления.

Несмотря на многие достоинства структурного функционализма в данной теории имелись и ряд спорных моментов, которые подвергались критике со стороны исследователей социальной стабильности. Главная критика теории структурного функционализма заключалась в отрицании ее представителями социальных конфликтов. Т. Парсонс полностью исключал конфликты из своей теории устойчивого развития общества.

В то же время в 50-60-х годах XX века учеными было доказано, что наличие конфликтов в обществе не является препятствием социальной стабильности, а напротив универсальным фактором, оказывающим позитивное влияние на общественное развитие. На первый план ученые социологи выдвигают идею о динамичности социальной системы, о социальных изменениях как основах социальной стабильности. В противоречиях и разногласиях социологи, придерживающиеся теории конфликта, видели механизмы формирования и поддержания стабильности, а сам социальный конфликт становится неотъемлемым элементом социальных

⁴⁹ Мертон, Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 406-407.

систем. Именно возможность противоречивого изменения позволяет системе органично изменяться согласно изменениям, происходящим в окружающей среде.

В основе конфликтологического направления в социологии лежат идеи К. Маркса. И, несмотря на то, что по временному периоду научный идеи Карла Маркса необходимо отнести ко II выделяемому периоду, но по содержательному наполнению в работе они рассматриваются в рамках теорий конфликта. Этому есть весомое объяснение, так как именно К. Маркс является родоначальником и идейным вдохновителем данного направления в социологии.

Именно с идей Карла Маркса начинается кардинально новое представление о стабильности общества как социальной системы. Данную социальную систему динамично уравнивают интегральное взаимодействие производительных сил и производственных отношений, которые являются ее базисом. Маркс для их определения вводит термин «социальная формация». Формации различаются по жёсткости социальной структуры и дифференцированы в зависимости от исторических реалий, в которых они формируются и функционируют. Цикличность социально-экономического и социально-политического развития обуславливают нестабильность социальной системы, которая в начале проявляется в отсутствии равновесия и появлением определенных противоречий, которые усугубляются, приводя к появлению социальных конфликтов, а затем их обострению, которые могут приводить к социальным революциям, несущим в себе разрушение существующей социальной системы. В то же время социальная революция может стать основой формирования, становления и развития абсолютно новой более совершенной социальной структуры. Из этого можно сделать вывод что, конфликт может послужить определенным толчком к модернизации и совершенствованию социальной структуры общества, в то время как отсутствие конфликтов, как и любого другого развития, может свидетельствовать о стагнации социальной системы

неизменно приводящей к ее деградации. Таким образом, идеи Карла Марса в корне меняют представление о социальной стабильности как основе развития общества как системы, смещая акцент в сторону позитивной оценки противоречий и конфликтов.

Еще одним ученым, внесшим значительный вклад в развитие теории социального конфликта, был Ральф Дарендорф⁵⁰. Он также считал социальные конфликты неотъемлемой составляющей стабильного общества, противопоставляя их интеграции. В обществе всегда существовало неравенство, которое находило проявление в экономических, социальных, политических отношениях. Отношения доминирования и подчинения являются неотъемлемой частью любой иерархической структуры, которой является общество. Данная иерархия обуславливает дифференциацию ценностных установок, поведенческих практик, взглядов и суждений, присущих представителям различных социальных групп и слоев общества. Соответственно в их отношениях существовали и будут существовать определенные противоречия, которые будут придавать им динамику, задавать определённый вектор развития, уводя тем самым общество из состояния стагнации. Задачей социологов предложить органам государственного управления такие механизмы регулирования социальных конфликтов, которые будут направлены не на их преодоление или предотвращение, а на максимальную формализацию, приданию им прозрачности и открытости, сделав их предметом общественного обсуждения.

Анализируя роль и значение теории социального конфликта в исследовании социальной стабильности общества нельзя не отметить вклад такого американского исследователя как Льюис Козер. Его значимые работы по исследуемой проблематике «Функции социальных конфликтов»⁵¹, «Продолжение исследования социального конфликта»⁵². Он выделял

⁵⁰Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М., 2002.

⁵¹ Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Пер. с англ. О. А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

⁵² Coser, L. A. Continuities in the study of social conflict. Free Press. – New York. – 272 p.

интегративные функции социальных конфликтов по отношению к социальным группам, которые получили название «группосберегающие» и «группосохраняющие», которые заключаются в объединении членов группы, централизованности в принятии решений, а также в установлении четких границ у представителей конкретной социальной группы. В обществе как социальной системе конфликты по мнению ученого выполняют адаптивные функции, которые заключаются в том, что «мягкие» конфликты могут предотвращать «жесткие», своевременно выявленные и конструктивно разрешенные «мягкие конфликты» позволяют легче провести необходимые перемены и внести определенные инновации если в них появляется необходимость. В то же время Л. Козер указывал и на деструктивные функции конфликтов. Ученый отмечал, что конфликты могут стать причиной социальной напряженности, противоборство сторон во время столкновения интересов может перерасти в революции, насилие, разрушение социальных связей и социальной системы в целом. Поэтому они должны находиться в постоянном фокусе внимания у управленческих структур, чтобы минимизировать негативное и усилить их конструктивное влияние на социальную стабильность общества.

Все большее усложнение социальной структуры постиндустриального информационного общества приводит к усложнению понимания социальной стабильности. Признание множественности факторов, влияющих на стабильность, включая экономические, политические, культурные, экологические и технологические. Глобализация общественного пространства, появление глобальных вызовов и неопределенности.

Все вышесказанное обусловило целесообразность применения теории Н. Лумана, который в рамках системного подхода рассматривает стабильность в социальном пространстве (общественную стабильность) как состояние и тип движения системы, при котором она (система) представляет собой неоднозначно сложное в структурном отношении образование.

Н. Луман формулирует качественные свойства системы, влияющие на стабильность социального пространства⁵³ (рисунок 4).

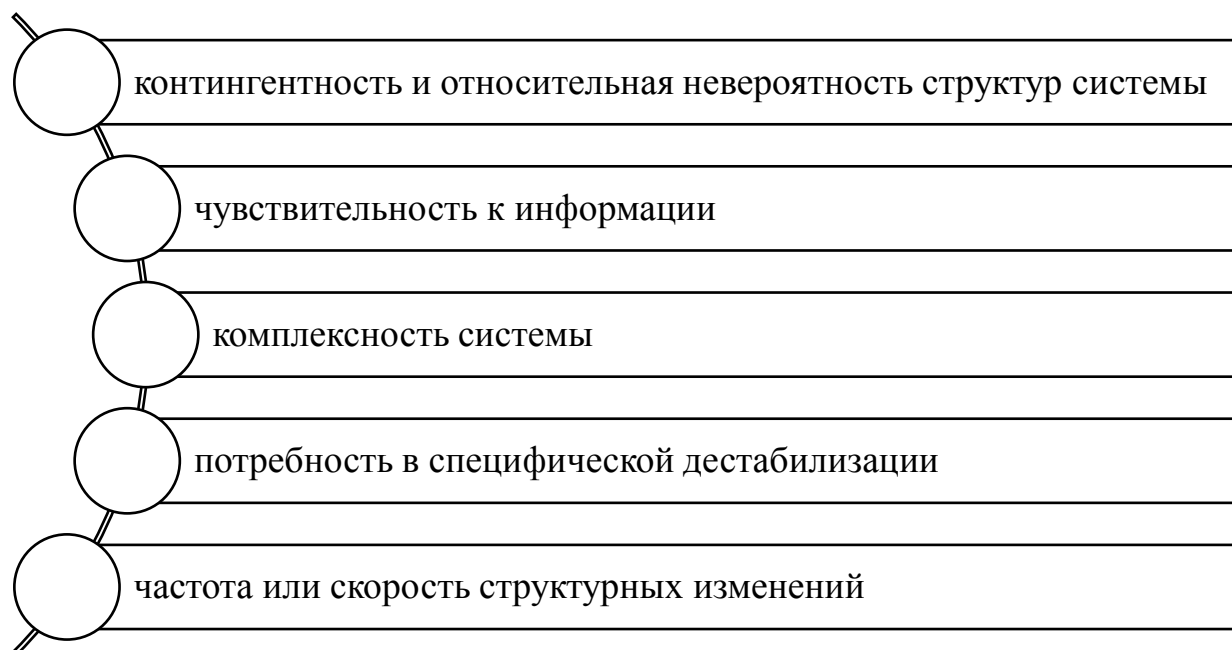

Рисунок 4 – Качественные свойства социальной системы, оказывающие непосредственное влияние на стабильность социального пространства по Н. Луману.

Опираясь на концепцию Н. Лумана, механизмы социальной стабильности можем рассмотреть в аспекте аутопоезиса – воспроизведение (самосоздания) системой своих компонентов с целью сохранения своей самотождественности. Данная теория была введена в научный оборот в 70-е гг. чилийскими учеными У. Матураной и Ф. Варелой⁵⁴, но именно Н. Луман применил ее адекватно для характеристики общества как системы.

Аутопоезис является условием того, чтобы структура могла осуществлять функциональные или системные изменения в соответствии с потребностями, оставаясь в зависимости от временных параметров, а, следовательно, начиная с определенной точки отсчета, система должна поддерживать себя с помощью «аутопоезиса». Можем прийти к выводу, что абсолютная социальная

⁵³ Лиханова, И.В. Дестабилизирующие факторы политического процесса и национальная безопасность: современный теоретический дискурс / И.В. Лиханова // Вестник Московского университета. – Сер. 12. – Политические науки. – 2004. – № 3. – С. 59-67.

⁵⁴ Матурана, У.Р. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; перевод Ю.А. Данилова. – 2-е изд., доп. – Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2019. – 316 с.

стабильность практически невозможна. Она предполагает не только полную неподвижность самой системы и ее составляющих элементов, но и изоляцию их от любых факторов внешнего воздействия, а, следовательно, можно говорить лишь о системе с определенной степенью стабильности (высокая степень стабильности предполагает жесткую сопротивляемость изменениям, и наоборот – низкая способность сопротивления системы изменениям приводит к ее разрушению).

Таким образом, социальная стабильность определяется ее рациональностью и гибкостью, то есть адекватной реакцией на общественные изменения, что предполагает эволюционный динамичное развитие общества.

Значительный вклад в разработку концептуальных основ социальной стабильности в ракурсе системного анализа внес П. Блау, разработавший категорию «эмерджентность» для обозначения особых свойств которыми обладает система в целом, но не присущим ее составляющим элементам. «Социальная структура, – пишет П. Блау, – относится к тем качествам агрегатной совокупности, которые являются эмерджентными, то есть она не характеризуется лишь входящими в нее отдельными элементами, составляющими агрегат. В любой структуре мы можем выделить элементы, ее составляющие, и сам агрегат, который они составляют, и аналогично мы должны отличать агрегат от структуры. Агрегат – это простая сумма элементов, но структура зависит от их связей в широком смысле, включая межотношенческие статусы и косвенные влияния, равно как и прямые связи. Иначе нельзя будет увидеть леса из-за деревьев»⁵⁵. В данной связи П. Блау говорил, что такое свойство социальной группы как социальная сплоченность/социальная стабильность не зависит от каждого члена группы, а является эмерджентной категорией. Соответственно во многом социальная стабильность будет зависеть от внешних факторов воздействия на социальную группу, которыми могут стать механизмы эффективного социального управления.

⁵⁵ Блау, П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель / П.М. Блау // Американская социологическая мысль: тексты. – М.:Изд-во МГУ, 1994.– С. 17.

Заслуживает внимания теория социальной стабильности австро-британского экономиста и критика социалистического общественного устройства Фридриха Августа фон Хайека. После поражения во Второй Мировой войне представители западной Европы усиленно критиковали социалистический режим Советского Союза. И в этой связи нельзя не упомянуть А. Хайека, который в 1947 году стал президентом общества «Мон Пелерин», объединившего приверженцев так называемого «капиталистического либерализма», основная цель которых была пропаганда антисоветской идеологии. Они критиковали не только ценностные основы социалистического строя, отдельно низводя и отрицая сам термин «социальное», который лежал в основе советского социалистического общества, но и коммунизм как неприемлемую форму общественного развития, который доминировал в идеологии Советского социалистического государства.

Остановимся подробнее на ряде положений его теории. Как сторонник либеральной идеологии он резко подвергает критике консерватизм во всех его проявлениях, считая, что любые проявления патернализма, такие как поддержка малоимущих, поддержание стабильности и порядка неизменно перерастают в навязывание собственной воли, подавление свободы, диктатуру и т.п. В данной связи он пишет: «...Цивилизация может распространяться, но, вероятно, не может сильно продвигаться вперед при правлении, отбирающем у граждан и берущем на себя руководство повседневными делами. Пожалуй, еще ни одна развитая цивилизация не добивалась успехов без правительства, видящего главную свою цель в попечениях о частной собственности, тогда как «сильное» правительство вновь и вновь тормозило рост и процветание того, чему так помогали эти попечения. Правительства, способные защитить индивидов от насилия своих же сограждан, делают возможным развитие все более сложного порядка, основанного на спонтанном и добровольном сотрудничестве. Однако рано или поздно появляется тенденция злоупотреблять этой властью, подавляя свободу, которую прежде охраняли,

навязывая свою, якобы большую мудрость и не позволяя общественным институтам развиваться хаотично»⁵⁶.

В своих идеях он заходит настолько далеко, что предпочитает политическую анархию сильному государственному аппарату. «...К современному индустриализму пришли отнюдь не там, где правительства были сильнее, а в городах итальянского Возрождения, Южной Германии, Нидерландов и, наконец, в Англии с ее мягкой системой правления, т.е. там, где правили горожане, а не воины. Плотная сеть обмена услугами, придающая очертания расширенному порядку, основательно разрасталась при защите индивидуализированной собственности, а не при государственном управлении ее использованием»⁵⁷.

Он упрекает тех историков которые считают появление сильного государства как вершину его развития, заявляя, что оно не только не способствует эволюции, а напротив является ее препятствием. «...не существует большего заблуждения, чем общепринятая формула историков, которые представляют появление сильного государства как кульминацию культурной эволюции: оно столе же часто служило признаком ее конца. В данном случае на исследователей древней истории оказали непомерное воздействие и ввели в глубокое заблуждение памятники и документы, оставленные носителями политической власти, в то время как истинные строители расширенного порядка, по существу, создававшие богатство, без которого не было бы этих памятников, оставили не столь зримые и претенциозные свидетельства своих достижений»⁵⁸.

Резко критикует Хайек идею планомерного развития, являющуюся неизменной составляющей командной экономики. Он считал, что идея сотрудничества, которая доминировала в советском обществе подрывает его

⁵⁶ Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – С. 59.

⁵⁷ Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – С. 60.

⁵⁸ Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – С. 60.

естественный ход развития, приводя в пример естественный отбор в природной среде. Именно конкуренция, а не сотрудничество является двигателем общественного прогресса. «Сотрудничество, как и солидарность, предполагает большую степень согласия, как по поводу целей, так и по поводу средств их достижения. Оно имеет смысл в малой группе, члены которой обладают сходными привычками, знаниями и представлениями о своих возможностях. Оно едва ли имеет какой-либо смысл, когда проблема заключается в приспособлении к незнакомым обстоятельствам. Однако в основе координации усилий в рамках расширенного порядка лежит именно приспособление к неизвестному. Конкуренция представляет собой процедуру открытия, узнавания нового – процедуру, присущую эволюции во всех ее формах, заставляющую человека помимо собственной воли вписываться в новые ситуации. И именно за счет возрастающей конкуренции, а не за счет солидарности повышается постепенно эффективность»⁵⁹.

Резкой критике подвергает он и одну из основных идей социализма – справедливость на основе моральных норм и представлении о всеобщем равенстве. «Надо думать, что люди были бы более довольны экономическими условиями своего существования, если бы сочли справедливыми относительные различия в материальном положении отдельных индивидов. Однако вся идея распределительной справедливости – каждый индивид должен получать соответственно своему нравственному достоинству – при расширенном порядке человеческого сотрудничества бессмысленна, поскольку размеры имеющегося продукта (и даже его наличие) обусловлены в общем-то нравственно нейтральным способом распределения его частей... Моральные заслуги не поддаются объективной оценке... Любая расширенная система сотрудничества должна постоянно приспосабливаться к изменениям внешней среды; и смешно требовать, чтобы происходили изменения исключительно со справедливыми последствиями. Рассчитывать на это почти

⁵⁹ Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – С. 38.

так же нелепо, как и верить, будто возможна сознательно организованная «правильная» реакция людей на подобные изменения. Человечество никогда не смогло бы ни достигнуть своей нынешней численности, ни поддерживать ее, если бы не неравенство, которое нельзя ни поставить в зависимость от неких рассуждений морального характера, ни примирить с ними... Никому не под силу то, что под силу рынку: устанавливать значение индивидуального вклада в совокупный продукт. Нет и другого способа определять вознаграждение, заставляющее человека выбирать ту деятельность, занимаясь которой он будет в наибольшей мере способствовать увеличению потока производимых товаров и услуг. И оказывается, что рынок производит в высшей степени нравственные плоды (если, конечно, считать увеличение вышеназванного потока делом благим, нравственным)»⁶⁰.

Он в принципе отрицает идею социальной справедливости, основанную на нормах морали, говоря о том, что она «...лишена смысла, поскольку этические понятия в принципе не применимы к имеющим спонтанную природу социально-экономическим процессам, подобно тому, как они не применимы к физическим процессам, протекающим, например, в рамках Солнечной системы»⁶¹.

Выводы.

Анализ теорий исследования социальной стабильности позволил сделать вывод, что наиболее в основу большинства теорий социальной стабильности заложена теория социальной солидарности Э. Дюркгейма, согласно которой социальная стабильность достигается с одной стороны на основе нормативно-правовых основ, административно-правового закрепления или договора (внешних регуляторов) с помощью таких социальных институтов как государство, право, экономика, а с другой стороны на основе

⁶⁰ Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – С. 203-204.

⁶¹ Худокормов, А.Д. История экономических учений / А.Д. Худокормов. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. – С. 67.

ценностно-моральных основ морали, нравственности, соборности (внутренних регуляторов) заложенных в самом человеке с помощью таких институтов как религия, семья.

Эмиль Дюркгейм в своей теории социальной солидарности задает вектор рассмотрения социальной стабильности как исключительно социального явления, переводя ее из плоскости умозрительных конструктов в плоскость реальных фактов, эмпирически фиксируемых практик функционирования социальных институтов общества. Социальная стабильность выступает тем универсальным состоянием общества, при котором социальная система и ее институты стабильно функционируют и развиваются.

1.3. Теоретические подходы к исследованию социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности

Социальная стабильность является одной из ключевых целей государственной политики, особенно в таких крупных и сложных государствах, как Китайская Народная Республика. Для её достижения важно понимать, какие механизмы задействованы и как они функционируют в контексте актуальных и предполагаемых в будущем социокультурных, экономических, политических условий. Анализ генезиса научной мысли относительно феномена социальной стабильности позволил выделить ряд социологических подходов, в рамках которых социальная стабильность не только получает комплексную научную интерпретацию, но и позиционируется как прикладной механизм государственного управления. В данном контексте автором выделено три направления: функционалистский, конфликтологический и институциональный подходы.

Основоположником *функционалистского подхода* является Г. Спенсер (1820-1930). В своем труде «Основание социологии» он обосновал основные положения понимания общества как единого целого, а социальную стабильность он определял как функциональный баланс между структурообразующими частями (институтами) общества: политической, экономической, культурной, военной и др. Как говорилось в параграфах 1.1. и 1.2. функции этих социальных институтов строго определены и направлены на реализацию единой цели – удовлетворению потребностей общества. Функциональный баланс между социальными институтами обуславливает воспроизводство общественной системы, а, следовательно, и ее развитие. Исходя из этого, каждый социальный институт должен выполнять только присущую ему функцию. В этом – залог социальной стабильности.

По мнению Г. Спенсера, для того, чтобы сохранить социальный баланс, необходимым условием выступает наличие *социального контроля*. В качестве регуляторов социального контроля Г. Спенсер позиционирует государство и церковь. Государство осуществляет социальный контроль посредством

«страха перед живыми», а церковь – «страха перед мертвыми». В условиях общества, основанном на механической солидарности (примитивном, основанном на кровных связях) достаточно страха перед жестоким наказанием за нарушения установленного порядка и норм жизнедеятельности, который уславливается посредством репрессивного права. В условиях общества с органической солидарностью примат долга эволюционирует от принудительности социальных норм к добровольности, личной заинтересованности индивидов в их принятии и следовании им. На ранних стадиях развития общества с органической солидарностью государство и церковь посредством установления законов и морально-этических норм регулирует поведение индивидов в социуме, устанавливая социальную стабильность через систему наказаний (страха), основанной на моральном долге (церковь) и в чувстве уважения к общим требованиям (групповому давлению/государство). Но, по мере эволюции социальной системы, общество становится интернализованной системой, в которой законы и нормы становятся не только усвоенными моделями поведения индивида, они выступают социальной рефлексией каждого и, как полагал Г. Спенсер, доминировать будет так называемое реститутивное («восстановительное») право, функция которого сводится к «простому восстановлению порядка вещей». Данное утверждение находит в дальнейшем наиболее полное отражение в работах Эмиля Дюркгейма⁶².

Позиционируя общество как совокупность свободных индивидов, деятельностное начало которых обуславливает функционирование социальных институтов, Г. Спенсер главным фактором сохранения социальной стабильности в обществе с органической солидарностью видит не страх перед наказанием, в принятую в социуме систему ценностных ориентиров, морально-этических моделей поведения, придерживаясь которых сохраняется как баланс взаимодействий индивидов и социальных институтов

⁶² Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. / Э. Дюркгейм. М., 1990. – С. 109.

внутри общества, так и обеспечивается согласие общества с внешним миром (другими обществами и «большим» обществом, частью которого конкретное общество является).

Идеи функционализма Г. Спенсера были развиты в работах А. Рэдклифф-Брауна, Б. Малиновского, Р. Мертона, Т. Парсонса.

В частности, А. Рэдклифф-Браун и Б. Малиновский в своих работах рассматривали функционирование социальной системы с позиций антропологии культуры, а именно в рамках исследования тотемизма в примитивных обществах. Опираясь на исследования «примитивных культур» (например, А. Рэдклифф-Брауна у аборигенов Австралии) они выявили роль культуры (тотемизма) как социального механизма, регулирующего и интегрирующего посредством определенных институтов (норм, обычаев, верований) выполнение индивидами необходимых обществу функций. Так, например, А. Рэдклифф-Браун, обосновал функционал социальной системы, обуславливаемый моральным характером норм и запретов, устанавливаемых тотемическими представлениями и обрядами. Тотемическая модель, создаваемая в рамках примитивной культуры, отражает не сколько представления аборигенов об окружающем мире, сколько дает матрицу социальной системы. В ходе выполнения тотемических ритуалов и обрядов, которые носили интегративный характер в обществах примитивного типа, закладывается и принимает естественную форму система социальных ролей. Этот функционал религии обеспечивает стабильность жизнедеятельности примитивного общества. Именно этому посвящена книга ученого «Структура и функция в примитивном обществе»⁶³.

Примечательно, что, развивая методологические основания функционализма на примере примитивного общества, А. Рэдклифф-Браун ставил перед собой конкретную задачу политического плана – создать

⁶³ Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. / А.Р. Рэдклифф-Браун. Пер. с англ. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – с. 166. Электронный ресурс: http://static.ica.ras.ru/books/Ethnographic_library/Radcliffe-Brown_Structure_and_Function.pdf

адекватную систему управления в колониях Великобритании (концепция «косвенного управления»), в которой рычаги воздействия на колониальные общества базируются на уже сформировавшуюся социальную структуру и институты власти и управления. По мнению А. Рэдклифф-Брауна, это позволит обеспечить стабильное сосуществование английских колонизаторов и аборигенов.

Расширяя рамки понимания функционала социальных институтов культуры/религии, Б. Малиновский в своей работе «Магия, наука и религия» (1925) определяет религию как фактор социальной стабильности примитивных обществ. Б. Малиновский на основе собственных исследований обосновал, следующие функции религии:

- механизм разрешения социальных конфликтов и/или иных отклонений от стабильного равновесия социума (внутриклановые конфликты, поражения в войнах, смерть члена социума и т.п.). Посредством религиозных ритуалов, обрядов и установок религия ликвидирует или сглаживает отклонения, обеспечивает конформность поведения индивида и, как следствие, стабильность социума. Б. Малиновский также обозначает, что тотемическая модель имеет, в большей степени, светский характер, обеспечивая посредством предписываемых правил и ритуалов общественный порядок;

- инструмент интеграции социума. Религия через закреплённые в ритуалах и обрядах образы и смыслы определяет для каждого члена общества место и социальную роль, обеспечивая как самоидентификацию индивидов, так и единство социальных групп и общества в целом;

- способ социализации индивидов. Система ритуалов закрепляет возрастные статусные роли. Так, например, ритуал посвящения мальчика в охотники – это не только сакральное таинство «здесь и сейчас», закрепляющее положение ребенка в обществе уже как полноправного члена. Это закономерный результат длительного процесса социализации, начиная с восприятия и закрепления в сознании рефлексии относительно «священных»

норм и ценностных установок и заканчивая получением определенных деятельностных навыков, знаний и умений;

– функционал поддержания и воспроизводства институализированных моделей поведения. Любое отклонение от установленных образцов поведения, от сакральных норм обуславливает наказание. С другой стороны, эти же установки обеспечивают конформность поведения индивидов. Так, например, в случае военной неудачи сакральные установки помогают оправдать поражение волей богов. Тем самым, угроза социального хаоса сводиться к минимуму и обеспечивается социальная стабильность.

В последнем случае интерес представляет исследование Б. Малиновским феномена солидарности, в рамках которого он не только уточнил и расширил понимание данного понятия, но и исследовал его функциональное назначение. Он выявил и обосновал ряд моделей взаимодействий индивидов (отношения договорные, товарищества, побратимства, союз для обмена дарами и др.), в рамках которых обеспечивается интеграция внутри социума. Каждая модель строго определяет поведенческий функционал индивидов (вплоть до мимики и жестов), обеспечивая их единение и возможность избегания конфликтов.

Исходя из своей функционалистской концепции, Б. Малиновский сформулировал постулат функционального подхода: «...в любом типе цивилизаций любой обычай, материальный объект, идея и верования выполняют некоторую жизненную функцию, решают некоторую задачу, представляют собой необходимую часть внутри действующего целого»⁶⁴.

Концептуальные идеи структурно-функционального подхода получили свое развитие в работах Э.Эванс-Притчарда («Нуэры», «Колдовство, оракулы и магия у азанде» и др.), М. Фортеса («Эдип и Иов в Западной Африке», «Родство и социальный порядок: наследие Л. Г. Моргана»), Р.Фёрса («Элементы социальной организации»), М. Глукмэна («Обычай и конфликт в

⁶⁴ Малиновский, Б. Функциональный анализ / Б. Малиновский. Антология исследований культуры. Т.1 : Интерпретации культуры / Уайт Лесли Элвин, Мердок Джорж П., Гирц Клиффорд и др.; Сост. С.Я.Левит, Л.А. Мостова; Отв. ред. Л.А. Мостова. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 690.

Африке», «Порядок и восстание в племенной Африке», «Политика, закон и ритуал в племенном обществе»).

Но, наиболее расширенные и углубленные исследования в рамках функционализма были проведены в работах Г. Спенсера, Т. Парсонса и Р. Мертона.

Суммируя многомасштабные исследования этих ученых, можно сделать следующие выводы (таблица 2).

Таблица 2 – Сравнение научных концепций представителей функционалистского подхода к управлению социальной стабильностью

	Г. Спенсер	Т. Парсонс	Р. Мертон
Общество	Любая социальная система является своего рода сложным социальным организмом. Ведь сами по себе собранные в определенном физическом пространстве индивиды не являются обществом, а становятся им лишь тогда, когда вступают между собой в кооперативные связи и объединения, направленные на достижение определенной цели. Именно наличие определенной цели/целей является тем объединяющим началом, которое обеспечивает	Общество – целостная система, стремящаяся сохранить стабильность. Система действия включает в себя подсистемы: социальную (группа людей); культурную; личностную; поведенческую.	Неотъемлемыми элементом социальной системы, в ракурсе управления ее социальной стабильностью являются две основные составляющие. Во-первых – цели, обусловленные социальной культурой системы, представляющие собой сферу устремлений и интересов. Во-вторых – нормы, обусловленные особенностями системы как социального института, которые регулируют и осуществляют контроль за достижением целей. Таким образом интегрированные цели и нормы являются неотъемлемыми составляющими стабильности социальной любой системы ⁶⁶ .

⁶⁶ Мертон, Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон. Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Перевод с французского Е.А. Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс». С. 299-313. Электронный ресурс: http://scepsis.net/library/id_632.html.

	сплоченность социальной системы ⁶⁵ .		
Функции и их роль	Функционал общества как стабильной системы и социального организма схож в том, что чем он проще, тем проще его выполнение различными элементами социальной системы, из чего следует, что не один из элементов не является универсальным и легко заменяем. В случае усложнения выполняемых функций их дифференцирующая роль возрастает и пропадает возможность их взаимозаменяемости⁶⁷ ... из этого следует, что чем проще социальная система и составляющие ее элементы, тем проще и государственное управление слаженностью, данной системы, тем сложнее социальная система, тем сложнее должен быть и управленческий аппарат⁶⁸.	Система может функционировать только при выполнении подсистемами определенных функций: адаптации (поведенческая подсистема), воспроизводства (культурная) и рациональной организации, целеориентации (личностная подсистема), устойчивости (на основе общих норм и ценностей), интеграции (социальная подсистема). Исполнители функций - 4 подсистемы (экономика, политика, культура, родство). Регулирование функций – социальные институты (заводы, банки, партии, государственный аппарат, церковь, школа, семья и др.).	Пять значений функции: общественное поручение; вид деятельности; способ связи элементов системы (структурных единиц); зависимость одной переменной структурной единицы от другой; системные процессы адаптации и интеграции. Функционалистская теория аномии.

Структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона представляет собой современные подходы к пониманию общественного функционирования. Комплексные и системные исследования социальной структуры с позиций их функционала позволяют выявить те структурные

⁶⁵ Спенсер, Г. Развитие политических учреждений / Г. Спенсер. – СПб.: Издание журнала «Мысль», 1882. – С. 17. Электронный ресурс: http://econlibrary.ru/books/91/80/spencer_political%20institutions_chi-iii.html.

⁶⁷ Спенсер, Г. Основания социологии (§§ 212-236) / Г. Спенсер. Западно-европейская социология XIX века: Тексты / Под ред. В.И. Добренёва. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 318-319.

⁶⁸ Ковалевский, М.М. Социология Герберта Спенсера / М.М. Ковалевский. Сочинения в двух томах. Т. I. СПб: «Алетейя», 1997. – С. 205.

элементы и процессы, а главное, те механизмы, с помощью которых общество обеспечивает себе возможность стабильного Бытия и стабильного развития. Функционалисты выявили в социальной структуре комплекс элементов, которые в непрерывном процессе человеческих взаимодействий сохраняют относительное постоянство своего бытия. Выявление таких явлений как функциональная аномия (Р. Мертон) позволяет прогнозировать социальные отклонения, выявлять «проблемные зоны» социального Бытия, а, следовательно, избегать (подавлять) эти отклонения.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод что *функционалистский* подход рассматривает общество как сложную систему, в которой каждая часть выполняет свои функции для поддержания стабильности и порядка. С точки зрения функционализма социальная стабильность достигается через согласие и кооперацию между различными элементами общества. Его преимуществом является возможность понять, как различные элементы общества функционально взаимосвязаны и как нарушения в одной сфере могут повлиять на другие. К недостаткам следует отнести слабое внимание к условиям возникновения социальной нестабильности и игнорирование всей сложности социальной динамики и социальных изменений. Применительно к Китаю функционализм позволяет рассмотреть возможности отдельных сфер общества по поддержанию социальной стабильности, как то: доступ к услугам образования и здравоохранения, адаптация сельских мигрантов к городским условиям, борьба с неравенством – но разрозненно и вне контекста социальной динамики.

Вторым подходом, который имеет немаловажное значение для понимания социальной стабильности выступает *конфликтологический*, в рамках которого рассматриваются не механизмы самосохранения социальной системы, а факторы ее трансформации и качественного преобразования. Представители конфликтологического подхода исходят из того факта, что генезис цивилизационного развития – это история не столько стабильности, уравновешенности и согласованности взаимодействий внутри социума и

самого социума с внешним миром, сколько история кризисов, конфликтов и различных разрушительных процессов. Эти процессы имеют как разрушительную природу (например, гибель древних общественных образований), так и лежат в основе существенных изменений основ общественной жизни, и, соответственно, самого общества, что, в конечном итоге, обеспечивает прогресс.

Одним из основоположников конфликтологического подхода к управлению социальной стабильностью является К. Маркс, который считает наличие конфликтов свидетельством жизнеспособности социальной системы, без которых она окажется в стагнации. Именно конфликты являются «локомотивами» прогрессивного развития любого общества в целом и каждой составляющей его сферы. Задача общества не устранять конфликты, а максимально их формализовать, выносить на поверхность делая как можно более открытыми. В конфликтах К. Маркс видит не дезинтегрирующую, а именно интегрирующую составляющую любой социальной системы.

Эти противоречия имеют историческую природу и, определяя ход цивилизационного развития, кардинально изменяют все сферы жизнедеятельности общества. В основе социального конфликта, согласно К. Марксу, лежат классовые конфликты, связанные с неравномерным распределением ресурсов, обусловленным развитием производительных сил и изменившимися в силу этого развития производственными отношениями. Антагонизм классов порождается жесткой конкуренцией за право обладать производственными силами, жизненными благами и ресурсами. На пике этих противоречий происходит кардинальные социальные изменения, определяющими динамику цивилизационного развития. В рамках конфликта за обладанием производительных сил и производственных отношений одна историческая формация сменяется другой⁶⁹.

⁶⁹ Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2, т. 13, – С. 6-7.

Наибольшей остроты, согласно К. Марксу, социальные конфликты достигают в условиях капиталистического общества, наступившего в ходе индустриальной революции – мощнейшего социального конфликта, повлекшего изменения социального характера и изменившего всю социальную структуру, что повлекло за собой смену мировоззрения всей общественности. Таким образом К. Маркс доказал сувой постулат о том, что именно общественное бытие, определяющее фундамент любой социально-экономической формации определяет ее надстройку – сознание людей⁷⁰.

Именно социальный конфликт между антагонистическими кассами буржуазного общества приводящий к социалистической революции, разрушающей на своем пути все то что должно быть разрушено играет абсолютную роль в социально-политическом процессе и является необходимым условием развития государства и общества⁷¹.

В частности, во II главе авторы определяют естественную неизбежность классового конфликта (пролетариат-буржуазия) и его силового разрешения. К Маркс и Ф. Энгельс пишут: «...пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, то есть при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства...»⁷².

⁷⁰ Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2, Т. 13. – С. 7.

⁷¹ Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс, Электронный ресурс: <https://socialist.news/assets/pdf/manifest.pdf>

⁷² Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс, Электронный ресурс: <https://socialist.news/assets/pdf/manifest.pdf> . Глава II. Пролетарии и коммунисты.

Теория конфликта Карла Маркса легла в основу всех конфликтологических теорий которые предлагали на различных этапах развития социологической науки его последователи. Не случайно, еще в 1998 году известный английский философ Питер Осборн в своей статье «Вспомнить будущее. Коммунистический Манифест историко-культурная форма», посвященной 150-летию этого труда позиционировал, что это «самый влиятельный текст, написанный в XIX веке»⁷³.

Особого внимания в ракурсе затрагиваемой в диссертационном исследовании проблематике заслуживает научная концепция функционального конфликта, предложенная Г. Зиммелем основные положения которой он излагает в таких своих работах как «Конфликт и групповые связи», «Социальная дифференциация» и др.⁷⁴ Как и его предшественник он полагает что конфликты являются неотъемлемой и желательной составляющей любого общества. Но в отличие от марксистского макросоциологического подхода он предпочитает микросоциологический подход к исследованию истоков данного социального феномена⁷⁵. Рассматривая общество как арену взаимодействия индивидов, Г. Зиммель исследует природу их взаимодействия между собой и заявляет об исключительной уникальности каждого индивида. Ученый констатирует: «...жизнь не полностью социальна, мы формируем наши взаимные отношения, не только негативным образом сохраняя за собой не входящую в них часть своей личности; эта часть не только воздействует через всеобщие психологические связи как таковые на социальные процессы в душе, но именно тот формальный факт, что эта часть находится вне этих последних, определяет род такого воздействия...»⁷⁶. Изначально индивид находится в

⁷³ Osborne, Peter. 1998. «Remember the Future? The Communist Manifesto as Historical and Cultural Form» // Panitch, Leo and Colin Leys, Eds., The Communist Manifesto Now: Socialist Register, 1998 London: Merlin Press, p. 170. Электронный ресурс: <http://www.socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5706/2602#.Wt-adC5ubIU>

⁷⁴ Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель М., 2015. – 416 с.

⁷⁵ Simmel, G. Gesamtausgabe / Hrsgg. von O. Rammstedt. Bd. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989.

⁷⁶ Зиммель, Г. Как возможно общество / Г. Зиммель. Электронный ресурс: <http://www.musa.narod.ru/zimm2.htm>

полной гармонии с обществом. В случае если гармония «индивид-общество» нарушается, то происходит социальный конфликт. Но, в природе взаимоотношений системы «индивид-общество» у Г. Зиммеля общество отходит на второй план, выступая фоном для созерцания действий различных форм индивидов⁷⁷.

Исходной формой у мыслителя выступает индивид – уникальная форма, облаченная в два универсума существования – одиночество и свобода. Вступая в систему общественных отношений, которую Зиммель рассматривает с позиций многоуровневой коммуникации, обусловленной характером обобществления. Чем выше уровень социальной коммуникации (увеличение группы общения), тем шире пространство свободы индивида. В данном контексте происходят социальные метаморфозы, обусловленные стремлением индивида проявлять свою волю и определяющие появления таких явлений как господство и подчинение. Зиммель утверждает парадокс количественной определенности группы, заключающейся в том, что господствовать легче в рамках больших социальных групп, так как в малых группах индивидуальная универсальность индивида проявляется наиболее сильно, тогда как личностные характеристики индивида в больших группах нивелируются, превращая группу в управляемую массу. И именно в данном процессе конфликт как способ корреляции взаимодействия индивидов на разных уровнях количественной определенности, выступает формой обобществления. Зиммель рассматривает и проводит анализ трех основных форм социального конфликта – борьба, конфликт, конкуренция.

Борьба выступает явной формой конфликта. Она не является социальным явлением, она представляет собой форму социального взаимодействия, так как она, по сути, и есть обобществление.

Конфликт в понимании Г. Зиммеля приобретает качественно новое осмысление и анализ, который дает Зиммель природе конфликта показывает, насколько многогранно это явление. Важным аспектом теории Зиммеля

⁷⁷ Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель. М., 2015. – 416 с.

является тот факт, что он исследует не только саму сущность конфликта, но и механизмах этой формы несолидарного поведения в локальных пространствах. Таким образом ученый рассматривал социальный конфликт с точки зрения его деятельностного функционала.

Именно Г. Зиммель предложил выделить социологию конфликта в отдельную отрасль социологической науки, в рамках которой рассматривать социальный конфликт исключительно как позитивный феномен. Ведь именно конфликты зачастую является тем интегрирующим инструментом, который сплачивает представителей социальной системы и способствует ее развитию. В данной связи ученый предлагает рассматривать социальный конфликт в социокультурных, эносоциальных, гендерных и пр. ракурсах.

Теоретические основы исследования социальных конфликтом изложенные выше легли в основу таких исследователей данного социального феномена как Р. Дарендорф, Л. Козер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Д. Белл, Ю. Гальтунг, К. Боулдинг, М. Крозье, А. Турена, А.Г. Здравомыслов, Ю. Запрудский, В. Шаленко, А. Зайцев и др. Современные подходы к исследованию социальных конфликтов, основное внимание акцентируют на цивилизационных, ценностно-мотивационных, мировоззренческих противоречиях как глубинных причинах, лежащих в их основе. Понимание социального конфликта с точки зрения его функционального значения для современного научного сообщества представляет его институционализация, которая позволяет выявлять деструктивную природу конфликтов и высвободить его позитивный, конструктивный потенциал, чтобы обеспечить социальную стабильность.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что конфликтологический подход акцентирует внимание на конфликте интересов и борьбе за ресурсы между различными социальными группами как основных движущих силах социальных изменений, которые могут привести в конечном итоге как к созиданию, так и к разрушению. При этом социальная стабильность рассматривается как временное состояние, которое может нарушаться под

воздействием общественных противоречий, а не является условием развития или целью социального управления. Преимуществом данного подхода является возможность выявить причины социальных конфликтов и механизмы их перерастания в социальные кризисы. К недостаткам относится упрощение социальных отношений до динамики конфликтов и пренебрежение такими аспектами социальной стабильности, как согласие и сотрудничество. Применительно к Китаю конфликтологический подход может быть использован лишь для анализа социальных протестов, вызванных, например, коррупцией, социально-экономическим неравенством, экологическими проблемами или чрезмерным социальным контролем в отдельных регионах. При этом социальные институты рассматриваются в контексте предотвращения или разрешения конфликтов.

Институционализм – сравнительно новое направление в генезисе развитие социологической мысли. Оно появляется в конце XIX – начале XX века как рефлексия на те изменения социальной жизни, которые привнесли капиталистические отношения. Капиталистическое общество, сменившее феодализм, кардинальным образом трансформировало функционирование социальной системы. Прежде всего, мы говорим о характере капиталистических отношений, которые будучи основаны на частной собственности изменили систему общественного производства и распределения. Эксплуатация, присущая феодализму сменяется системой наемного труда, что в свою очередь влечет расширение масштабов юридического равенства и свободы предпринимательства. Бернар Польрэ пишет: «... социальную организацию, которой свойственны международный размах обмена, господство финансового и спекулятивного сектора и наличие доминантных позиций. Капитализм зиждется на принципе бесконечного накопления капитала и на механизмах, которые обеспечивают возможность

такого накопления. Среди них немаловажны практики господства и эксплуатации, извлекающие выгоду из статуса труда как товара...»⁷⁸.

Под влиянием этих факторов происходят изменения и в общественно-политической системе. Развитие либерально-демократических институтов и свободная конкуренция, приводят к централизации капитала (монополии). Капиталистические силы становятся мощным классом, в руках которого сосредотачивается большой объем капитала, что закономерно повлекло за собой стремление проникнуть во властные структуры, что привело к развитию государственно-монополистического капитализма. Известный российский ученый Б.А. Райзберг пишет об этом этапе социально-экономического развития следующее: «...государственно-монополистический капитализм, характеризуется сращиванием финансовой олигархии с бюрократической верхушкой, усилением роли государства во всех областях общественной жизни, ростом государственного сектора в экономике и активизацией политики, направленной на смягчение социально-экономических противоречий...»⁷⁹.

Основоположники и последователи институционального видения общественной системы, ее структурообразующих элементов, социальных связей и процессов, опирались на понимание общества как экономико-политической системы. Можно говорить о том, что само появление институционализма было рефлексией научного сообщества на те социальные изменения, которые происходили в обществе в процессе развития капиталистической парадигмы. Капитализм кардинально изменил как социальную структуру общественной системы, так и общественное и индивидуальное мировоззрение. Доминантными установками социума становятся политика и экономика.

⁷⁸ Польрэ, Б. Двусмысленность когнитивного капитализма / Б. Польрэ // Логос, № 4 (61) – 2007. – С. 71.

⁷⁹ Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцев. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М., 1999. – 479 с.

Развитие капиталистических отношений качественным образом изменило и общественное сознание. «Дух капитализма», как охарактеризовал новую ментальность В. Зомбарт, обусловил новую сферу психотипа «*homo economicus*» (с лат. – «человек экономический», «человек рациональный»), главными моделями поведения является стремление к максимизации прибыли, рациональную логику, индивидуальный эгоизм и счетную способность. Эти модели, сведенные М. Вебером в комплекс норм «протестантской этики», обусловила психологию монетаризма и рационального выбора.

Суммируя аспекты природы капиталистических отношений можно выделить следующие базовые установки, которые становятся доминантами социального развития – экономика, политика и «дух капитализма/протестантская этика».

Эти кардинальные изменения обусловили качественно новый виток в развитии исследований относительно социальной системы в целом, и социальной стабильности в частности, и появление такого направления как институционализм. В частности, на взгляд автора, выявление такой базовой установки как «капиталистический дух» стал именно тем фактором, который повлек комплексные исследования социальной структуры общества в кардинально новом измерении.

Так, К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» (1844) писал: «...общественные институты, такие как семья, государство, гражданское общество представляют собой не только научные абстракции, а социальные формы существования человека...»⁸⁰. Вместе с тем, упоминание о социальном функционале важнейших органов социального организма мы встречаем у О. Конта, Г. Спенсера, а впоследствии, в работах Э. Дюркгейма. Функционалисты, рассматривая социальные институты и их функционал,

⁸⁰ Маркс, К. К критике гегелевской философии права / К.Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. – Т.9. – С. 263.

признавая их важность для жизнедеятельности социального организма, вместе с тем, не достаточно емко исследовали этот феномен.

Как социологическое направление институционализм сформировалось в рамках немецкой исторической школы, представители которой (Ф. Лист, К. Книс, Б. Гильденбрандт, В. Рошер, Г. Шмоллер, В. Зомбарт, М. Вебер) рассматривали социальную систему с позиций политэкономии. Считая, что исследования в области изучения общества и процессов социального развития представляют собой абстрактные модели, в которых не учитываются факторы производства, а также тех аспектов социально-исторического развития, которые напрямую связаны с производственными отношениями, иницируют процессы общественного развития и сами являются результатами общественной деятельности. Центральной целью их исследований стали не только теоретико-методологические изыскания. Исследования имели прикладную цель – найти те рычаги и механизмы, с помощью которых можно было трансформировать социальную систему, обеспечить равновесие между трудом и капиталом, между обществом и государством, внутри общества – между обществом и социальными группами (индивидами) и социальных групп между собой.

Прикладная направленность исследований обусловила следующие позиции в понимании как самой социальной системы, так и процессов социального развития. Общественную систему, в отличие от представителей других направлений, институционалисты не позиционировали по аналогии с биологическим организмом, а рассматривали как совокупность экономических и неэкономических процессов, под воздействием которых с одной стороны, формируются производственные отношения, формы собственности, обеспечивающие функционирование социальной системы в определенном виде на конкретном историческом этапе (экономические факторы), а с другой стороны, обуславливаются национальные особенности (национальная культура, психология, религия и др.), традиции и обычаи, национальный менталитет и т.п.

В рамках институционализма оформились разногласия, которые связаны с определением доминанты. Ряд исследователей считали, что доминантными факторами выступают факторы экономического характера. Экономические процессы и результаты деятельности людей формируют социальную (надэкономическую) сферу – культуру, религию, искусство, науку и т.п. И чем выше уровень развития производственных отношений и сил в обществе, тем более развита социальная сфера. Другие представители немецкой исторической школы определяли взаимообусловленность экономического и социального факторов, а некоторые институционалисты (например, М. Вебер) приоритетными и доминирующими факторами социального развития определял именно социальный фактор, а именно – религиозные ценностные установки кальвинизма (направление в протестантской религии), обусловившие формирование качественно нового менталитета («духа капитализма»).

Значимость работ ранних представителей институционализма – представителей немецкой исторической школы – заключается в том, что они впервые подняли и обосновали линейность исторического развития, в основе которого лежат институты политики, экономики и культура в их взаимообусловленности и взаимовоздействия. Совершенно справедливо отмечает Н. Д. Кондратьев относительно значимости работ Ф. Листа, о том, что именно ему принадлежит «первая по времени попытка, если не считать еще более ранних зачатков, дать схему эволюции хозяйственных ступеней народов.... В которой показано, что человечество последовательно проходит пять ступеней: а) период дикости, б) пастушеский, в) земледельческий, г) земледельческо-промышленный и д) земледельческо-промышленно-торговый период»⁸¹.

В рамках институционализма линейная схема цивилизационного развития получает различные интерпретации (Б.Гильдебранд: натуральное

⁸¹ Кондратьев, Н.Л. Избранные сочинения / Н.Л. Кондратьев / Ред. колл. Л.И. Абалкин и др. – Сост. В.М. Бондаренко, В.В. Иванов, С.Л. Комлев и др. – М.: Экономика, 1993. – 543 с. Электронный ресурс: <http://socioline.ru/pages/kondratev-nl-izbrannye-sochineniya>

хозяйство – денежное хозяйство – кредитное хозяйство; В. Зомбарт: самодовлеющее хозяйство (крестьянское и поместное); ремесло (потребительское); капитализм (для наживы) в соответствии с которыми определяются: эпоха докапиталистического хозяйствования (VIII-XII вв.); Эпоха раннекапиталистического хозяйствования (XIII-XVIII вв.); эпоха современного капитализма (XIX в.) и др.). Несмотря на различные подходы к источникам развития, важным в контексте исследуемой темы является алгоритм институционализации, а, следовательно, и алгоритм цивилизационного развития. Последовательность стадий институционализации предполагает стабильность развития на определенном этапе, а также стабильность переходов из одной стадии к другой. Общественная система, представляемая как совокупность институтов – регуляторов социальных связей, взаимоотношений и социальных процессов. Когда в социуме возникают определенного рода несоответствия, нарушающие социальное равновесие, социальные институты посредством хабиитуализированных моделей поведения, норм и правил восстанавливает социальный баланс.

Соответственно, институционалисты заложили фундамент исследований в области поиска рычагов для корректировки общественной жизнедеятельности, процессов социального развития.

Вторым этапом генезиса институционализма является появление исследований *в рамках экономической теории*, которые рассматривали экономику как часть социальной системы, а институты как «вербальный символ» выражения комплекса социальных обычаев и традиций (именно так трактует термин «институт» У. Гамильтон, который ввел его в научный оборот). Инициировал работы в данном направлении Т. Веблен, который в своей статье «Почему экономика не является эволюционной наукой»⁸²

⁸² Веблен, Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? / Т. Веблен // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 99-111.

обосновал ряд постулатов, на которые впоследствии опирались последователи различных течений в институционализме:

- экономика – часть социальной системы, а ее соотношение с такими институтами как наука, культура, политика не доминантны, а равноправны и взаимообусловлены;

- категории экономики исследуются в контексте социальных связей и отношений, в которых первичными выступают интересы общества, а не индивидов (как, например, у маржиналистов), а на экономическую ситуацию влияют не только рыночные изменения (например, цены, спроса, предложения), а комплекс внеэкономических (социальных, политических, культурных, психологических) изменений.

Институционалисты рассматривали общество как совокупность институтов, причем в понятие «экономический институт» они включали не только механизмы производства, распределения, потребления и обмена, но и нормы, традиции и обычаи, мотивы и стимулы, легитимирующие экономические процессы, их структуру и функционал. Дихотомия понимания концепта социального института заключается в том, что институт является результатом «коллективного социального действия» индивидов, а с другой стороны, институт является механизмом координации их поведения.

Процесс общественного развития в рамках институционализма определяется как равновесие между развитием института (то есть реальных форм организации поведения экономических субъектов, которые сложились в данном обществе) и развития технологий (то есть того уровня научно-технических знаний и интеллектуального опыта, которые в реальной действительности воплощены в технике, в квалификации работников, в методах управления производством). Когда между институтами и технологиями имеется равновесие, то есть институты и технологии соответствуют друг другу, то в обществе наблюдается стабильность. Если же развитие институтов отстает от развития технологий, то в обществе начинается дисбаланс, который сопровождается социальными конфликтами.

Для того, чтобы избежать и/или купировать социальный конфликт приоритет получают такие институты как государство, рынок и корпорации. Имея в своих руках легитимированные средства (законы/государства), финансы (рынок), производственные силы (корпорации), то есть реальные рычаги воздействия на социум, экономические институты регулируют социальные структуры и социальные процессы, обеспечивают стабильность жизнедеятельности социума и возможность избежать социальных конфликтов. Приоритетная роль, по мнению институционалистов, принадлежит государству.

Видными представителями классического институционализма были Т. Веблен (социально-психологический институционализм), Дж.Р. Коммонс (социально-правовой институционализм), У. К. Митчелл (конъюнктуроведение, эмпирико-прогностический институционализм), Дж. Гэлбрейт, В. Зомбарт, Г. Мюрдаль и др.

В 1930-х годах влияние институционалистов значительно снизилось (многие исследователи связывают этот спад с появлением теории Дж. М. Кейса), но уже после Второй мировой войны начинается новый виток в развитии институционализма, который получил название новый институционализм. В частности, в этот период получают развитие такие теории как: технократический детерминизм (Дж. Гэлбрейт, Р. Хейлбронер), концепции социологического направления (Ф. Перу, Ж. Фурастье), исследования проблем развивающихся стран (Г. Мюрдаль, К. Виттфогель, У. Льюис) и т.п.

В ракурсе приведенных выше теорий и концепций оказывается индустриально-технократический подход. Развитие социума рассматривалось с позиций научно-технических революций, которые кардинально изменяли социальную структуру и выступали в качестве инструментов решения социально-политических проблем. С этих позиций обоснование получает деятельность корпораций (монополий), которые позиционируются как носители и движущая сила прогресса. В 1950-1960-х годах в рамках нового

институционализма развиваются идеи о самоорганизующей способности корпораций транспортировать капитализм в «общество всеобщего благосостояния и стабильности». Прежде всего, это связано с развитием идеи Дж. М. Кейса, обоснованной в книге «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.) о том, что работодателям-капиталистам не выгодно нищета наемных работникам, так как они представляют собой основную массу потребителей. «Народный капитализм», предполагающий, что высокая заработная плата выгодна не только работникам, но и работодателям, является результатом совместной деятельности корпораций и государства, которые в рамках крупных государственных программ обеспечения занятости, с одной стороны, и расширению зон социальной ответственности корпораций по отношению к своим работникам, позволят обеспечить достойный уровень жизни населения, а, следовательно, обеспечить стабильность в системе «спрос-предложение», которая обусловит в итоге выходы из экономических кризисов.

То есть, основной идеей новых институционалистов выступает решающая роль государства и корпораций как основных институтов социальной системой, способных обеспечивать социальную стабильность.

Эти позиции вызвали ряд критических замечаний, в рамках которых возникает так называемая «радикальная политэкономия», (Г. Шерман, Т. Вайскопф, Э. Хант и др.), которую можно назвать неоинституциональным марксизмом. Выступая против монополистического капитализма и его влияния на социально-экономические, политические и культурные процессы, критикуя те обоснования рыночного равновесия и совершенной конкуренции, в качестве объекта исследования они выделяли повседневную деловую жизнедеятельность индивидов, извлечение и использование ими средств существования. Во многом, они использовали тезисы К. Маркса о классовых противоречиях, социальных конфликтах между трудом и капиталом и их влиянии на общественное развитие в современных условиях.

Вместе с тем, развитие идей «народного капитализма» и «государства всеобщего благоденствия и стабильности» получают новое развитие во второй половине XX века. Импульсом для новых исследований становится зарождение и стремительное развитие новых технологий, которые кардинально изменили как производственные технологии, так и систему производственных отношений. На эти десятилетия приходятся две «тихих революции» – «революция менеджеров» и «революция интеллекта». Появляются первые работы, в которых обосновываются трансформации капиталистического общества в новое качество – «новое индустриальное / постиндустриальное / информационное общество», характерными чертами которого исследователи определяют формирование и развитие транснациональных корпораций, интернационализация и глобализация экономических и политических процессов, мультикультурологический аспект и т.п. факторы глобального порядка. Эти процессы считаются естественными, и, например, в рамках теории конвергенции (Дж. Гэлбрейт, П. Сорокин, Р. Арон, Я. Тинберген) обосновывались единство технико-экономические основ развития корпораций, что естественным образом ведет их к сближению (слиянию) в одну экономически непротиворечивую систему.

Эти идеи коррелируют с исследованиями в рамках концепций «постиндустриального», «информационного», «сервисного» общества, которые наибольшее распространение получают в конце XX века.

Суммируя концептуальные аспекты исследований относительно природы, сущностных характеристик, структуры социальных институтов и той роли, которую они играют в обеспечении социальной стабильности можно сказать следующее.

Типология институтов определяется в контексте тех потребностей, которые посредством институтов удовлетворяет общество в процессе своей жизнедеятельности. Соответственно, исследователи выделяют институты, удовлетворяющие потребность в воспроизводстве (семья), безопасности и порядке (государство), добывании средств существования (производство),

пополнении знаний и социализации (образование), решении духовных проблем (религия).

Процесс образования социального института, от момента зарождения потребности до институционализации устойчиво сложившейся статусно-ролевой системы изображён на рисунке 5.

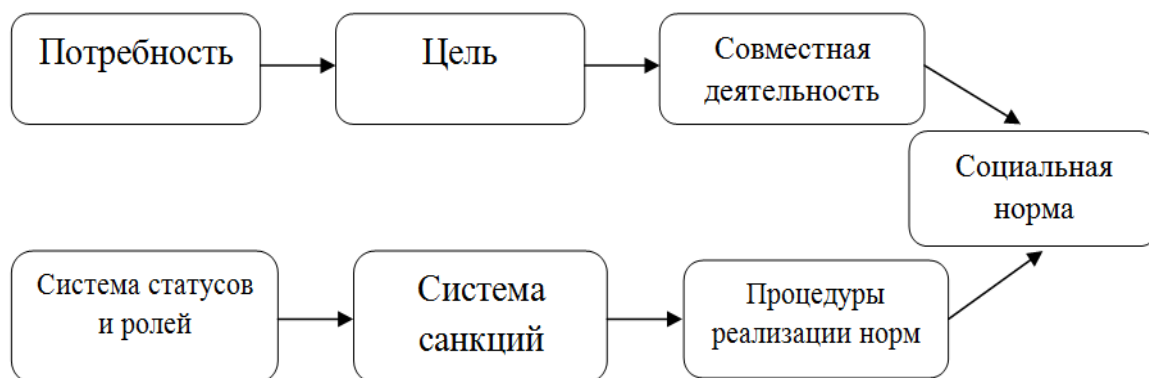

Рисунок 5 – Основные этапы процесса институционализации

В то же время необходимо подчеркнуть, чтоб данный алгоритм преобразования потребности в социальный институт сработал, необходимы следующие условия⁸³ (рисунок 6).

⁸³ Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

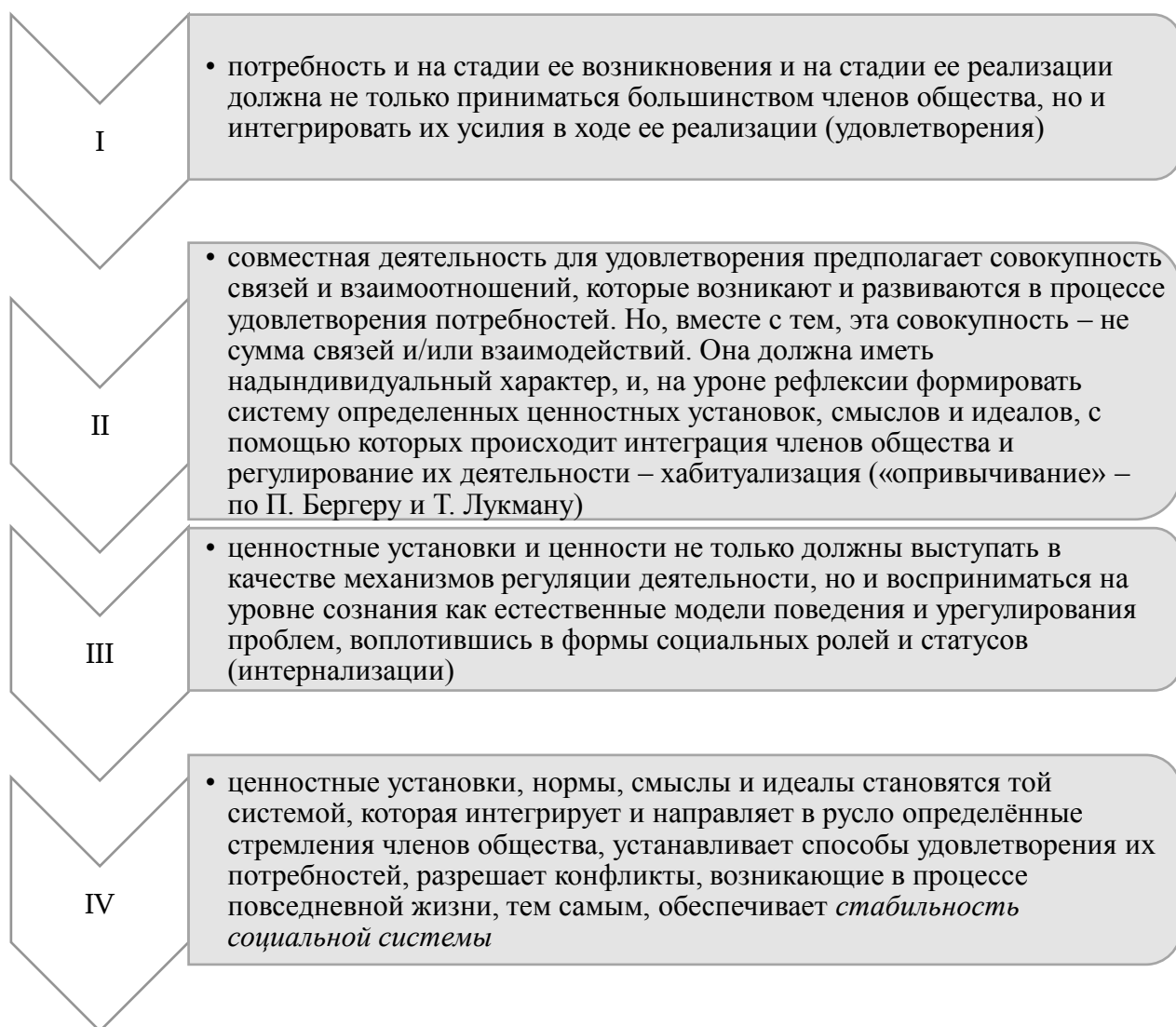

Рисунок 6 – Условия необходимые для становления социального института.

Все вышесказанное позволяет обосновать целесообразность применения именно институционального подхода к исследованию социальной стабильности.

Институциональный подход подчеркивает значимость социальных институтов (формальных и неформальных) в формировании социальных норм и практик. Социальная стабильность при этом рассматривается как результат устойчивости и адаптивности институтов. Преимуществом данного подхода является то, что он предоставляет мощные инструменты для анализа и понимания механизмов, обеспечивающих социальную стабильность, в т. ч. применительно к КНР, позволяя исследовать взаимодействие между

различными социальными институтами, как в статике, так и в динамике, а также механизмы формирования, поддержки и укрепления социальной стабильности. Именно это комплексное понимание социальной стабильности, а также возможность выработать всеобъемлющие рекомендации для развития социальной политики и практики в разрезе конкретных социальных институтов, являются решающими факторами выбора институционального подхода в качестве теоретико-методологической основы диссертационного исследования.

Применительно к Китаю институциональный подход позволяет исследовать укрепление правовых и политических институтов, обеспечивающих социальную стабильность через регулирование и контроль, а также позволяет детально исследовать роль региональных и местных социальных институтов в поддержании социальной стабильности через обеспечение связности институтов центральной власти и различных слоёв населения. При этом социальные институты китайского общества, работающие на укрепление социальной стабильности, присутствуют в различных сферах общества: властной, экономической, коммуникативной и других. Так, институты власти в лице компартии Китая, как основной политической силы, устанавливают правила, нормы и рамки взаимодействия, как на уровне общества, так и на уровне индивидуумов. При этом социально-политическая стабильность обеспечивается возможностью контроля над конфликтами и поддержания социальной гармонии, как выражаются в Китае. Экономические институты в Китае, претерпев череду реформ, к настоящему времени формируют идеологически гибкую рыночную экономическую модель с элементами социализма, что способствует поддержанию социальной стабильности через наличие возможностей изменять социальную политику в распределении общественных благ, в т. ч. через институты образования и здравоохранения. Современные институты общественной коммуникации охватывают и традиционные социальные сети и местные сообщества, включая неформальные группы, которые часто играют важную роль в обеспечении

социального контроля и взаимопомощи, и эти институты также являются составной частью институциональных и управляемых механизмов укрепления социальной стабильности. Важно отметить, что институциональные социальные механизмы не действуют изолированно. Их взаимодействие создает адаптивную систему, способную быстро реагировать на социальные изменения. В частности, реакция государственных институтов на экономические вызовы включает: перераспределение средств в пользу здравоохранения и образования; поддержка малых и средних предприятий для создания рабочих мест, особенно сельскохозяйственных предприятий, что важно для Китая; взаимодействие с местными сообществами и региональными органами власти для решения практических проблем. Эффективность этих механизмов может изменяться под влиянием различных факторов, таких как экономические кризисы, изменение общественного мнения или международные отношения. Эффективность институциональных механизмов в КНР можно оценивать через призму адаптивности и устойчивости в полном соответствии с институциональным подходом.

Востребованность институционального подхода у социологов, исследующих китайское общество, при рассмотрении ключевых факторов социальной стабильности, таких как: миграция, развитие сельских территорий, социально-экономическое неравенство, состояние инфраструктуры социальной сферы и соответствующие изменения социальной политики на общегосударственном и региональном уровнях – подтверждает его преимущества по сравнению с функционалистским и конфликтологическим подходами. Так, институциональный подход используют следующие исследователи китайского общества.

Российские исследователи Паин Э.А. и Федюнин С.Ю. в результате анализа влияния гражданской идентичности на становление и успешное функционирование демократических институтов современного общества на материалах США и стран ЕС делают вывод об ослаблении социального единства и нарушения социальной стабильности вследствие отказа

политических руководителей и обществ этих стран от национальной идентичности в пользу идей глобализма⁸⁴. Из результатов их исследований можно сделать вывод о том, что без прочной институциональной основы в политической сфере невозможна социальная стабильность.

Применительно к китайскому обществу особенно востребованным институциональный подход оказался при исследованиях влияния трансформации семьи на социальную стабильность. В частности, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Почагина О.В. рассматривает старческое одиночество в сельской местности, неполные права некоторых детей, большие различия в соотношении полов как угрозу социальной стабильности китайского общества⁸⁵.

Китайский исследователь Чжан Лей отмечает исторически сложившуюся высокую роль института центральной власти в обеспечении социальной стабильности всего общества⁸⁶.

Российско-Китайский Центр сравнительных социальных, экономических и политических исследований направления «Социология» СПбГУ выпустил целый сборник статей, посвящённый роли спорта и здравоохранения как основополагающих институтов социальной стабильности⁸⁷.

Интеграцию институтов власти, семьи и религии исследуют такие китайские учёные, как Чжан До⁸⁸, Ма Лихуй⁸⁹.

⁸⁴ Паин, Э.А. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное / Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2018. – №1. – С. 171-191.

⁸⁵ Почагина, О.В. Деформация семейных связей как угроза социальной стабильности в КНР / О.В. Почагина / VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации», г. Чита, 10 марта 2016 г. Сборник статей. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – С. 181-193.

⁸⁶ Чжан, Лей. Проблемы современного состояния социальной стабильности в Китае / Лей Чжан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №7. – С. 87-89.

⁸⁷ Общественное здоровье и формирование здорового образа жизни в России и Китае : сборник статей / Под ред. А. В. Петрова, Ван Сюй, Ян Юнькэ. – СПб.: Астерион, 2021 – 435 с.

⁸⁸ Чжан, До. Государственная программа «Национальное единство как семья» в Китае как механизм достижения социальной стабильности в стране / До Чжан // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – №4. – С. 285-293.

⁸⁹ Ма, Лихуй. Партия в Синьцзяне. Практика управления и откровения – на примере города Урумчи / Материалы «Форума социальных наук Синьцзяна». – Урумчи, 2015.

Роль и значение экономических институтов в их влиянии на социальную стабильность через распределение общественных благ ставят во главу угла многие российские китаеведы, на что указывает Покостяева А.А.⁹⁰.

Совместное влияние института власти и экономических институтов на социальную стабильность исследуют китайские социологи Ли Чжожу и Ван Цзинсюань⁹¹.

Таким образом, сравнительный анализ подходов к исследованию социальной стабильности показал преимущества институционализма над функционализмом и конфликтологией. Так, функционализм недооценивает влияние кризисных явлений и не учитывает социальную динамику, а конфликтология игнорирует возможность синергии, интеграции и консенсуса. В отличие от них институциональный подход обеспечивает сбалансированное и наиболее полное понимание социальной стабильности, акцентируя внимание на устойчивости социальных институтов, их способности к адаптации, а также к взаимодействию и конвергентному сочетанию. Единственным недостатком институционального подхода можно считать относительно низкую восприимчивость к выявлению частной динамики и мелких конфликтов на уровне малых групп, однако предметное поле диссертации связано с более крупными социальными институтами и предполагает исследование более масштабных социальных явлений и процессов, затрагивающих социальную стабильность на уровне местных сообществ и выше.

Институциональный подход является наиболее подходящим теоретико-методологическим инструментом для анализа социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности в современных обществах

⁹⁰ Покостяева, А.А. Отечественные китаеведы о роли среднего класса в обеспечении социальной стабильности и процессах социального управления /А.А. Покостяева / Материалы XVII Международной научно-практической конференции «Россия - Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке», Чита, 26 апреля 2019 года; отв. ред. Ц.С. Дондоков. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 167-175.

⁹¹ Ли, Ч. Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века / Ч. Ли, Ц. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – №8. – С. 51-56.

со всей их динамичностью и сложностью объектов управления, так как позволяет учесть множество факторов и взаимодействий как в статике, так и в динамике.

Социально-управленческие механизмы поддержки социальной стабильности определены на основе обоснованно выбранного институционального подхода как система формальных и неформальных правил, норм, институтов и практик, которые государство и другие социальные акторы применяют в управлении общественными процессами с целью обеспечения стабильности в обществе. Эти механизмы охватывают различные сферы общества, включая социально-экономическую, социально-политическую, социокультурную, правовую. При этом в рамках институционального подхода особое внимание уделяется тому, как институты формируются, функционируют и изменяются под влиянием социальных взаимодействий и социальной динамики.

Данное определение и его обоснование выделяют ключевые аспекты взаимодействия между социальными институтами и управленческими механизмами, которые являются необходимыми для обеспечения социальной стабильности и согласия в обществе. Это имеет особую значимость для анализа социальной политики и управления в быстро меняющемся мире, в т. ч. в таких странах, как Китай и Россия.

Определение понятия «социально-управленческие механизмы поддержки социальной стабильности», будучи основанным на институциональном подходе к исследованию социальной стабильности, сформулировано по результатам анализа стратегических направлений поддержания и укрепления социальной стабильности, её опорных институтов и накопленного опыта мер практической реализации политики по обеспечению и укреплению социальной стабильности на примере Китая.

Далее рассмотрены институциональные, практические и стратегические основы определения понятия «социально-управленческие механизмы поддержки социальной стабильности».

Институциональный подход акцентирует внимание на значении институтов, правил и норм, регулирующих социальные взаимодействия. В отличие от других подходов, он рассматривает социальные системы как совокупности устойчивых структур, которые создают определённые способы поведения и взаимодействия индивидов и групп. В контексте КНР можно выделить несколько ключевых институциональных механизмов, обеспечивающих социальную стабильность:

Институциональная основа социальной стабильности в Китае представлена, прежде всего, развитым институтом власти, политической основой которой являются следующие организации.

1. Коммунистическая партия Китая (КПК). Этот основной политический институт играет ключевую роль в управлении и поддержании социальной стабильности через свою идеологическую работу и контроль над различными сферами общества.

2. Народные комитеты. Местные органы самоуправления в регионах занимаются вопросами повседневной жизни граждан и действуют как связующее звено между государством и населением.

3. Службы общественной безопасности. Эти институты власти отвечают за поддержание правопорядка и предотвращение социальных волнений; включают полицию и различные структуры, занимающиеся мониторингом общественного мнения.

4. Своеобразными центрами общественных отношений выступают государственный комитет по делам молодежи и другие правительственные учреждения. Эти институты ориентированы на работу с различными группами населения, включая молодежь и пенсионеров, с целью обеспечения их удовлетворенности жизнью и поддержки социальной стабильности в конкретных слоях населения.

Практики реализации социальной политики по укреплению социальной стабильности в Китае включают следующее.

1. Социальные программы. Это программы по обеспечению социальной защиты, такие как медицинское страхование, пенсионные реформы и программы по поддержке малоимущих.

2. Мониторинг общественного мнения. Это социологические исследования и опросы, позволяющие правительству отслеживать уровень удовлетворенности населения и потенциальные источники социальной дестабилизации.

3. PR-кампании. Это программы по информированию населения о действиях правительства и его политике, направленные на укрепление социальной стабильности через поддержание доверия населения и частных организаций властным институтам.

4. Система «Социального кредита» или социального рейтингования населения. Это инновационная и уникальная в мировой практике система, которая отслеживает поведение граждан и организаций и влияет на доступ к услугам и другим общественным благам, тем самым поощряя законопослушание и социальную дисциплину. Являясь механизмом социального контроля, эта система направлена на укрепление социальной стабильности. Система во многом воплощает на практике интеграцию различных социальных институтов и социально-управленческих механизмов ради поддержания и укрепления социальной стабильности во всем обществе.

Стратегия поддержания и укрепления социальной стабильности также опирается на институциональную основу и обозначена следующими основными направлениями.

1. Политика «устойчивого развития» включает стратегии, направленные на экономическое и социальное развитие, учитывающие потребности различных групп населения и направленные на уменьшение социального неравенства.

2. Продвижение идеи социальной гармонии со стороны правительства направлена на усиление социального единства и совместной ответственности граждан, что способствует социальной стабильности.

3. Децентрализация управления предполагает разумное распределение власти между центральными, региональными и местными органами власти, что позволяет более эффективно реагировать на социальные проблемы на местах и предотвращать возникновение очагов социальной нестабильности или их разрастание.

4. Контроль и предотвращение социальных протестов включает комплекс мер по мониторингу и контролю над социальными движениями и актами несогласия, включая использование современных технологий и правовых инструментов для их предотвращения.

Выводы

На основе анализа теоретико-методологических подходов и концепций исследования социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности автором выделено три социологических подхода: функционалистский, конфликтологический и институциональный, в рамках которых социальная стабильность не только получает комплексную научную интерпретацию, но и позиционируется как прикладной механизм государственного управления. **Обосновано, что наиболее полно раскрыть социально-управленческие механизмы поддержания социальной стабильности позволяет институциональный подход, так как обеспечивает сбалансированное и наиболее полное понимание социальной стабильности, акцентируя внимание на устойчивости социальных институтов, их способности к адаптации, а также к взаимодействию и конвергентному сочетанию. Институциональные механизмы обеспечения социальной стабильности представляют систему формальных и неформальных правил, норм, институтов и практик, которые государство и другие социальные акторы применяют в управлении общественными процессами с целью обеспечения стабильности в обществе.**

Глава 2. Социологический анализ социально-управленческих механизмов поддержания социальной стабильности как основы развития КНР

2.1. Влияние социальных реалий на особенность становления и развития социальной стабильности в КНР

Первую половину XX века в истории Китая можно представить, как нескончаемую череду военных событий, которые потрясли и без того обессиленную страну. Синьхайская революция 1911 года, свергшая маньчжурскую династию. В 1913 г. под руководством Сунь Ятсена произошла вторая китайская революция, первая мировая война, в 1926 г. состоялся Северный поход, затем нельзя не отметить наступление так называемой «милитари-эпохи». Отдельно стоит отметить событие, которое наиболее трагично в истории любого государства, когда происходит противостояние родных, друзей, близких людей – это гражданская война, которая началась в Китае в 1927г. и продлилась не малое как десять долгих лет. Особенно негативно на развитие всех сфер жизнедеятельности китайского общества отразились война с Японией и вторая мировая война. В то же время для данного исторического периода Китая характерно и постоянное стремление к установлению стабильности. Историк Мамаева Н.Л. пишет: «...Однако не в меньшей степени характерны для того времени китайской истории постоянное стремление к восстановлению единства страны, достижению национального суверенитета, экономическому, политическому и культурному возрождению и усилению Китая, присущее большинству партий и общественных организаций, ведущим государственным и партийным лидерам...»⁹².

Все эти события возглавлял бессменный лидер КПК Мао Цзедун.

Перед новой властью стояла сложнейшая задача – закончить период политического хаоса и начать строительство нового государства.

⁹² Мамаева, Н.Л. Современные историки КНР о республиканском периоде истории Китая (1912-1949). От старых стереотипов к новым подходам / Новая и новейшая история. // Н.Л. Мамаева / 2009. – № 6. – С. 127-138.

Развитие Китая с 1949 года по настоящее время можно разбить на три основных этапа: 1949-1979 гг., 1979-1992 гг. и 1993 г. - настоящее время. Каждый из этих этапов характеризуется значительными изменениями в социальной политике, экономических реформах и идеологических подходах.

Этап 1: 1949-1979 гг. Формирование социалистического государства. Этот период охватывает время после установления власти КПК и до начала экономических реформ в конце 1970-х годов. После революции 1949 года и провозглашения Китайской Народной Республики (КНР), страна начала радикальные изменения в своей экономической и социальной структуре. Руководство приняло курс на индустриализацию и коллективизацию.

Имеет следующие особенности. Социальная сфера: кодекс семейного права 1950 года отменил традиционные нормы, касающиеся брака и семьи, что дало женщинам больше прав; программа здравоохранения создала системы «мобильных медиков», которые обеспечивали примитивную, но доступную медицинскую помощь в отдалённых районах. Экономическая сфера: плановая экономика установила системы централизованного планирования и коллективизации (1958 г., Великий скачок), что, однако, вызвало экономические проблемы и гуманитарную катастрофу; введение коммун в сельском хозяйстве, где крестьян заставляли работать вместе на общих полях. Идеологическая сфера: маоизм делал акцент на классовой борьбе и крестьянской революции, что привело к усилению общественных страхов и массовым репрессиям во время Культурной революции (1966-1976 гг.); мобилизация масс характеризовалась практикой массовых кампаний, что ослабляло связь между государством и населением, приводя к социальной нестабильности. Состояние социальной стабильности: принудительная коллективизация и социальные эксперименты (например, Великий скачок вперед) привели к высокой социальной нестабильности, протестам и скрытому недовольству в основном из-за голода и массовых репрессий, сопровождавшихся расколом внутри семей и местных сообществ; осуждение «буржуазной культуры», стагнация образования и науки привели к

дисфункциональности социальных институтов; государство жестко контролировало информацию и идеологию, что обеспечивало временную социальную стабильность, но подавляло разнообразие мнений и индивидуальные проявления, приводя к внутреннему напряжению в обществе.

Этап 2: 1979-1992 гг. Экономические реформы и открытость. Этот период начинается с реформ Дэн Сяопина и продолжается до распада СССР. С приходом Дэн Сяопина к власти начался курс на экономические реформы и открытость для внешнего мира, что привело к кардинальным изменениям в обществе.

Имеет следующие особенности. Социальная сфера: упрощение политики одного ребёнка – мера, введённая в 1980 году, чтобы контролировать рост населения, что повлияло на демографическую структуру и вызвало социальное напряжение; развитие образования через, включая профессиональное и техническое, что повысило уровень квалификации рабочей силы; улучшение условий жизни после запуска программы по борьбе с бедностью и улучшению городской инфраструктуры. Экономическая сфера: переход к рыночной экономике через запуск экономических реформ в 1978 г., включая создание специальных экономических зон (СЭЗ), например, в Шэньчжэне, что способствовало притоку иностранных инвестиций; расширение прав собственности в виде возвращения земли крестьянам, что увеличило производительность сельского хозяйства, а также развитие частного сектора, разрешение на самозанятость. Идеологическая сфера: внедрение установки на «социализм с китайской спецификой», сопровождавшейся пересмотром идеологических основ со смещением акцента с классовой борьбы на экономическое развитие. Политическая сфера: подавление протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, что привело к значительным изменениям в социальной политике и в дальнейшем укрепило социально-политическую стабильность. Состояние социальной стабильности: экономический рост, который начался в этот период, сопровождался постепенным улучшением уровня жизни и повышением социальной

мобильности; несмотря на возникающие новые социальные проблемы, такие как увеличение разницы в доходах, в целом социальная стабильность укреплялась благодаря повышению жизненного уровня и росту экономики; социальная стабильность городов была нарушена вследствие стремительной урбанизации, при которой строительство необходимой инфраструктуры запаздывало.

Этап 3: 1993 г. - настоящее время. Интеграция в мировой рынок и экономический подъем. Этот этап охватывает период глобализации и устойчивого экономического роста. Китай продолжает развиваться как мировая экономика с глубокой интеграцией в глобальные рынки. Началась политика «китайского чуда», где экономический рост стал приоритетом.

Имеет следующие особенности. Социальная сфера: улучшение социальной защиты путём введения пенсионной системы и программы медицинского страхования в 1990-х и 2000-х годах; в образовании и здравоохранении расширился доступ к качественному образованию и медицинским услугам, что позволило повысить уровень жизни населения; реализация политики «таисинь» (新农村建设 – новое строительство в сельской местности) позволило улучшить условия жизни на селе и предотвратить стихийную внутреннюю миграцию в города. Экономическая сфера: приватизация и либерализация, проявляющаяся в дальнейшем расширении частного сектора и увеличении иностранных инвестиций, что обеспечило мощный экономический рост; вступление в ВТО в 2001 году открыло внутренний рынок для зарубежных компаний, что способствовало экономическому росту и интеграции в глобальную экономику. Идеологическая сфера: укрепление власти привело к повышению политической стабильности, а экономическое развитие позволило усилить контроля над гражданским обществом без риска для социальной стабильности; продвижение патриотизма и традиционной китайской культуры было направлено на формирование национальной идентичности и социалистического духа, что подпитывало легитимность власти; принятие

концепции «научного развития», провозглашавшей ориентацию на стабильный экономический рост, безопасность, устойчивое развитие и минимизацию социальных конфликтов. Состояние социальной стабильности: устойчивый рост ВВП создал новый средний класс и улучшил уровень жизни, что способствовало укреплению социальной стабильности; при этом увеличение социально-экономического неравенства и межрегиональной дифференциации вызывает социальное напряжение и недовольство, а проблемы с доступом к образованию и медицинским услугам усиливают социальное расслоение; рост гражданского сознания и интереса к правам человека, экологическим проблемам и другим вопросам приводит к увеличению протестной активности, хотя государство продолжает эффективно контролировать эти движения; возникшее было социальное недовольство против чрезмерным карантинных мер в период пандемии быстро снимались гибким своевременным государственным управлением и исчезли после отмены пандемии и снятия ограничений на передвижения; расширение киберпространства, цифровизация и развитие социальных сетей создают новые возможности для общения и взаимодействия, что может, как поддерживать стабильность, так и вызывать новые социальные волнения.

Каждый из трёх этапов развития Китая оказывал значительное влияние на уровень социальной стабильности. Первые два периода отличаются высокой социальной напряженностью в результате идеологических и экономических изменений, тогда как современный этап проявляет как позитивные аспекты экономического роста, так и вызовы, связанные с неравенством и новыми формами социального протеста. На каждом из трёх этапов возникали новые факторы (уровень образования, миграция и т. п.), которые также влияли на стабильность и требуют дальнейших исследований.

Таким образом, к основным факторам социальной стабильности относятся: уровень экономического роста, социальная справедливость и равномерность распределения общественных благ, доступность общественных благ, качество государственного управления, устойчивая

культурная идентичность, политическая легитимность, развитость социальных инфраструктуры и институтов, свобода созидательного и общественно полезного волеизъявления, миграционный контроль, состояние природы, безопасность.

Остановимся на каждом из обозначенных этапов подробнее

Первый этап – 1949-1979 – начальный, создание советской модели. Этот период характеризуется строительством нового государства, формированием государственных структур и институтов власти и управления. Основным вектором деятельности КПК и правительства КНР стала реанимация всех сфер жизнедеятельности государства и общества. Впервые в истории страны был широкомасштабно использован опыт зарубежных стран, в частности СССР. Вместе с тем, развитие страны в этот период было осложнено рядом политических решений, которые привели к негативным результатам. В историю этот период вошел как эпоха политики так называемого «Большого скачка», а так же «Культурной революции».

Политика преобразований охарактеризована известным китайским политиком Дэн Сяопином: «...исторический опыт зигзагообразного развития китайской демократической революции за 20 с лишним лет, в котором были как взлеты, так и падения ...»⁹³, «...скачок – консерватизм – большой скачок.»⁹⁴.

1950-1957 – восстановление народного хозяйства. На данном этапе приоритетными стали два направления: развитие государственного сектора в промышленности и кооперативное движение в сельском хозяйстве. В начале 1951 году КПК во главе с Мао Цзедунем предложила курс экономического развития получивший название «политика Большого скачка» основу которого составила поддержка государственного экономического сектора, что привело к увеличению объемов производства китайской промышленности более чем в

⁹³ Дэн, Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Сяопин Дэн – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – С. 5.

⁹⁴ Тезис о «седлообразном развитии» был выдвинут на 1й сессии VIII съезда КПК.

половину (57%) по сравнению с 1945 годом⁹⁵. В данный период как в городском так и в сельском секторе наблюдается заметный скачок в кооперативном движении. К концу 1956 г. 96,3% сельского населения превратилось в кооператоров. Аналогичная ситуация наблюдалась в мануфактурном и торговом секторе.

Главной задачей этого периода также являлось снижение роли частных отраслей производства, которые играли значительную роль в таких отраслях производства как металлургия, машиностроение, сталелитейное производство. В 1950-1952 гг. ознаменовались полной национализацией земли, произошедшей в ходе аграрной реформы, проводимой в данный исторический период.

Итоги первого пятилетия были значительны: сельское хозяйство увеличивалось на 14,1% в год, промышленность – на 40,7% в год.

Следующим шагом КПК и Правительства КНР стал курс на индустриализацию страны. Этот курс был закреплён в первом пятилетнем плане (1953-1957 гг.): строительство 156 крупнейших объектов (с помощью СССР), 694 крупных и средних предприятий; ускорить создание сельскохозяйственных и ремесленных кооперативов; создать условия для развития в промышленности (которая была к этому времени национализирована) государственного капитализма.

К концу пятилетки, в октябре 1955 года, партия объявляет о необходимости всеобщей социалистической трансформации и к концу 1956 года частные предприятия стали государственными.

Политика восстановления народного хозяйства, которая сопровождалась «зигзагами» породила хаос, так как осуществлялась без учета условий развития экономики. Установление принципов эгалитаризм имело не только положительный, но и отрицательный эффект. Например, в области распределение равенство привело к нарушениям ответственности, а также

⁹⁵ Селищев, А. С. Китайская экономика в XXI веке / А.С. Селищев, Н.А. Селищев – СПб: Изд-во Питер, 2004. Электронный ресурс: <https://economy-ru.com/mirovaya-ekonomika-uchebnik/vosstanovlenie-poslevoennoy-ekonomiki-1949-49582.html>.

снизило мотивацию и заинтересованность в труде. В сфере кооперативного движения последствия также имели негативный характер. Прежде всего, создание кооперативов шло в область их укрупнения (гигантомания), что делало их малоуправляемыми. Кроме того, кооперативы не имели права выбора на производственную деятельность. Партией устанавливались направления деятельности, что в значительной степени снизили заинтересованность в труде. Полностью были разрушены рыночные отношения. Эта ситуация ухудшилась в 1958 году, когда был взят курс на укрупнение кооперативов и создание коммун (в среднем в одну коммуну входило порядка 30 кооперативов). К концу 1958 года 98% крестьянских хозяйств были охвачены коммунами. Также коммуны осуществляли и промышленную деятельность торговлю, образование и военное дело.

В целом политика «Большого скачка» привела к жесткому кризису всех отраслей народного хозяйства. Уже в 1960 году страна столкнулась с голодом, падением производства, диспропорцией между накоплением и потреблением, диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством, дисбалансом между доходами и расходами населения, падением уровня жизни. Летом 1960 года КПК во главе с Мао Цзэдуном озвучили программу «упорядочения» китайской экономики (рисунок 7).

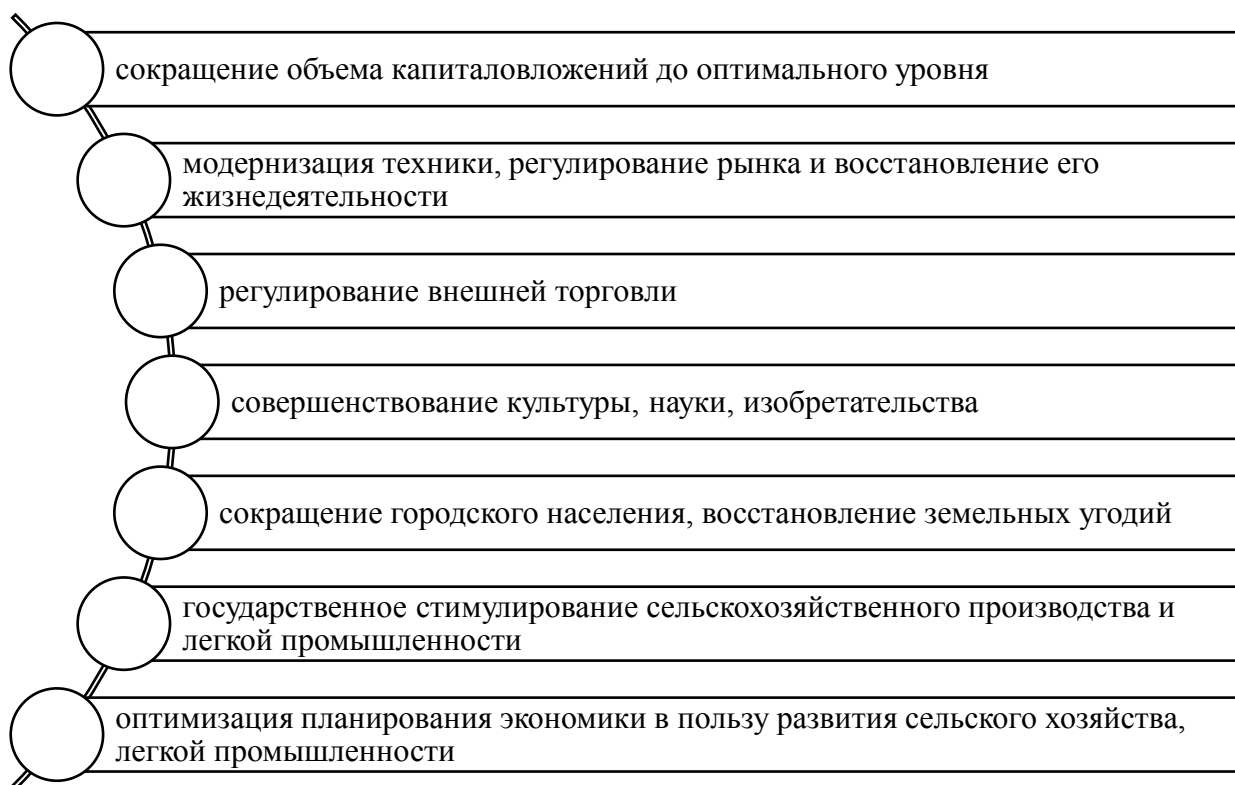

Рисунок 7 – Основные элементы программы «упорядочивания» китайской экономики.⁹⁶

Данный политический курс дал свои результаты, в том числе рост промышленного производства (например, в легкой промышленности составил 21,2%, в тяжелой – 14,9%, в сельском хозяйстве – 11,1%). Соответственно, ВВП с 1958 года по 1965 год вырос с 102,8 до 171,61 млрд. юаней.

Положительный результат осложнился начавшейся «Великой культурной революцией».

«Великая культурная революция» – это один из самых сложных периодов становления социальной стабильности в стране. Он начался в 1966 году и характеризуется выявлением и репрессиями тех, кто не согласен с идеями марксизма. Данный период продлился около десяти лет. Рассуждая о том что привело к этому периоду необходимо выделить следующие моменты.

⁹⁶ Селищев, А. С. Китайская экономика в XXI веке / А.С. Селищев, Н.А. Селищев. – СПб: Изд-во Питер, 2004. Электронный ресурс: <https://economy-ru.com/mirovaya-ekonomika-uchebnik/vosstanovlenie-poslevoennoy-ekonomiki-1949-49582.html>.

Во-первых, это серия антикоммунистических движений в странах «социалистического блока», которые начались после смерти И. В. Сталина и последующего за ней развенчивание его культа. В частности, в СССР началась мощнейшая идеологическая компания, инициированная в КПСС, отправной точкой которой стал доклад советского лидера Никиты Хрущева на двадцатом съезде компартии. В этом докладе были подвергнуты критике репрессии 1930-х и 1950-х г. Доклад Н. С. Хрущева и последовавшие за ним аресты ведущих сторонников Сталина (Л. П. Берии, В. С. Абакумова и др.), освобождение репрессированных стали потрясением не только для жителей Советского Союза, но и имел серьезные последствия для «стран социалистического лагеря». Критика в адрес И. В. Сталина трансформировала всю идеологию коммунизма и потрясла основы массового сознания как советских людей, так и компартий Запада, руководства социалистических стран. Через сравнительно короткий срок в ряде социалистических стран начались антикоммунистические выступления – в Венгрии в 1953-1955 годах, в Польше в 1954-1955 годах, которые подавлялись как политическими, так и силовыми методами. Эти события также нашли отклик и в КНР. Тем более, что страна испытывала значительные трудности социально-экономического и политического характера после реформ «Большого скачка», которые вызвали негативную реакцию как среди населения, так и в среде партийных руководителей. Последнее стало второй причиной «Великой культурной революции». После провала «Большого скачка» в среде партийной элиты начался раскол. Элита практически разделилась на два лагеря. Один – сторонники Мао Цзедуна – поддерживали политику «Великого Кормчего», но часть партийных лидеров, представляющие так называемый «экономический блок» не только подвергали критике «зигзаги» политического курса, но и предлагали кардинально иное решение выхода из сложившегося кризиса. Среди активных членов «экономического блока» можно отметить Дэна Сяопина, Лю Шаоци. Среди военной элиты можно выделить Пэн Дэхуай, Сюй Сянцзянь, Чжу Дэ и других, которые представляли реальную политическую

силу. Мао Цзедун понимал, что может лишиться власти и инициировал идеологическую кампанию против «предателей марксизма», которая переросла в массовые политические репрессии, направленные не только против политических противников Мао Цзедуна, но и против интеллигенции (особенно в сфере культуры и образования), рядовых членов КПК и общественных организаций (КСМК, профсоюзов, пионерской организации и т. д.). По всей стране прокатилась волна жесточайших репрессий, в ходе которых было уничтожено более 100 миллионов китайских граждан⁹⁷, миллионы были репрессированы и находились в тюрьмах и ссылках. Всего репрессиям подверглось больше 5 миллионов человек⁹⁸. Репрессии, прежде всего, коснулись представители партийной элиты⁹⁹. По всей стране уничтожались памятники истории и культуры, художественная и научная литература, живопись, на смену которым формировался качественно новый менталитет, качественно новая государственная идеология – идеология полного доверия и покорности государственной власти¹⁰⁰.

Но, тем не менее, критика деятельности Мао Цзедуна и «банды четырех»¹⁰¹ изначально не носила столь острый характер, как например, осуждение И. В Сталина в СССР. Да, был суд над «бандой четырех» и их сподвижниками, но с течением времени оценка последствий «культурной революции» стали отодвигаться на второй план, а для обсуждения в обществе стали подниматься именно те проблемы, которые поднимал и пытался решить Мао Цзедун. Партия и правительства использовали тот колоссальный

⁹⁷ Культурная и кровавая революция в Китае: начало, причины, этапы и последствия. Электронный ресурс: <https://mychinaexpert.ru/kulturnaya-revoluciya-v-kitae/>

⁹⁸ В официальных документах, подготовленных к 6-м пленуму ЦК КПК 1981 года, говорится о 100 миллионах пострадавших за период «культурной революции», в том числе о 727 тысяч человек, которые стали жертвами жестоких судилищ или были доведенными до смерти.

⁹⁹ Стульников, Э. Ф. Характер развития Культурной революции и изменение социально-политической обстановки в КНР / Э.Ф. Стульников // Молодой ученый. – 2014. – №6. – С. 617-619. – URL <https://moluch.ru/archive/65/10709/> (дата обращения: 11.02.2018)

¹⁰⁰ Цит. по статье: 40 лет без Мао / Газета.ру, 09.09.2016. Электронный ресурс: https://www.gazeta.ru/science/ 2016/09/08_a_10184111.shtml#

¹⁰¹ «Банда четырех» (кит. trad. 四人幫) – официальное название группы ближайших сторонников Мао Цзедуна: Цзян Цин (жена Мао), Чжан Чунъюяо (писатель), Яо Вэньюань (литературный критик, зять Мао) и Ван Хунвэнь (политический деятель, провозглашенный Мао Цзедуну своим наследником), которые контролировали деятельность КПК и Правительства КНР в годы «Великой Культурной Революции».

опыт формирования и использования механизмов политической идеологии, которые «Великий Кормчий» смог поднять на такой уровень, что сплотил всю нацию в единое целое. В 1980-х годах один из руководителей КПК дал «Великому кормчему» Китая такую оценку, в которой оценил его вклад в развитие китайского государства и отметил что достоинств в период правления Мао Цзэдуна было гораздо больше нежели промахов¹⁰². Если говорить об оценке действий Мао Цзэдуна современными китайцами, то статистика показывает, что 70% современного населения КНР считает его действия правильными и только 30% осуждают его политику.

Второй этап – этап политики реформ (1979 – 1992). Цель политики реформ – социалистическая модернизация, подъем экономики КНР до уровня среднеразвитых стран и рост благосостояния граждан. Основной путь – это ускоренный экономический рост и качественное обновление всех сфер экономики на базе развития наукоемких технологий. Государственной основой политики реформ должен стать социалистический принцип, так как именно социализм обеспечивает консолидацию всех ресурсов страны, и, прежде всего, человеческих. Вместе с тем, главным лозунгом этого этапа стало высказывание Дэн Сяопина (1973 г.): «Не важно, какого кот цвета – черный он или белый. Хороший кот такой, который ловит мышей.... В реальной жизни не всё является классовой борьбой». Это определило качественно иной тренд нового курса – внедрение в экономику страны капиталистических практик хозяйствования, что в то же время не отменяло доминирование коммунистической идеологии.

Новая социально-экономическая парадигма развития КНР получила название «четырёх модернизаций». Она затрагивала армию, науку, сферу промышленности и сферу сельского хозяйства. Основные направления развития промышленности и сельского хозяйства представлены на рисунке 8.

¹⁰² Культурная и кровавая революция в Китае: начало, причины, этапы и последствия. Электронный ресурс: <https://mychinaexpert.ru/kulturnaya-revolyuciya-v-kitae/>.

Промышленное производство	Сельское хозяйство
• сокращение капиталовложений в тяжелую промышленность и за счет этого развитие легкой (особенно текстильной) промышленности; • сокращение капиталовложений в военную промышленность, расширение конверсионных программ, позволяющих обеспечить выпуск товаров массового и длительного пользования (холодильников, стиральных машин, телевизоров, велосипедов и т. п.).	• ликвидация коммун и передача земли крестьянам; • повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию; • переориентация машиностроения на производство сельскохозяйственного инвентаря, оборудования для ирригационных систем и т. п.

Рисунок 8 – Основные направления развития промышленности и сельского хозяйства.

На пленуме были сформулированы и такие важные реформы как: легализация коммерции; ограничение роли государственного планирования и централизованного регулирования в промышленности¹⁰³.

Одновременно с модернизацией народного хозяйства на пленуме был дан старт расширению несоциалистического сектора и формированию элементов рыночной экономики – стали создаваться частные предприятия, разрешена частная собственность, началось (хотя и с ограничениями) привлечение иностранных инвестиций и т.п.

Это повлекло значительные изменения как в промышленной сфере, так и в сельскохозяйственной области.

Значительные изменения и, соответственно, значительные трудности были при решении вопросов модернизации промышленности. Если в сельском хозяйстве расширение частного сектора и форм рыночного хозяйствования практически не встретило сложностей (о чем речь пойдет далее), то

¹⁰³ Например, директорам государственных предприятий было предоставлено право свободного определения цен на сверхплановую продукцию, право выпуска акций и свободных займов в целях расширения сверхпланового производства и т.п.

промышленность стала наиболее сложным участком модернизационных процессов. Эксперименты по внедрению новых методов хозяйствования продолжались с 1979 по 1984 и привели к значительным сокращениям сферы централизованного управления. Руководство конкретных предприятий получило полный карт-бланш как в планировании, так и в распоряжении фондами (кроме основных), определении штатной численности работников, их занятости, оплаты труда и форм стимулирования, а также свобода в продаже готовой продукции (предприятия получили право устанавливать цены на продукцию) и использовании прибыли. По сути, на предприятиях вводилась полная форма хозяйственного расчета. При этом сохранялась государственная собственность, но в области управления власть от партийных комитетов переходила непосредственно к директорам. Постепенно началось акционирование государственных предприятий.

Это стало наиболее показательным примером нового курса – переход идеолого-политических целей к целям экономическим.

Но одним из главных факторов кардинальных изменений стали реформа сельского хозяйства. Эта «модернизация» началась стихийно и, по сути, именно она инициировала тот вектор политики, который впоследствии получил название «социализма с китайской спецификой». В 1978 году в уезде Фэнъян провинции Аньхуэй члены крестьянской коммуны изменили порядок землепользования и, выйдя из коммуны, 21 крестьянское хозяйство провозгласило себя арендаторами земли (подворный подряд). Это была попытка спастись от голодной смерти, и она удалась. Сначала власти отнеслись с неодобрением к этому эксперименту, но эффективность такого вида хозяйствования вскоре их заинтересовала и уже в июне 1979 года местное, а затем и столичное руководство оценили новую систему и одобрили ее повсеместное введение.

Эти события имели значительный и во многом ключевой характер. Они не только обозначили вектор новой идеологии (!), но и показали ее эффективность. Важность частной формы производства и, самое главное,

частной инициативы и рыночных отношений даже на таком незначительном в масштабах страны уровне была очевидной. Кроме того, аналогичный опыт и его эффективность для подъема экономики всей страны уже был – НЭП СССР, благодаря которой молодая советская страна смогла выйти из коллапса первой мировой войны, революций, гражданской войны и интервенции. Также, руководство КПК помнило, что именно благодаря развитию и государственной поддержке частного производства молодая Китайская республика, как и СССР, смогла «урегулировать» последствия послевоенной разрухи, а затем сгладить последствия политики «Большого скачка» и «коммунизации» экономики.

Разрабатывая новую экономическую политику, ее идеолог Дэн Сяопин, с одной стороны, не строил догматичных долговременных планов, а использовал механизмы корректировки планов, причем корректировки мобильной и четко привязанной к реальности. Почти пять лет, с 1978 год по 1983 год, в стране проводились «мягкие» эксперименты – внедрялись различные методы хозяйствования. С другой стороны, именно в эти два десятилетия КНР практически был закрыт от внешнего мира. Лозунг «выжидать и не высовываться» и «скрывать свой потенциал» имел стратегическое значение, так как главной его целью была концентрация внутренних, и прежде всего, человеческих, ресурсов. Внешнее же влияние могло в данной ситуации сыграть крайне негативную роль. Вместе с тем, государство не отрицало необходимости привлечения внешних инвестиций. Но, иностранные инвесторы находились под плотным контролем государства.

Наиболее значительные процессы модернизации, как говорилось выше, происходили в сельском хозяйстве. Среди наиболее значимых можно выделить следующие:

- ликвидация коммун и раздел земли между хозяйствами;
- введение арендно-контрактной системы: хозяйство заключало контракт с руководителем производственной бригады (представитель

государства), платило налоги и продавало государству четко обозначенную часть урожая (излишки использовались по усмотрению хозяйства);

- свобода частной инициативы в плане выбора, что и как производить;
- повышение закупочных цен. В данном контексте необходимо отметить, что государство установило «планку мотивации» – закупочная цена повышалась с ростом сдачи сверхплановой продукции;
- введение элементов частно-рыночных отношений – найм рабочей силы, закупка с/х техники, разрешение наследственного владения и т.п.;
- уменьшение государственного контроля над частным предпринимательством.

Реализация поставленных задач внесли принципиальные изменения на потребительском рынке: увеличилось число экспортируемых потребительских товаров, снизился дефицит товаров, что привело к росту ВВП и в целом положительно повлияло на социально-экономическое положение страны в целом и населения в частности. Все это самым что ни на есть положительным образом отразилось на состоянии социальной стабильности.

В области показателей народного хозяйства можно выделить значительный рост во всех отраслях. Так, за период 1979-1984 гг. сельское хозяйство увеличилось на 90 млн. тонн, а доходы крестьянских хозяйств увеличились в 3 раза. Промышленность к середине 1980-х годов на только 50% находилась под государственным контролем, 50% составляли мелкие и средние частные предприятия, которые обеспечивали около 70 млн. человек рабочими местами, а общий прирост промышленного производства ежегодно увеличивался на более чем 10%.

Также необходимо отметить, что в значительной степени возросла материально-техническая база народного хозяйства. На прибыль от деятельности СЭЗ закупались новые технологии, разрабатывались и внедрялись собственные изобретения. В данном контексте, необходимо отметить, что развитие науки образования изначально рассматривалось как

стратегическая основа модернизационных реформ. Создание и развитие наукоемкое сектора во всех отраслях народного хозяйства КПК и Правительство КНР определило в число приоритетных направлений развития страны.

Все вышесказанное благоприятно отразилось на атмосфере социальной стабильности, которая все прочнее проникала в устройство китайского общества. Социальной стабильности способствовало увеличение уровня доверия населения к политической элите во главе с Дэн Сяопином и способствовало дальнейшему развитию страны.

Необходимо отметить, что реализация политики реформ проводилась гибкой и мобильной политикой КПК и Правительства КНР, которые, исходя из реальной практики, последовательно обозначали вектор нового курса (рисунок 9).

Рисунок 9 – Вектор нового курса реформирования китайского общества как путь к социальной стабильности.

Значимым моментом нового курса развития стал тезис Дэн Сяопина, который остался основополагающим практически на 30-летний период реформ – «выжидать и не высываться» и «скрывать свой потенциал». В соответствии с этим принципом страна развивала свою совокупную мощь, используя мощнейший внутренний потенциал – людей.

Третий этап – этап политики открытости и стабильности (1993 – по настоящее время). Старт данному этапу был подготовлен предыдущими десятилетиями. Уже в 1984 г. Дэн Сяопин обозначил необходимость политики открытости. В частности он сказал: «Нынешний мир – мир широких сношений. Китай в прошлом был отсталым именно из-за своей замкнутости. После образования КНР нас блокировали, но в известной мере мы и сами держались замкнуто... Опыт, накопленный за 30 с лишним лет, свидетельствует о том, что вести строительство при закрытых дверях нельзя – не добьешься развития»¹⁰⁴.

В плане проведения политики открытости также можно выделить два ключевых этапа. Первоначально, начиная с момента проведения политики реформ, КПК И Правительство КНР проводило которую можно обозначить как политика «привлечения», то есть политика «получения внешней помощи». Дэн Сяопин, подчеркнул, что для осуществления поступательного развития китайскому обществу необходима международная поддержка, а для этого китайское общество должно стать внешне открытым. Он заявил: «Политика открытости – это надежда Китая. Ни одна страна не может развиваться, изолировавшись от всего мира, не усиливая международные связи, не привлекая передовой опыт развитых стран, достижения передовой науки и техники и иностранный капитал... Только при условии внешней открытости можно полностью использовать рынок, международные и внутренние

¹⁰⁴ Дэн, Сяопин. Строительство социализма с ки-тайской спецификой. – М.: Наука, 1997. – С. 71.

ресурсы, улучшить распределение ресурсов, подтолкнуть научно-технический прогресс, повысить экономическую эффективность, ускорить развитие китайской экономики¹⁰⁵».

Успешно проводилась политика привлечения внешних инвестиций (о чем говорилось выше), что позволило последовательно расширить инвестиционные территории (СЭЗ). Если в 1979 году в результате «особой политики и гибких мер» СЭЗ охватывало только две провинции – Гуандун и Фуцзянь, то к 1992 году их было уже около 50¹⁰⁶.

Вместе с тем, этот период проведения политики открытости шло под лозунгом «выжидать и не высовываться» и «скрывать свой потенциал».

Изменения в политике открытости начинаю происходить во второй половине 1990-х годов. Этот этап можно условно назвать реализацией политики «выхода за границу». В данном контексте можно выделить две причины этих изменений. Во-первых, это значительный рост экономики КНР, а во-вторых, кардинальные изменения в геополитике, последовавшие после распада СССР. В этот период трансформировался вектор стратегии внешней политики КНР, главным аспектом которой стал экономический фактор, в рамках которого страна начала курс на улучшение отношений с западными странами. Этот курс во многом является прагматичным и главным вектором его является экспорт китайской продукции, выход предприятий КНР на мировой рынок и их активное участие в международной конкуренции. Практически все предприятия КНР ориентировали свое производство на международный рынок мощнейший прогресс китайской промышленности, что позволило в рамках стратегии «выхода за границу», создавать предприятия в других странах. Стремительно, практически за несколько лет, Китай превратился в мощную производственную державу, которую сегодня называют «мировой фабрикой», а многие отрасли китайского производства стали неотъемлемыми элементами глобальной экономики. В самой же КНР

¹⁰⁵ Политика внешней открытости Китая. Электронный ресурс: <http://xn7sbbgpkiaact2d2af7p.xnp1ai754.html>.

¹⁰⁶ Там же.

развитие экспортного производства повлекло мощнейшие трансформации отечественной промышленности. Создавались совместные предприятия, что, в свою очередь, разрушило промышленный монополизм и сегментацию производства. Если раньше между предприятиями практически не было конкуренции, был высокий уровень сегментации промышленности, когда конкретная компания отвечала за свой сегмент экспорта-импорта, то с расширением внешнеторговых связей начала расти и конкуренция, повлекшая оздоровление экономики. КПК и Правительство КНР мобильно реагировало на эти изменения. Были проведены реформы следующих направлений развития внутренней политики (рисунок 10) ¹⁰⁷.

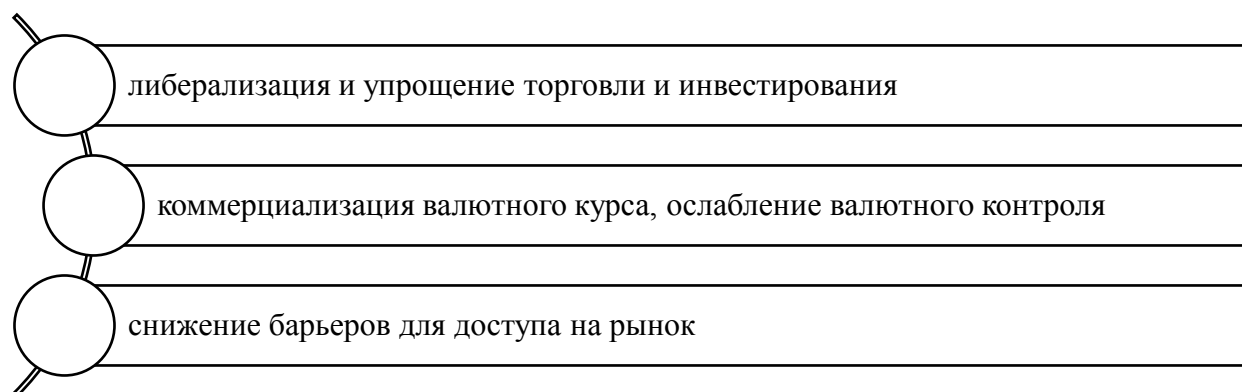

Рисунок 10 – Реформы внутренней политики.

Серия крупных реформ внутри страны, в частности, реформы возвратной экспортной пошлины, коммерциализации валютного курса, системы цен, НДС, Генеральное соглашение о тарифах и торговле, переговоры, а затем и вступление в 2001 году в ВТО, а также другие реформы, оказали глубокое и стратегически важное влияние.

Значимым шагом стало введение «национального режима» по отношению к иностранным компаниям, действующим на территории КНР. Независимо от того является ли иностранная компания совладельцем отечественного предприятия или выступает самостоятельным экономическим игроком на китайском рынке она получает национальный статус, то есть

¹⁰⁷ Чжоу, Сяочуань. Политика открытости в экономике Китая/Известия.iz. 05.07.2017. Электронный ресурс: <https://iz.ru/614964/chzhou-siaochuan/politika-otkrytosti-v-ekonomike-kitaia>

получает равные права и условия деятельности с отечественными предприятиями.

В этот период получило расширение научных, образовательных, культурных связей. В этой связи Дэн Сяопин заявил: «...Нынешний мир – мир широких сношений, Китай в прошлом был отсталым именно из-за своей замкнутости. После образования КНР нас блокировали, но в известной мере мы и сами держались замкнуто... Опыт, накопленный за 30 с лишним лет, свидетельствует о том, что вести строительство при закрытых дверях нельзя – не добьешься развития...»¹⁰⁸.

Председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «... КНР будет развиваться в новую эру социализма с китайской спецификой в соответствии с четырьмя основополагающими принципами – последовательными реформами, активными мерами по стимулированию развития, усилением открытости и оказанием содействия всему миру. Мы продолжим улучшать ситуацию в нашей стране путем реформ и преобразований, предпримем решительные шаги в области инноваций и развития, расширим рамки открытости и кооперации, и, наконец, будем сотрудничать с остальным миром, внося вклад в развитие всего человечества»¹⁰⁹.

В настоящее время Китай является одной из мощнейших мировых держав, а его население по собственным объективно-субъективным (социально-экономическим, социально-профессиональным, самоидентификационным) критериям проживает в социально стабильном государстве. В настоящий момент Китай представляет собой одну из ведущих военно-политических мировых держав (входит в глобальные политические организации по урегулированию политических конфликтов).

В настоящее время Китай является сверхдержавой, прежде всего, в глобальной экономике, что является закономерным продолжением его

¹⁰⁸ История Китая / Под редакцией А.В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 710 с.

¹⁰⁹ Си, Цзиньпин провозгласил четыре принципа национального развития КНР в новую эру/ТАСС. Информационное агентство России, 10.04.2018. Электронный ресурс: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5109125>

многотысячелетней истории международных торговых отношений; входит в такие объединения как G20, БРИКС, а название Шанхайской организации сотрудничества говорит само за себя; проект «Один пояс – один путь» вообще изначально является китайской инициативой. Вслед за глобальной экономической мощью Китая растут и его военные возможности, мощь которых способна обеспечить если не глобальное сдерживание, то как минимум региональную безопасность за счёт наличия ядерного оружия¹¹⁰ и бурного роста военно-морского флота. Политическое значение Китая в современном мире трудно переоценить, к слову его внешнеполитических деятелей всегда и везде прислушиваются – от Совета Безопасности ООН, где Китай обладает правом «вето» и является постоянным членом, до внешней политики любой страны мира, в каждой из которых китайцев имеются свои экономические интересы.

С приходом Дэна Сяопина в должность главы государства с конца 70-х гг. XX в. китайская экономика непрерывно растёт беспрецедентными темпами. Если по абсолютному значению денежного выражения валового внутреннего продукта Китай уже давно, с 2010 г. является второй экономикой на планете после США, то по паритету покупательной способности, т. е. с учётом уровня цен внутри страны, именно китайская экономика впереди планеты всей. Такое стало возможным благодаря сочетанию некогда дешёвой рабочей силы для производства товаров широкого потребления и открытости рынков стран всего мира для китайских товаров¹¹¹. Пик роста экономики Китаю ещё только предстоит достичь после 2035 года, когда и в абсолютном выражении она станет первой в мире. Дэн Сяопин¹¹², начав реформы Китая в 1978 г., делал ставку на экстенсивный рост экономики, который спустя в начале нового тысячелетия был сменён на интенсивный под руководством Ху

¹¹⁰ Хватик, Я. В. Политика открытости» как фактор успешных реформ и модернизации КНР / Научные труды республиканского института высшей школы, 2016, №15. – Минск: Изд-во: Государственное учреждение образования "Республиканский институт высшей школы", 2016. – С. 139.

¹¹¹ Вавилов Н.Н. Испытание лидерством для России и Китая / Н.Н. Вавилов, Е.О. Подолько // Вопросы филологии. – 2020. – №3. – С. 85-87.

¹¹² Дэн, Сяопин – гений мировой экономики / Siluxgc. Новое наблюдение шелкового пути. 12.08.2016. Электронный ресурс: <http://ru.siluxgc.com/html/R1651/201608/04613831079.shtml>.

Цзиньтао¹¹³. К настоящему времени Китай является мировым лидером не только в производстве почти всего спектра товаров, но и ежегодно подаёт самое большое количество международных патентных заявок на изобретения и научные открытия, а также является недостижимым мировым лидером в т. н. зелёной энергетике.

Выводы.

Все особенности становления социальной стабильности КНР в зависимости от влияния социальных реалий можно сгруппировать в три этапа, дифференцированные по социально-экономическому положению страны ее морально-идеологической составляющей, а также состоянию внутренней и внешней политики. Таки образом именно данные критерии играют доминирующую роль в социальной стабильности как китайского, так и любого государства и будут заложены в инструментарий эмпирического социологического исследования, проведенного в Китае (Жичжао) и России (Орел).

¹¹³ Шерчкова, А.В. Анализ динамики роста экономики Китая / А.В. Шерчкова. Сборник научных трудов. Выпуск 8. Под научной редакцией Е.Н. Макаренко. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет "РИНХ", 2022. – С. 125-129.

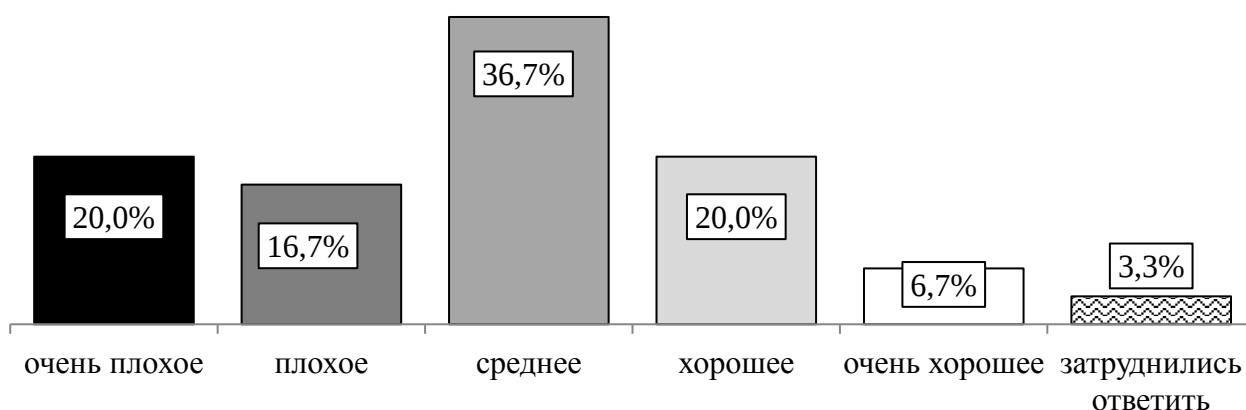
2.2. Количественно-качественный анализ социальной стабильности КНР на материалах города Жичжао

Проведение эмпирического социологического исследования актуализируется необходимостью рассмотрения социальной стабильности как основы социального развития, успешность которого измеряется удовлетворённостью населения уровнем, качеством и стандартами жизни.

Эмпирическую основу диссертационной работы составили результаты социологического исследования проведенного в мае-июне 2023 года в форме массового опроса населения городского округа Жичжао в восточно-китайской провинции Шаньдун на тему: «Социальная стабильность». Метод исследования – онлайн-анкетирование населения городского округа Жичжао. Выборочная совокупность – 1894 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается по полу, возрасту, сферам занятости. Средняя ошибка выборки не превышает 2,3%. В инструментарий исследования были заложены критерии выявленные на основе теоретического анализа в параграфе 2.1. – социально-экономическое положение, состояние внутренней и внешней политики, морально-идеологические составляющие. В рамках социологического исследования затрагивались такие темы, как оценка общего положения городского округа Жичжао, самооценка материального положения жителями, главные социальные проблемы, качество основных сфер жизнедеятельности.

Основная цель проведенного исследования заключается в эмпирическом подтверждении универсальности показателей удовлетворённости населения социально-экономическими и социально-политическими аспектами жизни в поддержании социальной стабильности

В начале исследования респондентам было предложено оценить положение собственной семьи (рисунок 9).

По шкале от 1 до 5, где 1 – очень плохое, 5 – очень хорошее, 6 – затруднились с ответом. Представлены удельные веса ответов в процентном выражении.

Рисунок 9 – Оценка материальное положение собственной семьи?, %.

На рисунке 9 продемонстрировано, что в зависимости от оценок собственного материального положения все население можно разделить на три группы. Так третья часть респондентов считают материальное положение средним (36,7%). В то же время настораживает тот факт, что доля населения, которые считают материальное положение хорошим (26,7%) ровно на десять процентов меньше тех, кто считает его плохим (36,7%). Еще более тревожно выглядит то, что доля тех, кто оценивает свое материальное положение как очень плохое более чем в три раза превышает тех, кто дает ему наивысшую оценку (20,0% и 6,7% соответственно).

В своей статье «Социальная стабильность провинциальных китайских городов» ее авторы Каира Ю.В. и Лю Ц. заявляют: «Развитость традиционных ценностей проявляется в семейственности китайцев с совместным проживанием более одного поколения. В связи с этим целесообразно конкретизировать показатель материального благополучия, расширив его на эмпирическом уровне до масштабов всей семьи в виде закрытого вопроса с порядковой вербализированной шкалой: "Какое высказывание о материально-

имущественном положении больше подходит для характеристики Вашей семьи?"...»¹¹⁴ (рисунок 10).

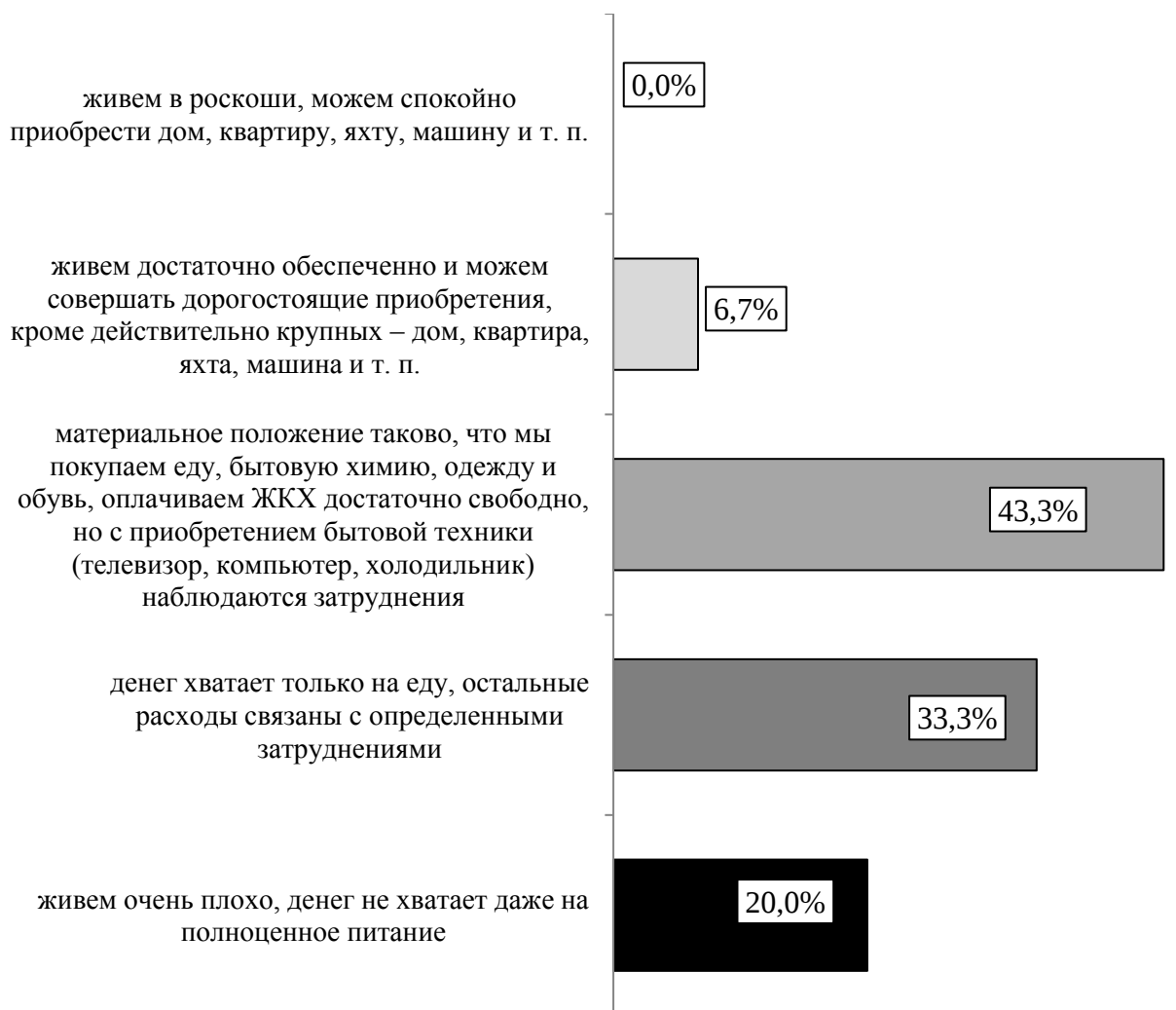

Рисунок 10 – Содержательное выражение самооценки материально-имущественного положения своих семей жителями г. Жичжао.

Каира Ю.В. и Лю Ц. подчеркивают: «...Ответы на данный вопрос коррелируют с предыдущими результатами. В то же время по данной шкале население можно разделить не на три, а на две примерно одинаковые в процентном отношении группы. Депривация некоторых базовых потребностей заметной доли семей в г. Жичжао проявляется при вербализации шкалы измерения материально-имущественного положения. Распределение ответов смещается в сторону нужды, однако и доля среднеобеспеченных семей увеличивается. Живущих в роскоши в г. Жичжао не выявлено, что

¹¹⁴ Каира, Ю. В. Социальная стабильность китайских провинций (на материалах города Жичжао) / Ю. В. Каира, Ц. Лю // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 115-130.

может свидетельствовать о межрегиональной внутрикитайской дифференциации по уровню благосостояния и о его сосредоточении в крупных административных, промышленных и финансовых многомиллионных городских агломерациях, как то Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь и других, к которым г. Жичжао не относится. В целом распределение данных ответов сходно с ответами респондентов Орловского региона, что свидетельствует о тождественности уровня жизни населения провинциальных городов Китая и России...»¹¹⁵.

Результаты ответа полностью коррелируют с вопросом, касающимся оценки состояния экономической сферы. В этом же вопросе респондентам было предложено оценить и состояние трех остальных сфер региона (рисунок 11)

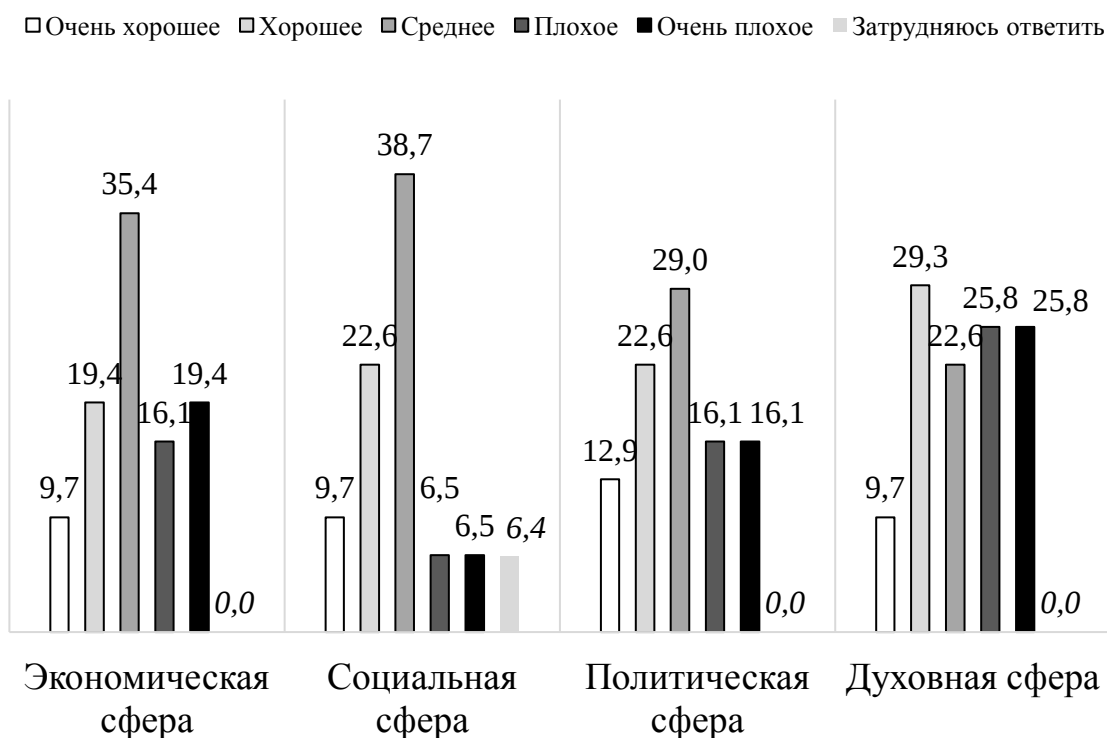

Рисунок 11 – Оценка нынешнего положения дел в городе Жичжао, %.

На рисунке отчетливо продемонстрировано, что наибольшую критику вызывает состояние духовной сферы. То, что половина респондентов дает ей негативную оценку связано в первую очередь с несоблюдением обычаев и

¹¹⁵ Каира, Ю. В. Социальная стабильность китайских провинций (на материалах города Жичжао) / Ю. В. Каира, Ц. Лю // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 115-130.

отходов от традиционных ценностей китайского общества, которые так важны для менталитета китайского народа.

Хотя политическую сферу и негативно оценивают треть респондентов (32,2%), они уходят от прямой критики конкретных политических лидеров и дальнейшего обсуждения данной проблематике (например, во время проведения онлайн фокус группы с населением г. Жичжао).

В то же время по суммарным оценкам респондентами оценивается социальная сфера, где средневзвешенная по пятибалльной шкале составила 2,86, тогда как экономическая и духовная получили 3,16, а политическая 3,03 (рисунок 12).

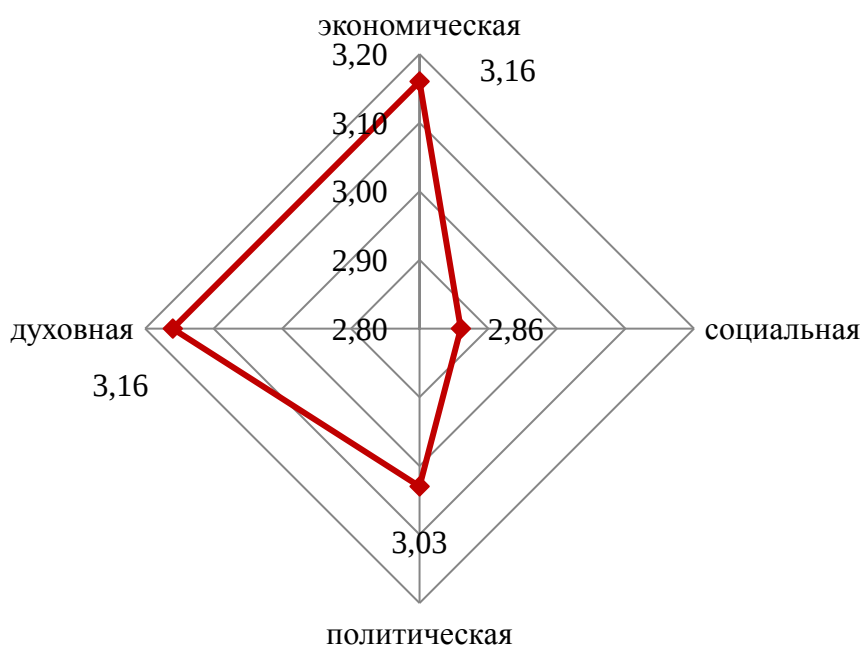

Рисунок 12 – Средневзвешенная оценка состояния основных сфер общественной жизни г. Жичжао.

Такая низкая оценка социальной сферы связана с недостаточно развитой инфраструктурой города, которая только начинает свое становление. Большой проблемой является отсутствие возможности получения качественного образования (особенно высшего), что является выталкивающим фактором для молодежи региона

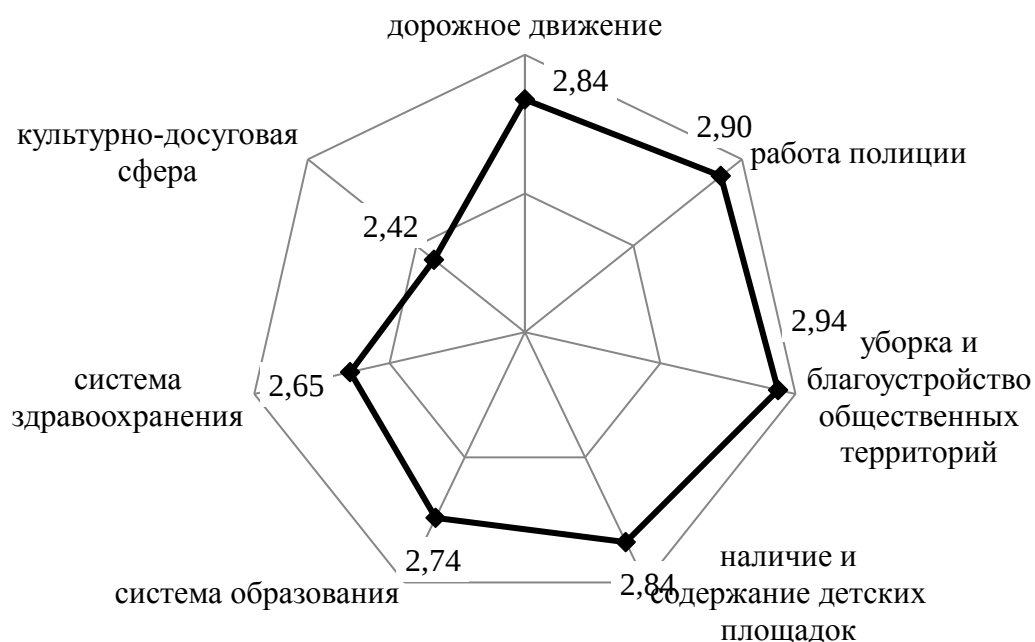
Более подробная оценка состояния отдельных составляющих данных сфер представлена на рисунке 13.

Рисунок 13 – Оценка качество основных сфер жизнедеятельности в городе Жичжао. Оценка проводилась по пятибалльной шкале, где 1 – низшая оценка, 5 – наивысшая , в % по строке.

Результаты, представленные на рисунке, также коррелируют с предыдущими ответами: более половины респондентов дают негативные оценки культурно-досуговой сфере (51,8%), около половины населения недовольны состоянием сферы здравоохранения (42,2%) что во многом связано с отсутствием бесплатных медицинских услуг, даже касаясь оказания экстренной помощи, третья часть недовольно существующей системой образования (31,7%) о чем говорилось выше.

Средневзвешенные оценки респондентов представлены на рисунке 14.

*По шкале от 1 до 5, где 1 – очень плохо, 5 – очень хорошо.
Представлены средние значения.*

Рисунок 14 – Средневзвешенные оценки качества основных сфер жизнедеятельности в г. Жичжао.

В своей статье по данным проведенного исследования Каир Ю.В. и Лю Ц. пишут: «Судя по ответам на вопрос о качестве основных сфер жизнедеятельности жители г. Жичжао оценивают их выше среднего уровня за исключением культурно-досуговой сферы. Не намного выше среднего оценка системы здравоохранения, что соответствует ранее выделенным социальным проблемам. Относительно высокие оценки состоянию мест развлечения и развития детей на открытом воздухе свидетельствует о понимании властями важности заботы о подрастающем поколении и о понимании важности детей для самих родителей. Различия в оценках сфер непосредственной социальной жизни в городе показывают достижения и перспективы усиления социально-политического фактора социальной стабильности. Родители, видящие заботу о своих детях со стороны властей, более уверены в их будущем и более преданны государству, что непосредственно проявляется в социально-

политической поддержке и укрепляет социальную стабильность. Наряду с системой здравоохранения, наиболее актуальной для пожилых жителей города, для подрастающего поколения важна системы образования, недостаточная развитость которой является большой "ложкой дёгтя в бочке мёда" социального благополучия провинциальных китайских городов, не только Жичжао...»¹¹⁶.

Оценки респондентов качества сфер жизнедеятельности непосредственно связаны с их собственной жизнью, которая протекает в этих сферах. Достаточное количества негатива, которое было получено в ходе ответов на приведенный выше вопрос, обусловило актуальность выявления конкретных проблем, с которыми сталкиваются китайцы в их повседневной жизни (рисунок 15).

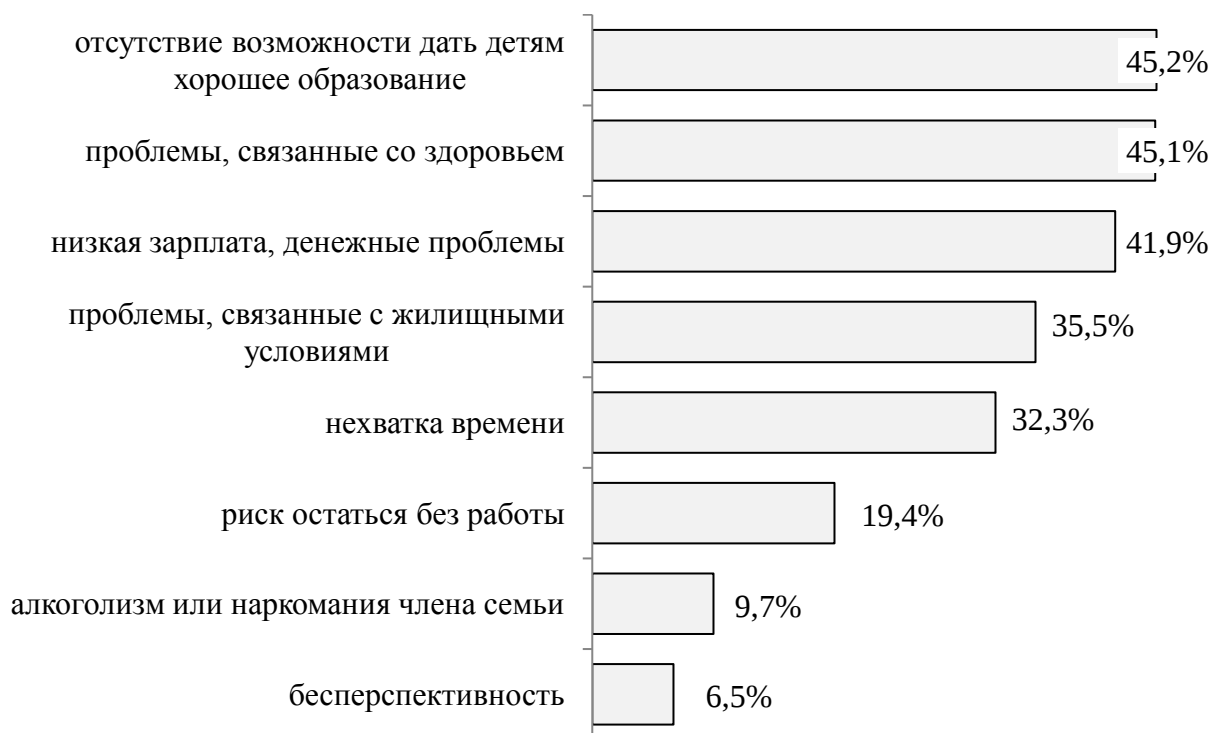

Рисунок 15 – Проблемы в наибольшей степени, осложняющие вашу повседневность, %.

¹¹⁶ Каира, Ю.В. Социальная стабильность китайских провинций (на материалах города Жичжао) / Ю.В. Каира, Ц. Лю // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 115-130.

Каждого второго жителя китайских провинций волнуют вопросы образования и здравоохранения (45,2% и 45,1% соответственно). Как уже говорилось отсутствие возможности дать детям полноценное образование, особенно, что касается его высших ступеней, затрагивает практически всех жителей Жичжао. Достаточно тревожным выглядит тот факт, что при отсутствии материальных средств китайцы могут остаться даже без экстренной скорой помощи, а возможность лечения каких-то более серьёзных заболеваний, если у тебя нет для этого значительных материальных средств, практически отсутствует. Неудивительно, что следующие проблемы, которые выделили респонденты, являются материально-имущественные (41,9% и 35,5% соответственно). Каждого пятого китайца (19,4%) волнует потеря работы, что не удивительно при значительной численности населения и высокой степени технологизации и модернизации производства, которое делает его автоматизируемым и сокращает число необходимых рабочих мест на большинстве производственных предприятий. Достаточно необычной для азиатского менталитета является проблема алкоголизма. К сожалению, алкоголизм члена семьи осложняет жизнь десятой части китайского населения проживающего в провинциальных городах (9,7%).

В завершении опроса респондентам было предложено выбрать какие жизненные трудности, которые имеются у населения должны быть решены именно на государственном уровне в первую очередь. Данные проблемы имеют глобальный масштаб и непосредственно влияют на социальную стабильность (рисунок 16).

Рисунок 16 – Проблемы, которые должны решиться на государственном уровне в первую очередь (*допускалось несколько вариантов ответа*), %.

Каждый второй респондент считает, что и социальную стабильность в первую очередь влияют низкое качество жизни населения, инфляция и рост цен (48,4% и 45,2% соответственно), а около трети населения полагают, что это проблемы экономического характера – 35,5%. Из этого можно сделать вывод, что состояние социально-экономической сферы является первостепенным залогом социальной стабильности. По мнению каждого третьего (33,5%) респондента именно на государственном уровне должны

решаться экологические проблемы. Неудивительно, ведь Китай долгое время являлся мировым лидером по численности населения. А сейчас находится на втором месте. При этом территория государства хотя и является большой по площади но недостаточной для того числа проживающих на ней граждан. Высокая численность и высокая плотность населения несет в себе множество экологических проблем, которые также требуют государственного регулирования. Все вышеперечисленные проблемы китайцы считают первостепенными для централизованного государственного регулирования, отчетливо понимая, что они первую очередь являются залогом социальной стабильности, которая так необходима любому обществу. Поэтому проблемы, которые в первую очередь волнуют лично каждого китайца, такие как образование и медицина они по важности для решения на государственном уровне относят лишь к третьей группе (32,3% и 29,0% соответственно).

Состояние общественной морали китайцы как уже говорилось выше, относят к общенациональным проблемам, которые требуют решения на высшем уровне, в то время как проблему алкоголизма которая лично касается каждой десятой китайской семьи они не считают достойной первостепенного государственного вмешательства. Как таковой о ней заявляет лишь 2,2% респондентов.

Для более полного понимания социальной стабильности в исследуемом регионе автор проводит анализ сопряженности ответов респондентов в зависимости от пола по следующим вопросам. Анализ сопряженности показал, что китайские мужчины более категоричны в своих оценках чем женщины. В оценках всех основных сфер жизнедеятельности женщины избегали крайне негативных или напротив крайне позитивных вариантов ответа, давая усредненные оценки. Поэтому для сравнения результаты были усреднены до «позитивных», «нейтральных» и «негативных» оценок (таблица 3).

Таблица 3 – Сопряженность по полу результатов ответов связанных с оценкой основных сфер общественной жизни региона, %.

Варианты ответов	Пол	
	Мужской	Женский
Экономическая сфера	100,0	100,0
Позитивные	42,9	20,0
Нейтральные	28,6	50,0
Негативные	28,5	30,0
Социальная сфера	100,0	100,0
Позитивные	28,5	10,0
Нейтральные	42,9	50,0
Негативные	28,6	40,0
Политическая сфера	100,0	100,0
Позитивные	42,8	20,0
Нейтральные	23,8	40,0
Негативные	33,4	40,0
Духовная сфера	100,0	100,0
Позитивные	42,8	0,0
Нейтральные	38,1	60,0
Негативные	19,1	40,0

Как следует из данных представленных в таблице 3, наибольшие различия между мужчинами и женщинами выявлены в оценках ими состояния экономической и духовной сфер общества: мужские оценки гораздо позитивнее женских. Наименьшие различия выявлены в оценках состояния политической сферы. Что же касается социальной сферы, то женские оценки заметно негативнее мужских. Единства мужчин и женщин в их оценках практически любой из сфер общества не выявлено, что показывает половую детерминированность оценок, склонную к их поляризации.

Косвенно это может свидетельствовать о наличии полового неравенства в обществе, что негативно сказывается на социальной стабильности.

Следующий вопрос касался проблем, которые требуют первоочередно решения со стороны региональной власти в первую очередь (таблица 4).

Таблица 4 – Сопряженность по полу ответов респондентов, связанных с проблемами, которые руководство региона должно решать в первую очередь, % (все проблемы приведены к 100%)

Варианты ответов	Пол	
	Мужской	Женский
Бюрократия и коррумпированность	0,0	4,0
Проблемы в сфере медицины и здравоохранения	6,4	10,0
Проблемы в сфере науки и культуры	0,0	6,0
Состояние общественной морали и нравственности	1,6	7,0
Демографический кризис	0,0	0,0
Межнациональные конфликты	0,0	2,0
Алкоголизация населения	0,0	2,0
Наркомания	0,0	0,0
Нехватка рабочих мест	3,2	10,0
Проблемы экономического характера	13,8	4,0
Качество жизни населения	13,8	11,0
Положение на международной арене	0,0	2,0
Жилищная проблема	3,2	6,0
Инфляция, рост цен на товары и услуги	13,2	10,0
Рост преступности	1,6	0,0
Проблемы в сфере образования	9,2	7,0
Проблемы в сельском хозяйстве	0,0	0,0
Слабость, беспомощность государственной власти	0,0	0,0
Проблемы в сфере жилищно-коммунальных услуг	4,6	7,0
Пенсионное обеспечение и другие социальные выплаты	10,8	0,0
Ослабление боеспособности армии и флота	3,2	0,0
Проблемы экологии	13,8	4,0
Покушение на свободу	1,6	0,0
Другое	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0

Из анализа результатов, представленных в таблице сопряженности 4 можно сделать вывод, что существует ряд проблем, который волнует всех респондентов независимо от их половой принадлежности, среди них можно выделить качество жизни населения, инфляция, рост цен на товары и услуги, проблемы в сфере образования. Есть же проблемы, в решении которых женщины заинтересованы значительно больше, чем мужчины. В первую очередь в данной связи следует отметить проблемы духовной сферы, такие как проблемы в сфере науки и культуры на важность решения которых обратило 6,0 женщин и ни одного мужчины. Состояние общественной морали и нравственности волнует женщин в пять раз чаще чем мужчин (7% и 1,6%

соответственно). Почти в два раза больше женщин, чем мужчин волнует проблема сферы медицины и здравоохранения (10% и 6,4% соответственно). Это может быть связано с тем, что женщины не только имеют более слабое здоровье, но и больше переживают за здоровье своих близких (детей, родителей, родственников и т.п.). Необходимо отметить, что проблема нехватки рабочих мест в три раза злободневней для женщин, чем для мужчин (10% и 3,2% соответственно). Это говорит о том, что китайские работодатели предпочитают мужчин в качестве наемных работников.

В то же время есть ряд проблем, который заботит больше мужчин, чем женщин. Среди них проблемы, касающиеся социально-экономической сферы, которые волнует в три раза большее количество мужчин, нежели женщин (13,8% и 4% соответственно). К проблемам социально-экономической сферы можно отнести и проблемы, связанные с пенсионным обеспечением и другими социальными выплатами, которые, по мнению 10,6% мужчин региональные власти должны решать в первую очередь, женщины данные проблемы в качестве первостепенных не выделили.

Таким образом, можно сделать вывод, что женщины больше обеспокоены состоянием духовной сферы региона, а мужчины социально-экономической. Это должно учитываться руководством региона при составлении программ регионального развития.

Дифференциация в зависимости от пола ответов респондентов на вопрос о том, какие факторы наиболее негативно влияют на их качество жизни, представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Сопряженность по полу ответов респондентов на вопрос о том какие факторы наиболее негативно влияют на их качество жизни (*все проблемы приведены к 100%*)

Варианты ответов	Пол	
	Мужской	Женский
Низка зарплата, денежные проблемы	16,3	20,0
Риск остаться без работы	4,6	13,4
Проблемы, связанные со здоровьем	23,3	13,4
Проблемы, связанные с жилищными условиями	18,6	10,0
Отсутствие возможности дать детям хорошее образование	18,6	20,0
Алкоголизм члена семьи	0,0	10,0
Бесперспективность	0,0	6,6
Нехватка времени	18,6	6,6
Итого	100,0	100,0

Ответы на вопрос о проблемах, которые негативно влияют на их собственную жизнь коррелируют с ответами на вопрос о том какие проблемы руководство региона должно решать в первую очередь. Так проблемы, связанные с материальным положением семьи, а также с отсутствием возможности дать детям хорошее образование волнуют каждую пятую женщину и каждого шестого мужчину. Примечательно, что проблемы в сфере медицины, которые должны решаться на региональном уровне в первую очередь выделяют лишь 6% респондентов-мужчин, в то время то что на их собственную жизнь они оказывают первостепенное негативное влияние указывает каждый четвертый 23,3%. Это полностью соответствует предположению о том, что женщины отмечая проблемы в медицинской сфере подразумевали членов своей семьи, а не только себя лично. Китайские мужчины как, показало исследование, более эгоистичны, чем женщины. Еще один ответ, который полностью коррелирует с предыдущим вопросом – риск потери работы. Для китайских женщин он является также фактором, наиболее негативно влияющим на их жизнь. Достаточно большая часть респондентов-женщин отметила, что наиболее негативно на их жизнь влияет алкоголизм члена семьи. Из этого можно сделать вывод, что почти 10% китайских мужчин

злоупотребляют алкоголем. Данная проблема если ее оставить без внимания не решается сама собой, а напротив имеет тенденцию к усугублению. Таким образом, органам управления стоит учитывать необходимость популяризации здорового образа жизни и отказа от вредных привычек для обеспечения социальной стабильности.

Для более полного понимания социальной стабильности был проведен сравнительный анализ результатов исследования, проведенного в г. Жичжао с исследованием социальной стабильности проведенного по аналогичному инструментарию в г. Орле.

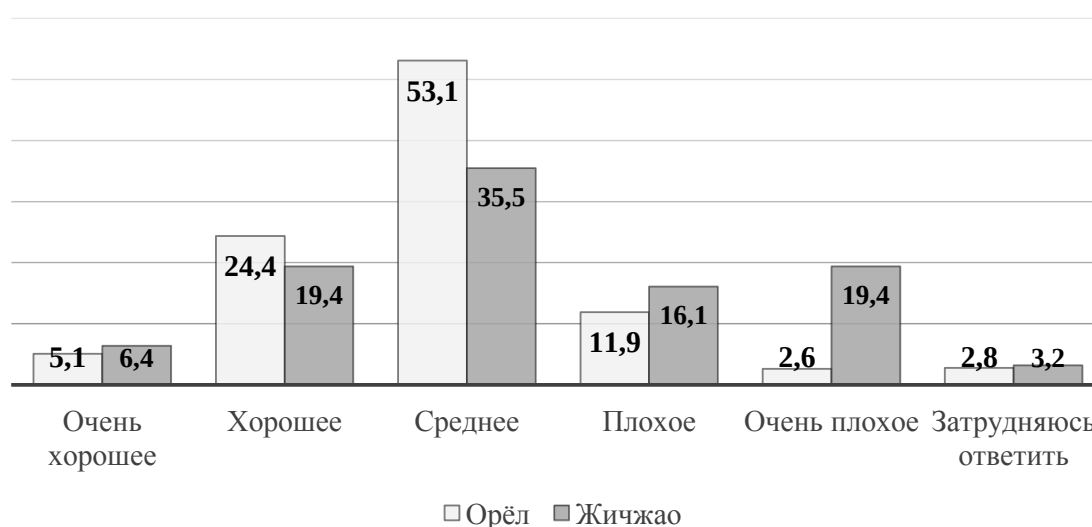
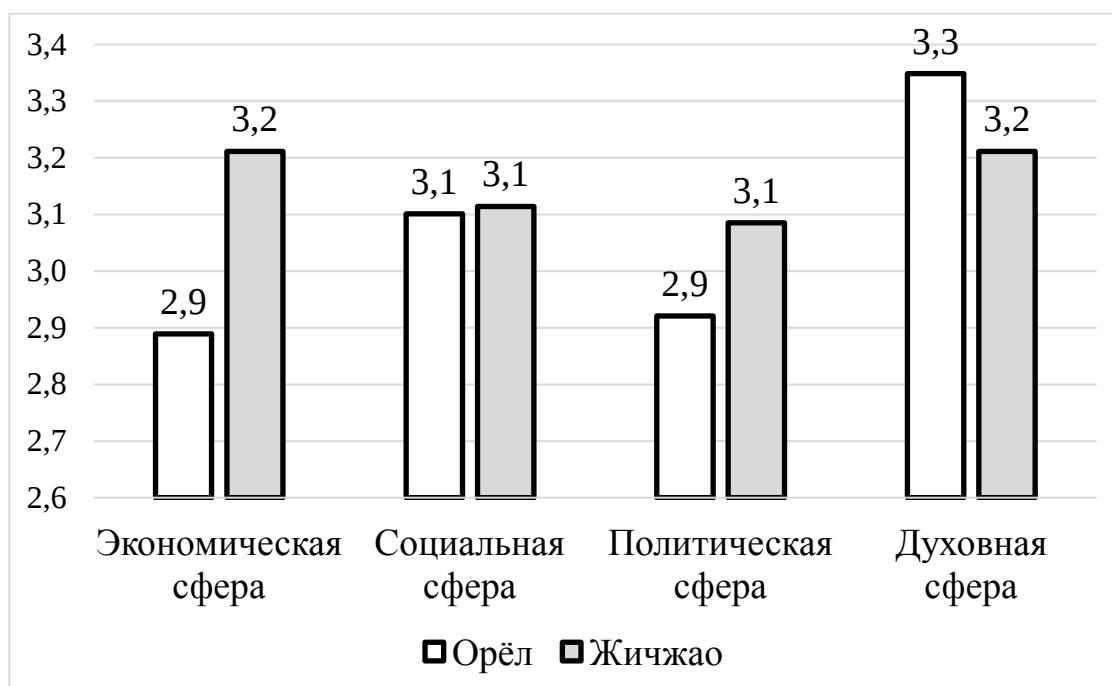

Рисунок 17 – Дифференциация ответов респондентов на вопрос о материальном положении семьи в зависимости от региона проживания (Орел, Жичжао), %.

Сравнительный анализ результатов ответов респондентов свидетельствует о том, что население города Орел, более оптимистична в оценках собственного материального положения. Негативные оценки собственному материальному положению дает лишь 14,5% населения г. Орла. В то время как треть (35,5%) населения г. Жичжао оценивает свое материальное положение негативно. Причем каждый пятый респондент дает крайнюю негативную оценку (19,4%). Это не является прямым указанием на то, что жители г. Жичжао имеют материальный достаток ниже чем населения г. Орла. Это может свидетельствовать о том, что они считают его плохим на уровне возрастающего качества жизни китайского населения. К сожалению

депривация является одним из источников роста социальной напряженности¹¹⁷, что негативно сказывается на социальной стабильности.

Примечание: средняя оценка дана по 5-балльной шкале, где 1 – очень плохо, 5 – очень хорошо; вариант «Затрудняюсь ответить», составивший не более 3% выборки, из расчёта исключён.

Рисунок 18 – Оценка респондентами нынешнего положения дел в городе Орёл и в городе Жичжао в целом, %.

На рисунке продемонстрировано, что, несмотря на то, что значительная часть респондентов дает негативные оценки собственному материальному положению, социально-экономическая сфера оценивается ими более высоко чем жителями г. Орла. Это еще раз подтверждает выдвинутое предположение о том, что негативные оценки собственного материального положения обусловлены в большей степени депривацией, а не действительно низким материальным состоянием.

¹¹⁷ Социальная напряженность: факторы, состояние, тенденции: НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенко, Ю. В. Каира, Е. В. Колмогоров. – Орёл: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2022. – 216 с

Рисунок 19 – Сравнительный анализ проблем, которые на Ваш взгляд руководство страны и региона должно решать в первую очередь, Орел и Жичжао (допускалось несколько вариантов ответа), %.

На рисунке представлены наиболее важные общественные проблемы в российском городе Орёл и китайском городе Жичжао, отмеченные респондентами при множественном выборе ответов. Наиболее распространёнными проблемами в обоих городах оказались непосредственно

наблюдаемые социально-экономические обстоятельства в виде роста цен, а также интегральная характеристика – качество жизни. Если жителей Орла больше беспокоит состояние здравоохранения, то в Жичжао вперёд выходит проблема получения образования. Для китайского города кратно острее стоят проблемы экономического характера и экологии. При этом нехватка рабочих мест и социальное обеспечение одинаково умеренно беспокоят жителей обоих городов. Алкоголизм, наркомания и преступность почти на порядок актуальнее для российского города, чем для китайского, где острее стоят проблемы обеспечения жильём и состояния жилищно-коммунальной сферы. Проблемы обороноспособности, демографии и сельского хозяйства одинаково мало беспокоят жителей Орла и Жичжао. Однако в российском городе они, тем не менее, воспринимаются почти на порядок острее, чем в китайском, где их упоминаемость находится в пределах статистической погрешности.

Сравнительный анализ проблем в наибольшей степени, оказывающих негативное влияние на их жизнь жителей г. Орла и г. Жичжао представлен на рисунке 20.

Рисунок 20 –Дифференциация ответов респондентов на вопрос о факторах, в наибольшей степени, оказывающих негативное влияние на их жизнь» (Орел, Жичжао), %.

Подтверждает рассуждения автора о субъективности низких оценок материального положения респондентами г. Жичжао, тот факт, что данный фактор осложняет жизнь лишь каждому шестому респонденту (17,8%), в то время как в г. Орле на данный фактор указала третья часть населения (32,2%). Для жителей г. Жичжао в два раза актуальней, чем для орловчан являются проблемы связанные с жильем и образованием. Таким образом, именно на решение данных проблем должны быть направлены программы регионального развития для повышения социальной стабильности.

Наряду с количественными методами в исследовании использовались и качественные методы исследования, такие как фокус-группа на тему «Социальная стабильность». Руководители – Лю Ц., Каира Ю.В.: Модератор Юрий Каира. Консультант по особенностям интерпретации китайских терминов Цзюньцзе Лю. Исследование проводилось 07.05.2023, методом онлайн-фокус-группы. В состав фокус-группы вошли жители городского

округа Жичжао (7 человек). В опросе приняли участие семь человек, в возрасте от 21 до 34 лет, родившиеся и проживающие в г. Жичжао. Таким образом, данную фокус-группу можно считать молодежной, все ее представители имеют или получают высшее образование. То есть требование рандомности и в тоже время гомогенности участников при их рекрутировании было соблюдено.

В качестве первого вопроса на этапе «растопки льда» участникам было предложено представиться и сказать несколько слов о том, что они понимают под социальной стабильностью и каково их положение в социальной структуре города Жичжао. Участники ответили, что под социальной стабильностью они понимают состояние, когда все социальные сферы страны и региона развиваются поступательно, а также основные социальные институты функционируют слаженно и без сбоев.

Респонденты ответили, что это их родной город, что они его очень любят и считают хоть и «развивающимся» и «только набирающим свои обороты» но достаточно перспективным.

Следующий вопрос касался общей оценки положения дел в городе Жичжао. Ответы респондентов были достаточно оптимистичны.

«В Жичжао самые красивые пляжи и самые красивые прибрежные дороги в Китае. Хотя город невелик, он имеет высокий индекс счастья...»

В то же время участники отметили, что «Экономическое развитие Жичжао недостаточно всеобъемлющее. Из-за моря индустрия туризма развита относительно хорошо, но туризм сам по себе не может улучшить уровень всего города...»

Среди положительных моментов были отмечены, городскую инфраструктуру, чистоту улиц, красивую современную архитектуру, комфорт проживания: «Жичжао очень хороший город, городская инфраструктура здесь полная, улицы чистые, побережье очень красиво застроено, жить здесь очень комфортно...»; вкусные и свежие морепродукты: «Жичжао очень красивый город, где можно полакомиться свежайшими морепродуктами,

правда цена на них не низкая, но вкус очень хороший...»; красивые природные ландшафты: «Жичжао – маленький и средний город, здесь очень комфортно и радостно жить, здесь есть и моря, и горы, это город, пригодный для жизни»

Среди минусов (которых было отмечено значительно меньше) респонденты выделили слабость экономики: «Жичжао – красивый туристический город, но его экономика слаборазвита, потому что туризм привел к росту местных цен, но уровень заработной платы не увеличился, поэтому жизнь в Жичжао оказывает определенное давление на экономику...»; недостаточно отлаженную работу служб по уборке города: «Жичжао – красивый туристический город, его репутация растет, и все больше и больше туристов приезжает путешествовать, но различные службы города не поспевают за ним, в результате чего в городе невозможно поддерживать чистоту...».

Следующий вопрос касался социальной стабильности, и все респонденты единодушно отметили, что Жичжао можно назвать достаточно стабильным провинциальным китайским городом. Соответственно следующий вопрос, который задал модератор, касался критериев, по которым участники фокус группы решили, что Жичжао является социально стабильным городом.

Участники единодушно отметили прекрасные природно-климатические условия, которые делают Жичжао комфортабельным и социально привлекательным курортным городом: «Пейзаж в Жичжао очень хорош, там очень красивое море, и это туристическая достопримечательность...»; «Солнечный воздух очень хороший, климат тоже очень хороший, жить здесь очень комфортно...»; «Экология в Жичжао очень хорошая, а темп жизни здесь небыстрый, что позволяет людям наслаждаться жизнью...»; «Помимо моря, в Жичжао есть еще и горы, и пейзажи гор тоже очень красивые. Жить в таком городе с горами и морем

очень комфортно...»; «...Жители Жичжао очень гостеприимны, в Жичжао красивое море и есть несколько интересных морских видов спорта...»

Так же была отмечена промышленность города и соответственно имеющиеся рабочие места: «Жить в Жичжао относительно комфортно, Жичжао богат местной промышленностью, здесь можно попробовать вкусный чай...».

Как в любом курортном городе отдыхающие интересуются возможностью попробовать местные деликатесы и в Жичжао такими деликатесами являются морепродукты: «Морепродукты в Жичжао очень свежие, их много видов, и они очень вкусные...»

Тем не менее как у любого города в Жичжао имеются и свои проблемы: «...У Жичжао нет удобной высокоскоростной железной дороги, что очень неудобно для посещения других городов»; «...У Жичжао нет богатых источников дохода, и он надеется провести некоторую политику по привлечению инвестиций для увеличения источников дохода»; «...хотя Жичжао – красивое Город-побережье, в нем также есть угольный терминал, который будет производить определенное количество загрязнения и его надо хорошо контролировать загрязнение...».

Участников фокус-группы попросили оценить по пятибалльной системе состояние основных сфер жизнедеятельности, чтобы эти результаты можно было сравнить с результатами количественного опроса.

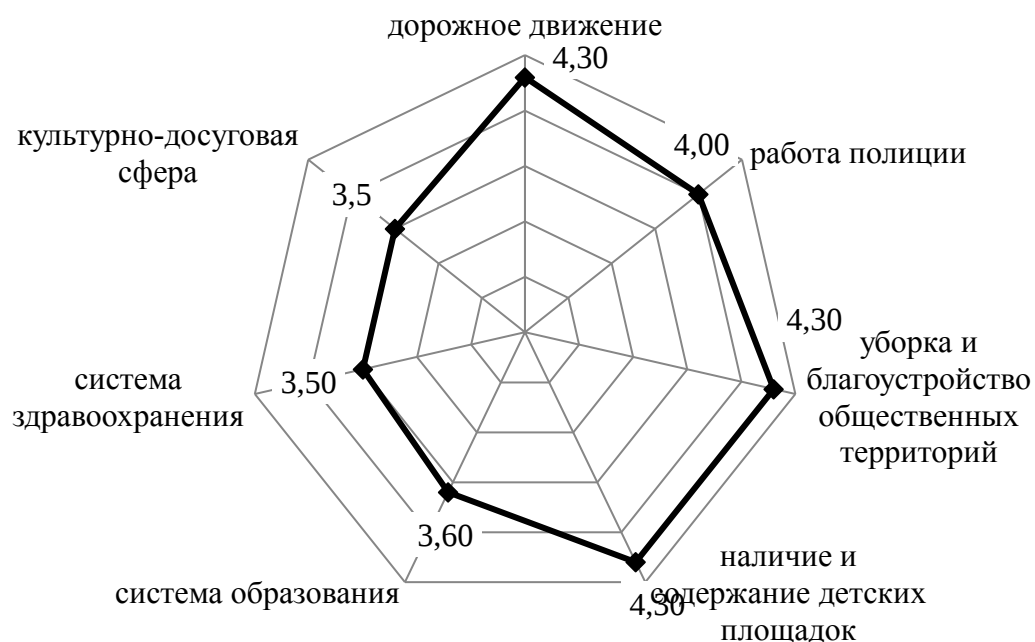

Рисунок 21 – Средневзвешенные оценки участников фокус-группы качества основных сфер жизнедеятельности в г. Жичжао.

Как видно из результатов, представленных на рисунке 21 оценки участников фокус-группы значительно выше, чем участников количественного опроса. Это объясняется тем что участвовать в личных беседах всегда соглашаются более оптимистичные люди, в состав фокус-группы вошли молодые люди имеющие высшее образования, а их жизненная позиция всегда более жизнеутверждающая и атмосфера фокус-группы всегда достаточно благоприятная, что способствует повышению субъективных оценок ее участников. В то же время тенденция, наметившаяся при количественном опросе, осталась неизменной.

В следующей части фокус-группы участникам предлагалось подумать и методом «мозгового штурма» предложить направления, которые бы способствовали развитию города и социальной стабильности.

«Надеемся повысить уровень доходов местного персонала; внедрить несколько хороших стратегий привлечения талантов, чтобы больше талантов желали работать в Жичжао; надеемся увеличить некоторую культурную инфраструктуру, такую как музеи, библиотеки и т. д...»

«Есть надежда, что инвестиции в образование могут быть увеличены для повышения уровня образования в местных школах; при развитии местной индустрии туризма будет увеличено количество рабочих мест, чтобы у местного населения было больше возможностей для трудоустройства; под влиянием развития туризма местные цены снизились. поднялся, и есть надежда, что это может быть улучшено Уровень заработной платы местных служащих...»

«Надеюсь обеспечить больше рабочих мест, надеюсь, что правительство может вмешаться, чтобы снизить цены...»

«Необходимо усилить стратегию внедрения талантов, а также обеспечить хорошую заработную плату и условия обращения для отличных талантов, чтобы каждый мог быть заинтересован в работе в Жичжао; улучшить строительство городской инфраструктуры, улучшить инфраструктурное оснащение парков, приморских и других мест отдыха, усилить природоохранную работу, обеспечить городскую санитарию...»

«Расширение инфраструктуры для детей; увеличить занятость; сбить цены на жилье...»

«Увеличить маршруты полетов; увеличить маршруты высокоскоростных железных дорог; повысить зарплату...»

В завершении беседы модератор попросил каждого из участников предложить рекомендации для российских туристов, посетивших город Жичжао. Каждый участник с удовольствием ответил:

«Жичжао очень красивый город, путешествие сюда будет правильным выбором...»

«Побережье Жичжао очень красивое, со светло-голубой морской водой и золотым песчаным пляжем, вы будете чувствовать себя очень комфортно, когда приедете сюда на отдых...»

«Жители Жичжао очень гостеприимны, это очень правильное решение приехать сюда, будь то туризм или инвестиции...»

«Жичжао – город с очень медленным темпом жизни и красивой природой – очень хороший выбор для работы или жизни...»

«В Жичжао очень вкусные и свежие морепродукты, вы должны приехать в Жичжао, чтобы попробовать морепродукты...»

«В Жичжао есть горы и реки, гостеприимные люди, небесно-голубая морская вода, золотой песчаный пляж, есть комфорт, который нельзя испытать в других городах Китая...»

Вывод.

С методологической точки зрения следует признать состоявшимся эмпирическое подтверждение в результате исследования универсальности показателей удовлетворённости населения социально-экономическими и социально-политическими аспектами жизни в поддержании социальной стабильности. Возможности для роста личного и семейного благополучия являются притягательными обстоятельствами для жителей любых стран, и расширение этих возможностей в провинциальных городах позволит снизить межрегиональную социальную дифференциацию. Большинство жителей любых городов желают воплощать свои жизненные планы среди своего ближайшего социального окружения, не разрывая сложившиеся с рождения связи и желают жить по принципу "где родился, там и сгодился". Для этого сферы образования и здравоохранения должны быть достаточно развитыми именно на региональном, провинциальном уровне. Люди, вынужденные уезжать из родных мест из-за неразвитости социальной сферы или из-за материальной нужды, несколько маргинализируются и более склонны к участию в социально дестабилизирующих действиях.

2.3. Институционализация государственного управления как социально-управленческого механизма поддержания социальной стабильности в КНР

Стабильность – это предпосылки реформы и развития, без стабильной политической и экономической обстановки не приходится говорить ни о каких реформах и развитии¹¹⁸.

Современный Китай – государство, стремительное развитие которого поражает весь мир. Истоки данного феномена многие видят в целенаправленной политики реформ Коммунистической партии и правительства КНР, которая начала осуществляться с 1979 года. Это действительно так. Планомерная и последовательная политика реформ, направленная на обеспечения социальной стабильности и динамического развития, позволила КНР за сравнительно короткий исторический период полностью ликвидировать последствия того социально-экономического коллапса, в котором страна находилась практически более 150 лет. Внутренние проблемы социально-политического, экономического и культурного характера, которые со всей остротой проявились в начале XX века, обострившиеся внешними коллизиями – иностранной интервенцией, мировыми и локальными войнами привели страну к середине XX века на грань краха. И только победа Коммунистической партии Китая и создание в 1949 году нового государства – КНР позволили стране выйти из глубочайшего кризиса. Тем не менее, строительство нового государства не отличалось стабильностью. Нестабильный характер развития государственный лидер Дэн Сяопин обозначил следующим образом: «...исторический опыт зигзагообразного развития китайской демократической революции за 20 с лишним лет...», который наполнил развитие КНР как успехами, так и неудачами.¹¹⁹

¹¹⁸ Чжоуянь, Т. Основные принципы управления государством и достижения прогресса в стабильности /Т. Чжоуянь. Гуанмин Жибао от 21.08.2017. Электронный ресурс: http://ru.theorychina.org/xsqy_2477/201710/t20171011_358418.shtml

¹¹⁹ Дэн, Сяопин. Основные вопросы современного Китая. – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – С. 5

Вместе с тем, истоки «китайского чуда» имеют более глубокие корни, и напрямую связаны с уникальной спецификой государственного управления Китая и ценностными ориентирами, оформившимися еще в глубокой древности своеобразный социальный код национального менталитета, который культивировался на протяжении тысячелетий и сохранивший свою актуальность и в настоящее время. Именно поэтому, без исследования истоков системы государственного управления и базовых концептов ценностно-ориентированной сферы китайского менталитета невозможно выявить и осмыслить современную политику КНР и феномен «китайского чуда».

Механизмы государственного управления и ценностные ориентиры национального менталитета представляют собой единую концепцию гармонии и стабильности, основы которой были заложены в эпоху династии Чжоу (XI-III вв. до н. э.) и закреплены в этико-политическом учении великого китайского философа Конфуция.

Доктрина государственного управления в Китае базируется на древнем учении «Цзин цзи» (кит. 靜吉 – «гармонизация и вспомоществование»). Сочетание иероглифов в данном понятии имеет глубокое и принципиальное значение для понимания концептуальной сущности самого учения. Иероглиф «Цзин» связан с понятием космоса, чья упорядоченная структура переносится на человеческое общество посредством «культуры/письменности/образования» («вэнь») ¹²⁰. Социальная этимология данного иероглифа является выражением более широкого понятия, в частности, «цзин ши цзи» – «упорядочение-гармонизация мира и (тем самым) вспомоществование вещам», то есть всему Сущему и «цзин ши цзи минь» – «упорядочение мира и вспомоществование народу» ¹²¹. С данным понятием коррелирует еще одно ключевое понятие «цзи су» – «нрав народа». Суммируя трактовки данных понятий применительно к обществу можно сделать вывод,

¹²⁰ «Вэнь» – кит. «文». Трактуются как знак, письменность, культура, культурность, цивилизованность, цивилиный, гражданский, гуманитарный, просвещение, образование, литература, изящная словесность, стиль, украшенность.

¹²¹ Согласно древним учениям «народ» позиционируется как часть всего Сущего.

о том, что древнее учение «Цзин цзи» заложило основы понимания сущности общества как отражения космического порядка, которое достигается посредством культуры (творчества) проводником которого выступает личность мудреца, который познавая высшие космические законы, привносит их в общество, изменяя «нравы» (жизнедеятельность, менталитет) народа и сохраняя традиции древних. Отсюда идет и понимание бинама «Цзин цзи» как «блага от знания/канонов». Это толкование отражает кардинальные преобразования в древнейшем обществе Китая, в частности, создание государственности и формирование учения об управлении. Примечательно, что уже в этот период древнекитайская наука об управлении государством ассоциировалась с системой гармонизации общественного устройства, основанной на системе образования и культурных представлениях, связанных со знанием словесности, литературы и музыки («вэнь»). Понимание социальной гармонии в данном контексте имеет глубочайший смысл, так как охватывает не только сферы (институты) государства, но и более глубинные механизмы управления – формирование менталитета народа. Не случайно, хранителем «вэнь» в китайском обществе выступают «дети правителя» (кит. «君子» – благородный/совершенный муж) – ближайшее окружение правителя, а впоследствии (начиная с 1 в. н.э.)¹²² – чиновники, члены аппарата государственного управления. Именно они являются элитой, несущей знания, сохраняющие традиции и выступающие эталоном Добродетелей. Его доктрины заложены в основу многих социально-философских учений известных китайских мыслителей и стало идеологической основой для большинства китайцев.

Учение Конфуция можно назвать рефлексией на те социальные потрясения, которые испытывало китайское государство и общество в V веке до н.э. С одной стороны, это был период многочисленных военных экспансий

¹²² После введение в 121 году системы государственных экзаменов на знание «вэнь». Создается служилая образованная элита «знатоков» («жу»), которая ко 2-й пол. I тыс. н.э. рассматривается как носительница «вэнь» – наиболее универсального выражения традиции и наивысшей характеристики положительных и государственно важных качеств человека.

и переворотов, получивший название «Период Борющихся/Сражающихся царств» (кит. 戰國時代). Территория современного Китая представляла собой поле борьбы между семью самостоятельными царствами, которые вели между собой ожесточенные войны. Внутренние границы Китая при этом постоянно менялись вследствие попеременных побед того или иного царства, достигавшего временного могущества над соседями. В частности, одним из них было царство Цинь, прошедшее череду реформ под руководством Шан Яна¹²³. Остальные царства, будучи не в силах победить царство Цинь поодиночке, объединились против него, что породило целую череду кровопролитных войн.

С другой стороны, китайское общество вступило в период социально-исторического кризиса, когда структура феодального общества (во многом сохранившая черты патриархально-родовой системы) разрушалась и ей на смену приходила система имперской государственности. Шло формирование централизованной бюрократической структуры государственного управления и активное развитие товарно-денежных отношений. Естественным процессом стало разрушение традиционной системы ценностей, которое обострялось факторами негативного порядка – стяжательством в системе управления, падением нравов в обществе, многочисленными восстаниями «пагубы всей Поднебесной» (повстанцев), ожесточенная борьба между группировками господствующего класса и т.п. Наиболее красочно описывает морально-нравственные принципы того периода философ Мэнцзы: «...мир пришел в упадок, [прежние] нравы утрачивались... подданные убивали правителей, сыновья – отцов...»¹²⁴.

¹²³ Шан Ян (кит. 商鞅, обшественное имя – Гунсунь Ян (кит. трад. 公孫鞅) – китайский мыслитель и политический деятель, один из основоположников легизма – философско-политического учения, противного учениям даосизма и конфуцианства. Вошел в историю Китая как государственный деятель, который провёл ряд важнейших политических и экономических реформ, направленных на абсолютизацию царской власти, подрыв экономического и политического положения родовой аристократии, укрепление положения общинной земледельческой верхушки. Стройный и цельный план Шан Яна был нацелен прежде всего на централизацию управления, рост производства зерна и увеличение военной мощи государства, провозглашенные «Единым». Преобразования Шан Яна вызвали недовольство наследственной аристократии, по настоянию которой он был казнен.

¹²⁴ Китай. Период «Борющихся царств». Империя Цинь. Электронный ресурс: http://www.world-history.ru/countries_about/2002.html

Эта эпоха, является «золотым веком» китайской философской мысли. Именно в этот период в Китае остро назрела необходимость переосмысления морально-нравственных установок, мировоззренческих взглядов на социально-политическую жизнь общества. И именно на этот период приходится увеличение числа ученых пытающихся переосмыслить все вышеперечисленное с философского ракурса. В социально-философскую полемику оказываются, вовлечены представители всех слоев населения независимо от возраста, материально-экономического или социально-профессионального положения¹²⁵.

В этих условиях острой необходимостью стала потребность в реформировании как государственной, так и общественной жизни. Среди многочисленных концепций и теорий выделились две концепции «гармонии и порядка», а точнее – две модели государственного устройства:

Первая модель – реформаторская – модель Ци-цзинь¹²⁶. Эта модель была, по сути, отражением этого сурового времени, когда шла ожесточенная борьба за власть, за создание сильного государства. Эта модель ориентирована на радикальные силовые реформы, в рамках которых радикально нарушалась связь с традициями прошлого. Данная модель реализовывалась в ряде царств древнего Китая, особенно успешно – в царстве Цзинь (отсюда и название) гегемонами-ба¹²⁷, идеалами государственного устройства, которых были легистские¹²⁸ установки: сильное государство, которое опиралось на

¹²⁵ Китай. Период «Борющихся царств». Империя Цинь. Электронный ресурс: http://www.world-history.ru/countries_about/2002.html

¹²⁶ Цзинь (кит. 晉) – царство эпохи Весен и Осеней (722-481 гг. до н.э.) в древнем Китае.

¹²⁷ Историческая традиция, вложенная Сыма Цянем в уста знаменитого реформатора IV в. до н.э. Шан Яна [103, гл. 68, с. 765], фиксирует в древнекитайской политической практике три сменяющих друг друга типа власти: ди-дао, или путь древних мудрецов; ван-дао, или путь легитимных правителей, и ба-дао, т.е. путь узурпаторов, правление сильных, быть может и умных, но нелегитимных гегемонов-ба. Цит. по кн.: Васильев, Л.С. Древний Китай. / Л.С. Васильев. Том 2. Период Чуньцю (VIII-V вв. до н.э.), М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

¹²⁸ Легизм – (legisme, legalism) – принятое в западной науке обозначение школы фа цзя – «законников», одного из основных направлений древнекитайской этико-политической мысли (от лат. lex, родительный падеж, legis – закон). Основоположниками теории и практики легизма считаются Гуань Чжун (кон. 8–7 в. до н.э.), Цзы Чань (6 в. до н.э.), а также Ли Куй, Ли Кэ (возможно, это одно лицо), У Ци (4 в. до н.э.). Крупнейшими теоретиками легизма признаны Шан Ян, Шэнь Дао, Шэнь Бухай (4 в. до н.э.) и Хань Фэй (3 в. до н.э./Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека Института философии РАН. Электронный ресурс: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/library/collection/newphilenc/document/HASH01b0ea763f3b0fed41f681b0>. Суть легизма: [Сторонники] школы Закона суровы, и [у них] мало милосердия. Однако

силовики, жестокий порядок, применение силы. В процессе реализации данной модели гегемоны-ба заручались поддержкой не действующей знати, а представителей низших слоев общественного устройства, что разрушительным образом отражалось на имеющихся в тот период в китайском обществе клановых связях.

Вторая модель – традиционно-патерналистская – модель Чжоу-Лу. Эта модель основана на сакральном величии древнего дома Чжоу (домена вана древнейших времен Яо, Шуня и Юя), на традициях старины, на легитимности власти чжоуского дома вана, на его превосходстве как носителя этических норм и ритуалов. Данная модель реализовывалась в царстве Чжоу и удельных землях великого Чжоу-гуна – царстве Лу (родина Конфуция). В основе данной модели, как было сказано выше, лежит тщательное соблюдение традиций, культ мудрости древних, приоритетность патерналистской системы государственного устройства, легитимность чжоуской власти с ее наследственными аристократическими кланами, уважение и соблюдение этических принципов патернализма.

Обе модели, реализованные на практике в разных царствах древнего Китая, имели как достоинства, так и недостатки. Но, тем не менее, практика их применения показывала их дееспособность и в условиях сложнейшего социально-экономического и политического кризиса реализация каждой из них в качестве основной модели устройства единой государственной системы (имперской) была нацелена на создание сильного государства. Можно сказать, что Китай находился «на перепутье» – страна стояла перед серьезнейшим выбором. И в эту пиковую фазу «осевого времени» (по К. Ясперсу), в VI-V вв.

они определили уделы – [положения с их правами и обязанностями] – государя и министра, высшего и низшего, [и эти принципы] нельзя изменить. Поскольку [сторонники] школы Закона не делают различия между близкими и дальними родственниками, не проводят разницы между [людьми] высокого и низкого положения, [а дела всех] единообразно решаются [ими] на основании закона, то пресекается милосердие, [состоящее в том, чтобы] относиться к близким как к близким и к почтенным как к почтенным. Пользуясь этими [принципами], можно осуществить план, [рассчитанный на] короткое время, но нельзя применять [их] долго. Поэтому [Сыма Тань и] сказал: “[Они] суровы, и [у них] мало милосердия”. Цит. по: Анашина М. Шесть школ древнекитайской философии. Электронный ресурс: <https://anashina.com/liu-jia/#i-2>

до н.э. ведущей фигурой стал Конфуций, создавший свое учение «Жунцзя»¹²⁹. Данное направление легло в основу государственной идеологии китайского народа и просуществовало практически неизменно тысячелетний период, до начала двадцатого века. Система государственного управления того периода также отличалась стабильностью и неизменностью независимо от событий, происходивших в государстве. Конфуций был приверженцем второй модели, и его учение было пропитано традициями, культовыми обрядами предков, которые он заложил в основу китайской государственности. Возможно, этим объясняется то что данное учение просуществовало такое длительное время. Учение Конфуция обозначают иероглифами «儒家» и «反义: 法家» которые означают собой школу образованных людей и справедливый закон, и правильный порядок. Таким образом, учение Конфуция основано на ценности образования и образованных людей как гаранта стабильности и порядка и по сути своей представляет первый реализованный на практике принцип меритократического управления.

В конфуцианстве впервые формируется система дифференциации статусных позиций идеального гражданина. Основой воспитания идеального гражданина выступает система образования, дифференцированная по принципу обучение для себя и обучение для другого.

Обучение для других ставило целью подготовку узкопрофильных специалистов, в основном по этой системе обучались чиновники разного уровня. Данный тип учения хотя и не отрицался полностью Конфуцием, но считался недостаточным для формирования полноценной личности, так как в процессе его прохождения обучающий осваивал лишь отдельные конкретные

¹²⁹ Жунцзя – Жу цзя (кит. 儒家) – школа служивых или конфуцианство – [учение] школа ученых-интеллектуалов – древнейшая философская система и одно из трех главных этико-религиозных учений (наряду с даосизмом и буддизмом) Дальнего Востока. Возникло в Китае на рубеже 6–5 вв. до н.э. В оригинальном наименовании конфуцианства (жу) отсутствует указание на имя его создателя – Конфуция, что соответствует исходной установке последнего – «передавать, а не создавать, верить древности и любить ее». Свое качественно новое этико-философское учение Конфуций подчеркнуто идентифицировал с мудростью «святых-совершенномудрых» (шэн) правителей полумифической древности, выраженной гл.о. в историко-дидактических и художественных произведениях, древнейшие и авторитетнейшие из которых – восходящие к кон. 2-го – 1-й пол. 1-го тысячелетия до н.э. каноны «Шу цзин» и «Ши цзин». Цит. по Конфуцианство (жу цзя)

навыки. В отличие от данного типа обучения обучение для себя предполагало непрерывное постоянное самосовершенствование индивида¹³⁰. Именно такие индивиды должны составлять стабильное китайское общество.

В процессе учения для себя обучающийся осваивает пять постоянств:

– «жень»/ «仁» – означает человечность, гуманность; в государственном управлении – доброта проявляемая правителем по отношению к своим подданным;

– «и»/ «義» – означает справедливость и долг; в государственном управлении – справедливость, которую проявляет правитель ко всем своим подданным;

– «чжи»/ «智» – означает мудрость; в государственном управлении – мудрость управленческих решений, которые исходят от правителя;

– «синь»/ «信» – означает искренность, честность, вера; в государственном управлении – доверие которое правитель проявляет по отношению к своим подданным;

– «ли»/ «禮» – означает правила, этикет; в государственном управлении – благопристойность, которую проявляет правитель по отношению к своим подданным¹³¹.

Философ-педагог Лю Цзо Чан отметил: «...гуманность («жень») представляет собой основу педагогики и системы образования, независимо от уровня и специфики, должна стать воплощением «жень», в том смысле, в котором ее понимал Конфуций – достижение гуманности как синтеза личного и общественного...»¹³².

Конфуций в своей социально-философской доктрине признает наличие неравенства в общественном устройстве. Но он призывает к взаимной

¹³⁰ Кун-цзы. Лунь Юй, Глава 3 «БАИ». 3. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#3>

¹³¹ В конфуцианском каноне также выделяют 22 базовых постоянства. Приведенные пять добродетелей являются «основами основ» конфуцианского понимания добродетелей.

¹³² Ван, Я. Генезис системы высшего образования в Китае: социальный аспект / Общество: социология, психология, педагогика, издательство. / Я. Ван. 2018, № 1. – Краснодар: ООО Издательский дом ХОРС, С. 22-30.

вежливости и уважению между всеми этими слоями независимо от их экономического или социально-политического положения, призывая строить отношения по системе «жень»-«ли». Другими словами философское учение Конфуция есть не что иное как учение о порядке и стабильности.

Суммируя классические принципы государственности, изложенные Конфуцием можно выделить следующие позиции модели социального идеала.

1. *В основе социального порядка должна лежать строгая социальная стратификация, четкое разделение социальной роли правителя и чиновников – «Пусть отец будет отцом, сын – сыном, государь – государем, чиновник – чиновником»*¹³³;

2. *Общество состоит из двух категорий – «благородные мужи» (те, кто управляет и думает) и «простолюдины» (те, кто повинуется и трудится), которые должны четко знать свои обязанности и выполнять их с наибольшей тщательностью. В своей работе «Беседы и высказывания» Конфуций пишет: «...благородный муж думает о морали; низкий человек думает о том, как бы получше устроиться. Благородный муж думает о том, как бы не нарушить законы; низкий человек думает о том, как бы извлечь выгоду...»*¹³⁴, то есть критерий разделения – близость к идеалу цзинь-цзы;

3. *Высшая цель управления – интересы народа и его доверие. В подтверждение данного тезиса Конфуций говорит: «...должно быть [в государстве] достаточно пищи, достаточно оружия, и народ должен доверять [правителю]... с древности никто не мог избежать смерти, и без доверия народа [правитель] не устоит...»*¹³⁵;

4. *Первичен Закон и ритуалы – «Широкое образование в культуре сдерживай ритуалом и тогда сможешь не нарушить меры»*¹³⁶;

¹³³ Конфуций [Кун-цзы] Беседы и высказывания [Лунь-Юй]. Глава 12. Янь Юань. Электронный ресурс: <http://lunyu.ru/12/12>

¹³⁴ Конфуций [Кун-цзы] Беседы и высказывания [Лунь-Юй]. Глава 4. Ли жэнь. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#4>

¹³⁵ Там же. Электронный ресурс: <http://lunyu.ru/12/7>

¹³⁶ Там же. Электронный ресурс: <http://lunyu.ru/12/15>

5. *Основа управления – Добродетель и Ритуалы*. Конфуций говорит: «...если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить пародом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится... ...Использование ритуала ценно потому, что оно приводит людей к согласию. Путь древних правителей был прекрасен. Свои большие и малые дела они совершали в соответствии с ритуалом. Совершать то, что нельзя делать, и при этом в интересах согласия стремиться к нему, не прибегая к ритуалу для ограничения этого поступка, – так поступать нельзя...»¹³⁷;

6. *Основа управления – приверженность традициям*. Конфуций говорит по этому поводу: «...кто повторит старое и узнает новое, тот может быть руководителем для других...»¹³⁸;

7. *Главное условие социальной жизнедеятельности – нравственность и подчинение*. В данной связи Конфуций отмечает: «...редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности...»¹³⁹.

Таким образом, в основе стабильного государства по Конфуцию лежало всестороннее развитие личности, ее нравственное воспитание, почитание опыта старших поколений.

Эти универсальные категории имели не только личностный смысл, но, прежде всего, социально-политическое начало и образовывали основы

¹³⁷ Конфуций [Кун-цзы] Беседы и высказывания [Лунь-Юй]. Глава вторая. Вэй чжэн. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#2>

¹³⁸ Там же. <http://lunyu.ru/2/11>

¹³⁹ Там же. Глава 12. Янь юань. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#12>

существования общества и государства в целом. Модель социально-политического Бытия базировалась на представлениях о семье, в которой почитание старших является основой основ. «Государство – семья» (го цзя) – доконфуцианское понятие, в основе которого структура государства представляет собой модель большой семьи, отношения в которой построены по принципам гуманности как между родителями и их потомством, так и между правящим государем и его подданными. По этому поводу Сюй Хунбо пишет: «...официальная идеология китайской империи – конфуцианство, длительное время формировавшее психологию различных слоев китайского общества, на первое место выдвигала ценность коллективного начала, группы, что объясняет преобладание групповых связей над личностными в общественном сознании китайцев. Ценность отдельной личности утрачивалась. Конфуцианство устанавливало строгую иерархию как в семье, так и в обществе. При этом выделялись пять систем взаимоотношений: между отцом и сыном, мужем и женой, старшими и младшими, государством и подданными, между друзьями. Эти взаимоотношения предписывали каждому человеку выполнять свой долг, соответствовать своему предназначению. Общественные отношения, таким образом, трактовались как продолжение отношений внутрисемейных...»¹⁴⁰.

Правящий император (Сын Неба) выступал в роли «отца и матери» для всего китайского народа. Правящая элита, в свою очередь выступала в качестве «родителей» для народа, который находился в их подчинении. Население должно трудиться и подчиняться, а «варвары» – «трепетать и повиноваться».

¹⁴⁰ Сюй, Хунбо. Особенности китайского национального характера (часть 2) / Хунбо Сюй. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2011. – № 3 (26). – Т. 2. – С. 190-192. – URL: <https://moluch.ru/archive/26/2645/> (дата обращения: 28.04.2024).

В целом стратификационную структуру китайской семьи-государства можно представить в виде пирамиды (рисунок 11).

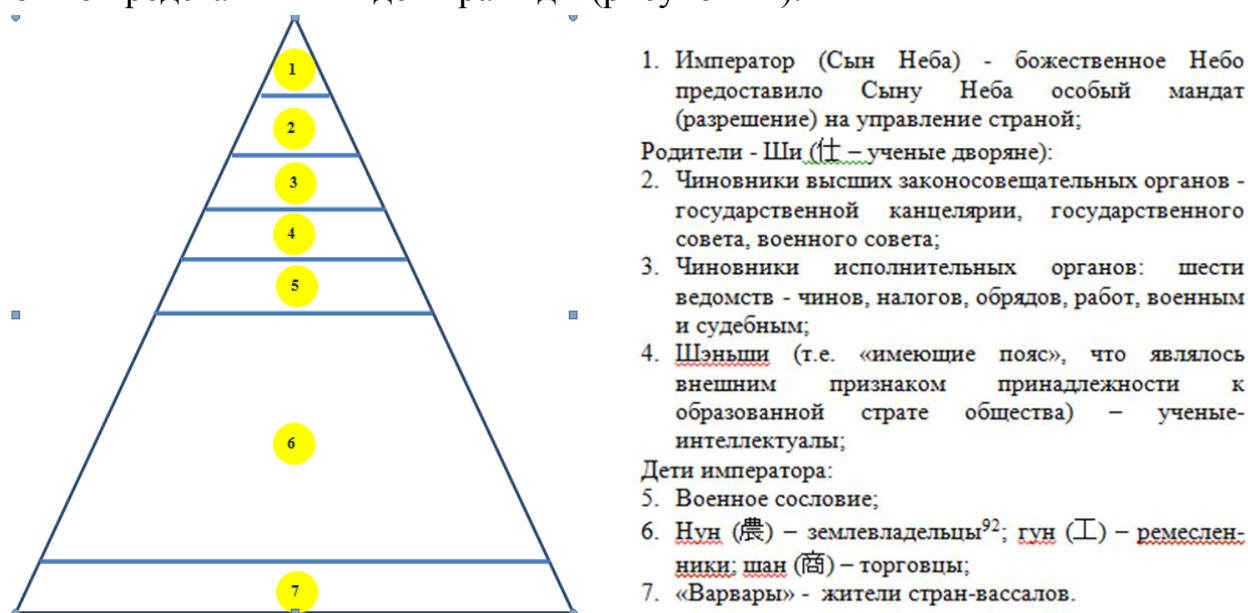

Рисунок 21 – Китаецентристская модель государственного устройства с ~ 221 года до 1912 года.

Китаецентристская модель государственного устройства строилась на конфуцианских принципах в течении десяти столетий и к концу XIX века представляла собой целую империю. С конца XVIII века империя представляла собой закрытое для мира государство со своеобразной системой социально-политического взаимодействия¹⁴¹.

Основой взаимоотношений между уровнями иерархии и сословиями выступают принципы Сяо Ти (сыновняя почтительность). Сяо Ти в данном контексте является этически-политическим инструментом подчинения человека интересам государства. «Редко бывает, – пишет Кун-цзы в трактате

¹⁴¹ После ряда завоевания крупнейших территорий, в том числе Тибета (1750-1751), Джунгарии (1755-1757), Кашгарии (1757-1759) и др., а также подавления восстания в восточных районах Гуйчжоу (1730е-1740е) шестой маньчжурский император династии Цин - Айсиньгёро Хунли (кит. 爱新觉罗 弘历) правивший 59 лет (1736-1795) решил «закрыть» империю для «варваров», хотя эта мера предосторожности лишала правительство большей части таможенных сборов от морской торговли и в 1757 году была запрещена иностранная торговля во всех портах, кроме Гуанчжоу. Даже здесь европейцам не разрешалось селиться в пределах городской черты. Им запрещалось изучать китайский язык, а китайцев, обучающих «заморских варваров», казнили. Нельзя было переселяться на прибрежные острова и распаивать там целину; нарушителей возвращали на материк, а их дома сжигали. В 1787 году было специально запрещено заселение островов у побережья провинции Чжэцзян. Причины «закрытия» страны: а) ощущение всеисилия внутри и вовне империи; б) опыт китайской истории – ослабление древних династий всегда сопровождалось нарастанием угрозы извне, а внутренние смуты в конце правления обречённой династии использовались внешними силами для захвата власти в Китае (например, как это сделали сами маньчжуры).

«Лунь Юй», – чтобы человек, почитающий родных и близких, восставал бы против них. Конфуций считает: «... Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности... ..долг – это внутреннее бескорыстное побуждение человека поступать в каждом данном случае нравственно... Долг регулирует отношения между государем и подданными, предписывает людям, чтобы они не нарушали общественного порядка, не выступали против правителей...»¹⁴². С другой стороны, правитель и его чиновники должны служить эталоном гуманности и добродетелей. Конфуций говорит: «...вне дома води себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим и тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота...»¹⁴³.

Из всего вышесказанного можно резюмировать, что идеи Конфуция о государственном устройстве базировались не на механизмах организации социально-политических структур и институтов, а, прежде всего, на морально-этическом мировоззрении, которое охватывало весь народ, включая правящую элиту, и определило вектор государственной идеологии на последующие века.

Каноны Кун-цзы оформили классические принципы государственности, сформировав основу государственного миропорядка.

Но, главное – эти принципы обусловили формирование менталитета китайского общества. Среди психологических аспектов, определивших стиль поведения и образ жизни китайцев, исследователи выделяют следующие:

- *коллективное начало*. Доминантной установкой является приоритетная роль «группы» (государства) как общественного начала;
- *патернализм*. В менталитете китайского народа, приоритет отдается *родственным связям, соблюдению традиций и обычаям*, первичными

¹⁴² Конфуций [Кун-цзы] Беседы и высказывания [Лунь-Юй]. Глава восьмая. Тао бо. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#8>.

¹⁴³ Там же. Глава 12. Янь юань. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#12>.

выступают не легитимные законы, а родственные связи, проявление уважения к личностным качествам, чувствам;

– *чувство «долга» и гуманность*. Как говорилось выше, эти принципы являются определяющими для китайского менталитета и являются ядром в системе социально-этических ценностей;

– *«закрытость» социального взаимодействия*. Основой жизнедеятельности китайского общества являлось соблюдение правил, ритуалов и норм, направленных, прежде всего, на внутригосударственное единство. Аспекты межэтнического, межгосударственного взаимодействия не только вторичны, но и являются чуждыми элементами китайской государственности и культуры;

– *преклонение перед властью*. Ритуалы и правила, закреплявшиеся в течение тысячелетий, формировали жесткие иерархические установки, в которых главным условием жизнедеятельности выступало подчинение старшему, внешнее соблюдение четкой иерархии в поведении, обусловили стереотипы взаимоотношения с властью, а именно неукоснительное подчинение, упование на указание свыше, чиновничество, начетничество и т.п.;

– *стереотипизация поведения*. Конфуцианские ритуалы, правила и нормы создали и закрепили определенные правила поведения, что, с течением времени, по сути, привело к формализму во взаимоотношениях;

– *театрализованность поведения* также обусловлена традициями конфуцианских ритуалов, правил и норм поведения. Первична внешняя форма поведения, соблюдения необходимых атрибутов, которые определяются местом в социальной иерархии;

– *общественный престиж*, личная репутация, общественное уважение и признание являются первичным для каждого китайца. В данном контексте, необходимо отметить, что главным условием являются не внутренние причины и факторы – они вторичны, а их внешнее проявление. То есть, важнее не то, что тебя побудило совершить поступок, а как его оценят окружающие;

– *иносказательность морально-этических принципов в системе «свой-чужой»*. Этот аспект вытекает из предыдущих позиций. Вторичность, а точнее, чуждость инородных связей, обусловила возможность доминирования таких представлений – подлость, хитрость, ложь при ведении общих дел с представителями иностранных государств не только не осуждаются, но и допускаются и приветствуются;

– *мобильная адаптация к новым условиям* также определяется стандартизацией поведения и обусловлена высокой дисциплинированностью представителей всей слоев китайского общества. Жесткая иерархичность связей, четкие правила взаимодействий определили чуть ли не военную дисциплину, которая проявляется во всех сферах жизнедеятельности китайского общества. Принципы долга, поклонения и подчинения позволяют, с одной стороны, мобильно принимать и реализовывать стратегически важные решения, а с другой стороны, обеспечивают безукоризненное выполнение поставленных задач, независимо от целей, их логики и т.п.;

– *стремление к стабильности*. Важной чертой национального менталитета, которая опять же исходит из традиций китайского общества, является стремление к просчитанности, скрупулезности, продумыванию каждой мелочи. Это привело к своеобразному стереотипу поведения - умение долго выжидать благоприятного момента, выигрывать в качестве, моделировать различные варианты событий;

– *трудолюбие, уважение к труду*. В социальной стратификации китайского общества классический образ труженика и созидателя национальных благ – «детей императора» – представлял собой основную социальную силу, от которой зависело состояние государство-семьи. История Китая показывает, что это – не декларируемый конфуцианством постулат, а реальная социальная жизнь. Трудящиеся сословия (особенно крестьяне-земледельцы – нун) были в и социально-политическом, и в психологическом плане независимы от аристократии. По сути, им было практически все равно, кто находится у власти и какие изменения происходят в аппарате управления.

Знать же в большей степени нуждалась в поддержке населения, так как от поведения «нун» во многом зависело ее устойчивое положение. Эта зависимость, закамуфлированная ритуалами, обуславливала социальное единство «верхов» и «низов» и определила прагматичное отношение к труду, и уважение к людям, которые создают блага;

– *национальная самоидентификация*. Принцип «го цзя» обусловил такую черту китайского менталитета как позиционирование себя не только членом общества, представителем нации, а частью единого Целого, частью семьи. Идентификация себя как части семьи предполагает верность и преданность национальным традициям, сохранение устоев и традиций, особенно, если находишься за пределами своей страны.

Эти аспекты китайского менталитета являются особенно показательными, но не единственными для характеристики основных черт китайского общества. Культивируясь тысячелетиями, они стали сущностью китайского социокультурного кода и приобрели устойчивые формы. Вместе с тем, необходимо отметить, именно эти характеристики стали мощнейшим инструментом управления массами, в том числе и в настоящее время. Закрепленные государственной идеологией и находящиеся под прямым контролем императора и институтов государственной власти и управления (особенно образовательной системы), принципы конфуцианства, обосновали существование стабильные социальные отношения в триединстве «человек-государство-общество».

В данном контексте, значимость учения великого Кун-цзы совершенно справедливо охарактеризовал российский ученый В. В. Малявин¹⁴⁴ : «Конфуцию удалось создать многочисленную и влиятельную школу, положение которой в древнекитайском обществе почти не зависело от перипетий политической борьбы именно потому, что сердцевиной конфуцианской традиции было учение о нравственном совершенствовании и

¹⁴⁴ Малявин, В.В. О китайской цивилизации / В.В. Малявин // Российское китаеведение. – 2022. – № 1. – С. 95-111.; Малявин, В. В. К пониманию глобальной стратегии Китая / В.В. Малявин // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 96-108.

ценности символического языка культуры. Каковы бы ни были личные пристрастия правителей Китая, никто из них не мог поставить идеологию и политику выше культуры и нравственного воспитания. Попытки отвергнуть наследие Конфуция, как случилось, например, в царствование первого китайского императора Цинь Шихуанди, приводили лишь к быстрому вырождению и краху династии»¹⁴⁵.

Вместе с тем, необходимо отметить, что ортодоксальность учения Кун-цзы имела негативные последствия. Выхолощенные и превращенные со временем в догму идеи Кон-цзы трансформировали меритократические принципы управления в коррумпированную систему, и, по сути, привела страну к политическому и социально-экономическому коллапсу, который со всей очевидностью обострился в XIX веке.

В этот период развитие Китайской империи, так же как и в западных странах, было обусловлено изменениями, которые отражают естественный ход циклического развития. Прежде всего, мы говорим о зарождении капиталистических отношений, которые, тем не менее, не получили своего развития. Государство и правящая элита, бывшие крупнейшими собственниками-монополистами, не были заинтересованы в каких-либо изменениях и, по сути, посредством «сохранения традиций» обеспечивали (во многом силовыми методами ¹⁴⁶) искусственную стагнацию. Эта ситуация наблюдалась как в сельской местности, где доминантными оставались клановые отношения и сопутствующие им социальные институты, так и в городах, где государство, выступающее как собственник довольно развитого казенного ремесленного сектора, не стремилось способствовать развитию частного предпринимательства и торговли. Это проявлялось и в системе

¹⁴⁵ Конфуций. Антология гуманной педагогики. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1996.

¹⁴⁶ Особенно явно стремление власти «сохранить традиции» проявились во время восстания под руководством Белого лотоса (1796-1799 гг.), которое охватило практически все провинции Центрального Китая и продолжалось до 1803 года, когда пекинскому правительству, ценой невероятных усилий (в том числе обещанием амнистий и уменьшения налогов), удалось стабилизировать обстановку в стране. Обещания выполнены не были и социально-экономическая и политическая обстановка практически не изменилась. Доминантными оставались клановые отношения и сопутствующие им социальные институты. Социальная дифференциация естественным образом приводила к полярности общества, в котором резко противопоставлялась элита и земледельцы.

образования, которая за десятки веков практически оставалась неизменной и догматичной, отставая от процессов развития. Эти же тенденции мы видим и в научной сфере, где догматичная и ортодоксальная мудрость конфуцианского учения вопреки здравому смыслу вытесняла точные и прикладные науки, ограждала китайскую науку от практической жизни.

Необходимо отметить, что к концу XVIII-XIX века правящая знать Китая представляла собой не эталон «благородного человека» Кун-цзы, а превратилась в коррумпированную свору, которая превысила все мыслимые и немыслимые границы. Прикрываясь устоявшимися традициями конфуцианства, знать и чиновники грабили страну. Коррупция и кумовство процветали¹⁴⁷. Естественно, имея в своих руках безграничные полномочия и возможности, правящая верхушка стремилась «сохранить традиции» и оставить в неизменном виде существующую систему с ее общинно-клановой основой.

Особенно остро стремление «сохранить традиции» проявлялось в те моменты, когда Китай был вынужден вступить в контакты с капиталистическими государствами Запада, которые привели к социально-политическому и экономическому распаду, поставившему страну в начале XX века на грань катастрофы.

Причем, как говорилось выше, тенденции «сохранить традиции» имели искусственный характер, поддерживались правящей верхушкой Китая, погрязшей в коррупции. Анализируя исторический опыт предыдущих династий знать была уверена, что в условиях внутренней нестабильности взаимодействие с инородцами приведет к уничтожению династии, которая сама пришла к власти воспользовавшись внутренними восстаниями. Именно поэтому в 1757 году Китай был закрыт для иностранцев и все связи карались смертью. Но подобная политика не только не избавила власть от внутренних проблем, но и привели страну к социально-политическому кризису начала XIX

¹⁴⁷ История Китая. Под редакцией А.В. Меликсетова. Зав. редакцией Г.М. Степаненко. Редакторы Т.М. Ильенко, Л.В. Кутукова. – М., 2002. Электронный ресурс: http://www.razlib.ru/istorija/istorija_kitaja/p12.php

века. Период восстаний против правящей династии, которые с трудом подавлялись (восстания 1811-1814 гг. под руководством общества «Тянь-ли чжао»¹⁴⁸, восстания в приграничных провинциях 1807 г., восстания мусульманских сообществ 1825-1828 гг. в городах Кашгар и Яркенд, бунты в Южном Китае, организованными тайным обществом Санъ-хо-хуи¹⁴⁹ 1830-х гг. и др.), обострился «опиумными войнами» с Британией, спровоцированными деятельностью Ост-Индской компанией¹⁵⁰ и войной с Японией. В результате провальной политики династии Цин, в частности императрицы Циси к началу XX века Китай представлял собой отсталую полуфеодальную страну с неразвитой экономикой и промышленностью, полностью коррумпированными органами власти и управления, стратегические районы которой оказались в зоне экспансии иностранных государств: России – территории Маньчжурии, Внешней Монголии и Синьцзяна; Великобритании – бассейн реки Янцзы; Франции и Великобритании – территории всех южных провинций; Германии – полуостров Шаньдун; Японии – территории провинции Фуцзянь и Корея.

В этих условиях институт конфуцианского управления и морали потерял свою сущность, превратившись в декларативную модель субъект-объектного взаимодействия в социально-политической сфере, а чиновники и местная политическая элита стали прикрываться и спекулировать им в своих корыстных интересах. Вместе с тем, не все представители знати мирились с таким положением вещей. В частности, в 1898 году молодой китайский

¹⁴⁸ Тайное общество «Тянь-ли-чжао» (Общества Небесного Порядка) было создано в 1811 году. По сути, это стало воссозданием «Белого Лотоса». Под его руководством были организованы крестьянские восстания, которые распространялись по провинциям Хонан, Хупэй и Шаньдун, и были подавлены лишь в 1814 году.

¹⁴⁹ Тайное общество «Санъ-хо-хуи» (Триада)

¹⁵⁰ В начале XIX века Европа (особенно Британия) начала оказывать влияние на Китай. Все попытки европейцев установить официальные дипломатические отношения с Пекином, «открыв» Китай для продукции первых британских фабрик, оканчивались неудачей (миссии Маккартнея в 1793 г., Амхерста – в 1816 г., Нэпира – в 1834 г.). Британия (Вест-Индская компания) оказалась наиболее активной и британское правительство решило использовать военно-морской флот для насильственного «открытия» страны. В результате начался ввоз в Китай опиума, что повлекло ответную реакцию – первая «опиумная война» (1840-1842), которая «открыла» Цинской империи для ввоза опиума и промышленных товаров европейских стран, тайпинское восстание (1850-1864), вторая «опиумная война» (1856-1860), которые закончились фактическим проигрышем Китая, показавшим себя отсталым государством.

император Гуансюй (урожденный Айсингёро Цзайтянь) предпринял попытку модернизационных преобразований по японскому¹⁵¹ и российскому¹⁵² образцу – «Реформы года у-суй» (или «100 дней реформ»). Реформы императора Гуансюй стали первой (хотя и неудачной¹⁵³) попыткой либерально-демократических преобразований и охватило практически все направления государственной политики. Это был прогрессивный шаг, ознаменовавший разрыв в традиционной системе иерархии. По сути, действия императора Гуансюй стали «началом конца» ортодоксальной идеологии. В указах императора Гуансюй отразились те изменения, которые происходили в общественной мысли населения КНР. В своей диссертации Д.А. Максимов пишет: «... постановка важнейших вопросов, которые не утратили, а, может быть, приобрели даже большее значение в наше время: проблема цивилизационного диалога Китая и Запада, проблема национального самопознания, направление и цель человеческого прогресса, значение конфуцианства в условиях модернизации общества и государства, проблема формирования гражданского общества, проблема строительства правового государства, проблема развития правосознания и др...».¹⁵⁴ Эти вопросы не

¹⁵¹ Мэйдзи исин (дословно «реставрация Мэйдзи», «Обновление Мэйдзи», также называется и «Революцией Мэйдзи») – широкомасштабные реформы 1868-1889 годов, затронувшие все сферы жизнедеятельности японского государства и общества и коренным образом трансформировавшие государственный строй Японии. Мэйдзи исин можно назвать первым «японским экономическим и политическим чудом», так как в течение времени проведения реформ из отсталой сельскохозяйственной страны Япония превратилась в одну из ведущих мировых держав.

¹⁵² Инициатором реформ и духовным идеологом реформаторов стоял скромный чиновник шестого класса, делопроизводитель в приказе общественных работ Кан Ювэй. Автор меморандумов, в которых обосновывалась необходимость проведения преобразований по западному образцу. В одном из меморандумов Кан Ювэй ссылается на опыт реформирования Петра I в России.

¹⁵³ Высшие государственные чиновники, приближенные к императрице Цыси саботировали распоряжения императора, а 21 сентября 1898 года в результате дворцового переворота, император Гуансюй и его сторонники были арестованы. Вскоре сторонники молодого императора Тань Сытун, Лю Гуанди, Ян Жуй, Кан Юпу, Линь Сюй и Ян Шэньсю были казнены, указы отменены, а указом Цыси от 1 сентября 1898 года повелевалось уничтожить книги, написанные идеологом реформирования Кан Ювэем, как «еретические, содержащие призыв к восстанию и направленные против священных доктрин мудрецов древности». Из всего комплекса указов императора Гуансюй свет увидели только два – осенью 1898 года была проведена военная реформа и в декабре того же года открыт Пекинский университет. Ответной реакцией на поражение реформаторов и выступление императрицы Цыси на стороне Альянса восьми держав стало мощное восстание 1898-1901 гг., которое вошло в историю Китая как Ихэтуаньское восстание (Боксёрское восстание).

¹⁵⁴ Максимов, Д. А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX – начале XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук – М., 2003. Электронные ресурсы: <http://www.disserscat.com/content/politicheskie-i-pravovye-ucheniya-v-kitae-v-kontse-xix-nachale-xx-veka>.

утратили своей актуальности и в наше время и поэтому этот период китайской истории остается под пристальным вниманием и ученых и политиков.

Перед современным Китаем со всей очевидностью стоит проблема достижения и поддержания социальной стабильности. Социальная стабильность выступает основой модернизационных процессов и политического курса, которые охватили все сферы народного хозяйства и вывели КНР на передовые рубежи геополитической арены.

В настоящее время проблематика социальной стабильности в КНР является острой темой как для политического руководства страны, так и для представителей научной мысли. Социальная стабильность позиционируется как основополагающий фактор модернизации и главный вектор внутренней и внешней политики КНР.

Так, 29 декабря 2017 года председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая на новогоднем чаепитии с членами Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) четко обозначил главный политический вектор современного Китая. В частности он сказал: «В 2018 году мы должны будем всесторонне претворить в жизнь дух XIX съезда Компартии Китая, взяв в качестве руководства идеи о новой эпохе социализма с китайской спецификой, твердо придерживаясь [лозунга] «стремиться к прогрессу в стабильности» в качестве лейтмотива в работе, в опоре на единое планирование продвигая устойчивый рост, стимулируя реформы, перенастраивая структуры, улучшая жизнь народа, предотвращая риски по всем направлениям работы, стимулируя дальнейшее здоровое развитие социально-экономической сферы»¹⁵⁵.

С этой позицией коррелируют взгляды научного сообщества. В частности, один из ведущих обществоведов современного Китая директор Всекитайского центра сравнительных экономических и политических

¹⁵⁵ СМИ: председатель КНР призвал в 2018 году обеспечить стабильность и продвигать реформы/ТАСС. Информационное агентство России. 29.12.1017. Электронный ресурс: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4851464>

исследований Юй Кэпин определяет социальную стабильность как источник всесторонней модернизации различных сторон жизни общества¹⁵⁶.

Доминантной установкой создания условий для социальной стабильности в стране является социальная политика. На это прямо указал председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин. В частности, выступая на XIX съезде КПК в октябре 2017 года Си Цзиньпин сказал: «Коренной целью развития является повышение народного благосостояния. Необходимо эффективнее улучшать жизнь народа, тщательнее вникать в его озабоченность. В процессе развития необходимо восполнять недостатки в сфере народного благосостояния, стимулировать соблюдение принципов социального равенства и справедливости, постоянно стремиться к новым высотам: чтобы детям было где получать воспитание, народу - где получать образование, зарабатывать на жизнь, лечиться и жить, чтобы в старости народ жил обеспеченной жизнью, а уязвимая группа людей получала помощь. Необходимо посредством углубленной работы по интенсивной ликвидации бедности и в ходе совместного строительства и совместного пользования плодами развития вселить в людей более глубокое чувство обретения, непрерывно стимулировать всестороннее развитие человека и способствовать всеобщему достатку народа. Необходимо создавать «спокойный Китай», интенсифицировать и обновлять социальное управление, сохранять социальную гармонию и стабильность, обеспечить стране долговременный порядок и длительную стабильность, а народу - спокойную жизнь и работу»¹⁵⁷.

Создание условий для социальной стабильности предполагает комплексную экономическую программу, в которой главный вектор направлен не на повышение ВВП, а на улучшение благосостояния и качества жизни населения. Главными установками развития страны обозначены:

¹⁵⁶ Юй, Кэпин. Демократия в Китае: вызов или шанс? / Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. – М.: Издательство «Европа», 2010. – С. 117-131.

¹⁵⁷ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. Электронный ресурс: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.

борьба с бедностью, с коррупцией и развитие государства по экологически чистому пути.

На XIX съезде было определено, что страна должна полностью покончить с бедностью к 2020 году. Сейчас этот вектор политики успешно реализуется. Только за прошедшие пять лет 60 млн. человек избавились от бедности. В настоящее время в провинции Гуйчжоу (один из самых многонаселенных и бедных районов страны) начался эксперимент по избавлению от бедности. Комплексные программы государственной поддержки, в том числе целевой план борьбы с нищетой дали эффективные результаты. В дальнейшем планируется сократить численность бедного населения в деревнях на более 10 млн. человек. Немаловажным фактором выступает борьба с безработицей, уровень которой коррелируется ниже 5%. За прошедшую пятилетку с стране было создано более 65 млн. рабочих мест, а в ближайшее пятилетие планируется ежегодно создавать 15 млн. рабочих мест.

Коррупционная составляющая в настоящее время представляет собой серьезную угрозу стабильности и процветания китайского общества. В стране ведется ожесточенная борьба с этим негативным явлением. Си Цзиньпин указал: «...необходимо на государственном, провинциальном, городском и уездном уровнях создать контрольные комиссии, работающие на основе объединения служебных обязанностей совместно с партийными органами по проверке дисциплины... Твердо придерживаясь принципа «в борьбе с коррупцией не должно быть запретных зон, необходим полный охват и нулевая толерантность», необходимо сохранять эффект жесткого сдерживания, высокой напряженности и постоянного устрашения...»¹⁵⁸ .. Сегодня в стране успешно реализуется система антикоррупционного контроля. Не менее важной является реализация экологической политики, основной упор в которой делается не на экстенсивное развитие уже

¹⁵⁸ XIX Съезд КПК: стабильность – залог развития страны. Электронный ресурс: <http://russian.cri.cn/news/Comment/383/20171022/42611.html>

существующих секторов экономики, а на продвижения новых экологически чистых технологий. В настоящее время более 55% экономического роста КНР обеспечивают высокотехнологичные отрасли. На XIX съезде была озвучена стратегическая задача построения к 2035 году модернизированной инновационной экономики с серьёзной природосберегающей составляющей. Для этого началась реализация экологической программы «Прекрасный Китай».

В данном контексте необходимо отметить, что все модернизационные преобразования являются последовательным продолжением целенаправленной и планомерной политики КПК и Правительства КНР, которая определена как политика «сяокан». На 16 съезде ЦК КПК впервые прозвучали приоритетные детерминанты данной политики – «Всестороннее строительство общества сяокан»¹⁵⁹ – то есть представление об «домашнем, теплом, уютном обществе», в основу которого заложены традиционные семейные ценности, процветает равенство, свобода и согласие, что составляет прочный фундамент социальной стабильности китайского общества¹⁶⁰.

Дэн Сяопин сказал: «Четыре модернизации, к осуществлению которых мы стремимся, – это модернизации китайского типа. Наша концепция «четырёх модернизаций» – это не та концепция модернизации, которую вы восприняли. Мы имеем в виду "семью сяокан". В конце нынешнего столетия, даже если мы достигнем определенной цели в нашем деле модернизации, наш среднестатистический показатель валового национального продукта останется довольно низким. Чтобы выйти на уровень более богатых стран третьего мира, скажем, со среднестатистическим ВВП в 1000 долл. США, нам следует прилагать

¹⁵⁹ Сяокан – цель развития КНР к 2000 году: увеличение ВВП до уровня мировых развитых стран, создание условий для увеличения среднего уровня жизни, обеспечении всего населения одеждой и питанием и т.п. В качестве механизмов достижения Сяокан, Дэн Сяопин определял необходимость «поставить во главу угла развитие науки, техники и народного образования, чтобы экономическое строительство опиралось на научно-технический прогресс и высокий профессионализм тружеников»./ XIII съезд КПК и реформа в Китае: Сб. статей о Китае / Под ред. Су Вэньминь. Пекин, 1987. – с. 64-66.

¹⁶⁰ Ба, Цзиньсинь Стратегия развития Китая, основанная на «выходе за границу» // Китай в мировой и региональной политике (История и современность): сборник ИДВ РАН; Ред.-сост. Е.И. Сафронова. – М.: РАН, Ин-т Дальн. Востока, 2005. – С.140-152.

еще немалые усилия. Китай в этом случае по-прежнему будет находиться в состоянии "сяокан"»¹⁶¹.

Вместе с тем, главным базисом «китайского чуда» является не только комплексный и многоуровневый процесс социальных преобразований, который предполагает ... масштабный экономический прогресс, но и значительные политические и культурные перемены¹⁶².

Особенно это касается сферы идеологического реформирования. Начиная курс реформ, архитектор модернизации Дэн Сяопин учитывал немаловажный, а вернее, решающий факт – многовековые традиции китайского менталитета. Исторический опыт показал, что попытка отказаться от этих традиций, дискриминировав конфуцианство (политика Мао Цзедуна) не только не имела успеха, но и привела к духовному дисбалансу общества и социальному хаосу. Для того, чтобы обеспечить условия для социальной стабильности и процветания общества необходимо использовать опыт тысячелетий и повернуть традиции нации лицом к новым условиям. Идеалы конфуцианства – гармония и порядок, а не покорение природы и преобразование общества, стали основой создания новой идеологии¹⁶³.

В своей научной статье в журнале «Теория и практика общественного развития» Я. Ван пишет: «...Реализация конфуцианской идеи «малого благоденствия» (политика «сяокан»), включенной Дэн Сяопином в стратегический курс развития страны обусловило тот факт, что практически за одно поколение произошел стремительный по своим масштабам скачок, преобразовавший полуфеодальное государство, которое сотрясали внешние и внутренние катаклизмы, в мощнейшую державу – мирового лидера, успешно конкурирующего на мировом пространстве. Эти процессы повлекли мощнейшие изменения национального самосознания. Гордость за национальные успехи, ощущение личностной причастности к глобальным

¹⁶¹ "Сяокан" – это модель идеального общества. Китай от Конфуция до Цзян Цзэминя/ЦентрАзия. Электронный ресурс: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1037055540>

¹⁶² Статистический ежегодник КНР за 2009 г., Пекин: Национальное статистическое бюро КНР, 2010 (на кит. яз.).

¹⁶³ Конституция КНР. 1-е изд. Пекин. – 1983. – Ст. 24.

изменениям дала сильнейший импульс к усилению мотивации китайского народа к саморазвитию, и, прежде всего, к возрождению национальной самоидентификации китайцев как великой нации и роли Китая как образца для других стран. Возрождение традиционных представлений о центральном месте Китая в мировом сообществе, высокий уровень традиционной национальной культуры, специфические черты национального характера определяющим образом сместило акценты государственной политики с количественных показателей, в область качества. Это не только и не сколько качество экономических, производственных или иных показателей. Это глубинные трансформации национального мировоззрения и национальной идеологии»¹⁶⁴.

Партия и правительство привнесли в коммунистическую идеологию традиционные национальные идеи конфуцианства, которые на генетическом уровне сохранялись в национальном менталитете, и это позволило консолидировать общество. Новый курс реформ, четко «привязанный» к традициям конфуцианства нашел отклик в сердцах рядовых китайцев.

Таким образом, необходимо отметить стабилизирующее и укрепляющее воздействие конфуцианства на социальные институты

Несмотря на прямую и непосредственную связь конфуцианства с институтом власти, само это слово предполагает учительство и наставничество, что предопределяет воздействие конфуцианства и на институты образования и семьи, в которой проходит не только первичная социализация, но и закладываются основы самых широких взаимоотношений со всеми сферами общества. Являясь самой распространённой, проработанной и влиятельной китайской политической традицией, конфуцианство не может не затрагивать и прочие институты социальной, экономической и других сфер общества. В этой связи исследование институционального и межинституционального влияния конфуцианства в современном китайском

¹⁶⁴ Ван, Я. Социальная миссия университетов КНР в условиях модернизации / Я. Ван // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 5(123). – С. 62-68.

обществе на основе именно институционального подхода представляет определённую научную новизну.

Самый яркий сторонник конфуцианства в современном Китае Кан Сяогуан утверждает преобладающие роль, значение и ценность этого учения для китайских социальных институтов в сравнении не только с западной либеральной демократией, в которой по его выражению всё решают деньги, а не волеизъявление народа, но и с коммунизмом, который слишком вестернизировал Китай¹⁶⁵. Он считает, что именно конфуцианство должно стать фактически государственной религией. При этом исследователь трудов Кана Сяогуана Дэвид Оунби подчёркивает центральную значимость конфуцианства для становления многих институтов китайского общества, даже института религии, который «существовал на Западе в XIX веке, но в Китае его не было»¹⁶⁶.

Особое место в заключительном параграфе работы хотелось бы отвести возрождению конфуцианских ценностей и его проявлению.

В современном Китае наблюдается целенаправленное возрождение конфуцианских ценностей, проявление которого можно обобщить в следующие аспекты.

Институт образования. Включение конфуцианских принципов в образовательные программы, например, изучение классических текстов в школах, введение курсов по конфуцианству в учебные программы. Так, с 2014 года в школах внедряются учебники по «традиционной культуре», где акцент делается на конфуцианских принципах сыновней почтительности (сяо), социальной гармонии (хэ) и уважения к иерархии (ли). Например, в провинции Шаньдун, на родине Конфуция, 80% школ включили в расписание уроки по изучению «Лунь Юй» – главной книги конфуцианства.

¹⁶⁵ Kang, Xiaoguang. Confucianization: A Future in the Tradition / Xiaoguang Kang, Liu Huiqing // Social Research. – 2006. – Vol.73. – №1. – pp. 77-120.

¹⁶⁶ Ownby, D. Kang Xiaoguang: Social Science, Civil Society, and Confucian Religion / D. Ownby // China Perspectives. – 2009. – №4. – P. 110.

Институт медиа. Использование конфуцианской риторики во внутривластном дискурсе с задействованием понятий гармонии, иерархии, лояльности и др.

Институт семьи. Внедрение социальных программ, поддерживающих семейные ценности и уважение к старшим, как часть государственной политики.

Социальная политика. Включение принципов «социальной гармонии» (和谐社会) в программы борьбы с бедностью, где акцент делается на коллективной ответственности, что коррелирует с конфуцианской идеей «взаимности» (шу). Также конкретные инициативы правительства, направленные на популяризацию конфуцианских принципов в обществе, такие как «Социальный кредит» и другие меры, способствующие укреплению общественной морали.

Институт религии. Восстановление конфуцианских храмов и проведение ритуалов, которые поддерживают культурную идентичность, например, празднование Дня Конфуция, включая проведение ежегодных церемоний в честь Конфуция на его малой родине в Цюйфу с участием государственных лиц. Создание «Институтов конфуцианства» (如孔子学院) за рубежом и внутри страны.

Современный исследователь китайского общества Даниэл Бэлл рассматривает роль конфуцианства в современном противостоянии Китая западным институтам власти, основанным на либеральной идеологии, и институтам коммуникации, основанным на американских транснациональных ИТ-корпорациях¹⁶⁷.

Китайский исследователь Чэньян Ли подтверждает сохраняющуюся роль в обществе такого центрального понятия в конфуцианстве, как гармония¹⁶⁸. На основе сравнительного анализа он утверждает, что вопреки

¹⁶⁷ Bell, D.A. From Communism to Confucianism: China's Alternative to Liberal Democracy / D.A. Bell // New Perspectives Quarterly. – 2010. – Vol. 27. – P. 18-29.

¹⁶⁸ Chenyang, Li. The Confucian Philosophy of Harmony / Li Chenyang / Routledge, 2014. – 192 p.

распространенному на Западе мнению, конфуцианская гармония – это не просто соглашение, её необходимо достигать и поддерживать творческим напряжением. Под влиянием веберовского прочтения конфуцианства как "приспособления" к миру с лежащим в его основе фиксированным космическим порядком конфуцианская гармония систематически неправильно истолковывалась на Западе, как предполагающая неизменную великую схему вещей, которая уже существует в мире, к которой человечество должно приспособливаться. Напротив, конфуцианская гармония – это динамичный процесс, направленный на уравнивание и примирение противоречий и конфликтов посредством совместного гибкого подхода. Идея о динамичности конфуцианской гармонии предполагает создание устойчивых социальных связей, при которых разнообразие мнений и интересов является неотъемлемой частью социальной стабильности. Автор подчёркивает основные принципы конфуцианства, заключающиеся в стремлении поддержания порядка, стабильности и мира.

Важность и влияние идей конфуцианства в поддержании социальной стабильности в аспекте института власти подчёркивает китайский исследователь Ли Сяосюань ¹⁶⁹. Автор приходит к выводу об институциональности воздействия конфуцианства на политическую и культурную сферы современного китайского общества через построение современной модели государственного управления и сбалансированного взаимодействия органов власти и учреждений.

Так же необходимо особое место отвести научному обоснованию важности конфуцианских ценностей для поддержания социальной стабильности.

Конфуцианские ценности способствуют поддержанию и укреплению социальной стабильности вследствие действия следующих механизмов.

¹⁶⁹ Ли, Сяосюань. Роль конфуцианства во внутренней политике современного Китая / Сяосюань Ли // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 25. – С. 91-106.

Во-первых, это укрепление доверия к власти и снижение уровня социального протеста, поскольку они прививают уважение к иерархии власти. При этом обеспечивается легитимация власти по принципу «мандата Неба» (天命), укореняющему представление о власти как о моральном авторитете. В современном Китае это трансформировалось в концепцию «социализма с китайской спецификой», где партия позиционируется как наследник конфуцианской мудрости.

Во-вторых, это формирование социального согласия через распространение общих ценностей. При этом задействуется принцип «хэ» (гармония), укрепляющий коллективную идентичность.

В-третьих, это поддержание традиционных представлений о семье, что играет важную роль в социальной поддержке и горизонтальных связях, купирующих социально дестабилизирующие проявления на индивидуальном уровне. При этом задействуется конфуцианская идея «сыновней почтительности» (сяо), которая призвана снизить межпоколенческие конфликты.

Конфуцианские ценности, такие как уважение к власти, семейные узы и социальная гармония, способствуют формированию доверия к государственным институтам и укреплению социальной сплоченности, что, в свою очередь, значительно поддерживает социальную стабильность в Китае.

Положительное действие этих механизмов на основе конфуцианских ценностей по отношению к социальной стабильности подтверждается исследованиями по модели Минкова-Хофстеде¹⁷⁰. Эта модель выделяет несколько культурных измерений.

1. Дистанция власти. Конфуцианство подчеркивает уважение к власти и иерархии, что прямо связано с высокой дистанцией власти. В этом контексте уважение к старшим и авторитетам способствует более предсказуемым и стабильным социальным отношениям, где каждый знает свою роль и

¹⁷⁰ Минков, М. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой / Минков М., Соколов Б., Ломакин И. // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 287-317.

обязанности. Таким образом, социальные иерархии, основанные на конфуцианских принципах, помогают поддерживать порядок и стабильность в обществе.

2. Коллективизм-индивидуализм. Конфуцианские ценности акцентируют внимание на коллективных интересах, семейных связях и социальной гармонии. Это создает основу для сплоченности в сообществе и способствует сотрудничеству как механизму подчинения индивидуальных интересов общественным. Высокий уровень коллективизма также ведет к меньшему количеству конфликтов, так как люди направляют свои усилия на общие цели.

3. Мужественность-женственность. Конфуцианство предпочитает такие качества, как мудрость, терпение и забота о других, что более соответствует «женственным» социальным ценностям. Это способствует созданию более гармоничного общества, где существенное внимание уделяется сотрудничеству, эмпатии и заботе о других. Таким образом, такие ценности помогают уменьшить социальную напряженность и конфликты, а предполагающаяся при этом взаимная поддержка явно способствует укреплению социальной стабильности.

4. Избегание неопределенности. Конфуцианские учения выступают за наличие четких правил и предписаний, что помогает обществу минимизировать неопределенность, которая постулируется в конфуцианстве как риск дестабилизации. Жизненные цели и социальные роли четко определены, что способствует предсказуемости и стабильности как социальных процессов, так и социальных механизмов.

5. Долгосрочная ориентация или укорененность в прошлом. Конфуцианство высоко ценит традиции и историческую память. Это создает связь между поколениями и способствует следующему процессу социализации. Когда ценности, основанные на истории и традициях, поддерживаются, общество становится более устойчивым и в меньшей степени подвержено разрушительным изменениям. Это измерение появилось

в модели позже, когда Хофстеде, основываясь на работах канадского психолога Майкла Бонда ¹⁷¹. Первоначальное название «конфуцианский рабочий динамизм» Хофстеде изменил на «долгосрочная ориентация». В данном измерении противопоставляются вложения в будущее посредством накоплений и вложений в получение современного образования, с одной стороны, и приоритет настоящего и прошлого, проявляющегося в акцентировании важности традиций и противлении личностным и социальным переменам, с другой стороны. В современном китайском обществе в его безудержном стремлении к технологическому прогрессу сохраняется и место исторической преемственности конфуцианства, которое оказывает сдерживающую роль, напоминая о традиционных ценностях.

6. Снисходительность-ограничение. Это измерение было добавлено в модель уже в начале XXI века. «Снисходительные» общества позволяют своим членам жить так, как они хотят и считают нужным, в особенности в сфере досуга. В то же время в «ограничивающих» культурах индивидуальная свобода подавляется, в результате чего их представители чувствуют себя менее счастливыми. Общества с высокими уровнями «ограничения» склонны поддерживать строгие социальные нормы и правила, в отличие от «снисходительных» культур, которые предоставляют больше свободы выбора и возможности для самовыражения. Конфуцианские ценности сами по себе накладывают определенные ограничения на индивидуальные действия в пользу коллективных интересов, что наблюдается в современной китайской внутренней политике в виде политического контроля. Однако, важно отметить, что в «снисходительных» обществах также может наблюдаться устойчивость и стабильность, но за счет других механизмов, например, через более гибкие и инклюзивные социальные структуры. В таких контекстах конфуцианские ценности могут быть адаптированы, сохраняя элементы уважения и иерархии, но с большей свободой для самоидентификации и

¹⁷¹ Bond, M. Chinese Values and the Search for Culture-Free Dimensions of Culture / M. Bond // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 1987. – 18(2). – P. 143-164.

самовыражения. Конфуцианские ценности создают основу для поддержки социальной стабильности в «ограничивающих» обществах, где приоритетом являются коллективные интересы, иерархия и соблюдение традиций. Эти элементы способствуют установлению гармонии, взаимопомощи и социальной ответственности. Однако и в условиях «снисходительных» обществ конфуцианство будет востребовано в части гибкости ради гармонии, что позволит сохранять баланс между индивидуальными свободами на низовом уровне повседневных социальных практик и социальной гармонией на макроструктурном уровне социальных институтов.

Наиболее полное, статистически значимое и дифференцирующее эмпирическое подтверждение, прежде всего в исследованиях MediaCom и Hofstede Insights в 2015 г., нашли два из шести измерений модели Минкова-Хофстеде, это коллективизм-индивидуализм и монументальность-гибкость¹⁷². В китайском обществе государственные институты появились рано, а хозяйственный уклад испокон веков основывался на сложных, составных видах деятельности. Так, выращивание риса являлось крайне трудоёмким делом, в которое вовлечено множество людей, что требует согласованности действий в коллективе и даже продолжительный отказ от удовлетворения индивидуальных потребностей. При этом в обществе укореняется установка на проявление гибкости, умения подстраиваться, поддерживать общую гармонию. Ценности общественной гармонии, преобладание общественных интересов над частными, уважения к власти и готовность подстраиваться под её требования, будучи составляющими социальной стабильности, являются традиционными для китайского общества и закреплены в конфуцианстве. Таким образом, и в современном китайском обществе сохраняется преемственность ценностей социальной стабильности, формализованных в постулатах конфуцианства.

¹⁷² Минков, М. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой / Минков М., Соколов Б., Ломакин И. // Социологическое обозрение. – 2023. – Т. 22. – № 3. – С. 287-317.

Усовершенствование социально-управленческих механизмов управления социальной стабильностью является важной задачей для обеспечения устойчивого развития общества. Можно выделить несколько ключевых общих направлений, которые могут способствовать улучшению этих механизмов через реализацию государственных программ в соответствующих сферах.

1. Интеграция традиционных ценностей в современное управление.

Сохранение культурного наследия. Внедрение конфуцианских и других традиционных ценностей в социальную политику может укрепить социальные связи и повысить уровень доверия к государственным институтам. Программы, направленные на воспитание уважения к старшим и семейным ценностям, могут способствовать социальной гармонии.

Образовательные программы. Разработка образовательных программ, которые акцентируют внимание на традиционных ценностях и их значении для социальной стабильности, может помочь формировать у граждан чувство ответственности за всё общество.

2. Улучшение механизмов участия граждан в управлении.

Развитие гражданского общества. Поддержка инициатив, направленных на развитие общественных организаций, может повысить уровень вовлеченности граждан в процессы принятия решений. Это позволит учитывать мнения и потребности различных социальных групп.

Платформы для диалога. Создание открытых платформ (постоянно действующих очных форумов, съездов и т. п.) для обсуждения социальных проблем и предложений по их решению может способствовать более эффективному взаимодействию государства с обществом.

3. Использование современных технологий.

Цифровизация управления. Внедрение цифровых технологий в социальное управление (использование больших данных, интеллектуальной аналитики) может повысить эффективность мониторинга социальных процессов и выявления потенциальных угроз стабильности.

Цифровые платформы для обратной связи. Развитие онлайн-платформ в части сервисов по сбору мнений и предложений граждан по вопросам социальной политики может улучшить качество принимаемых решений и повысить уровень доверия к власти.

4. Адаптация к изменениям в социальной структуре.

Гибкость социальных программ. Социальные программы должны быть адаптированы к изменениям в демографической и экономической ситуации. Это включает в себя регулярный анализ потребностей различных групп населения и корректировку программ в соответствии с этими потребностями.

Поддержка уязвимых групп. Разработка специализированных программ для поддержки уязвимых групп населения (молодежи, пожилых людей, временно безработных) может снизить уровень социальной напряженности и повысить общую стабильность.

5. Мониторинг и оценка эффективности.

Системы мониторинга. Совершенствование систем мониторинга социальных процессов и оценки эффективности реализуемых программ позволит своевременно выявлять проблемы и корректировать действия.

Научные исследования. Поддержка научных исследований в области социологии и социальных наук может способствовать более глубокому пониманию социальных процессов и выработке обоснованных рекомендаций для управления социальной стабильностью.

6. Международное сотрудничество.

Обмен опытом. Участие в международных проектах и обмен опытом с другими странами могут помочь в разработке эффективных практик управления социальной стабильностью.

Участие в глобальных инициативах. Вовлечение в глобальные инициативы по решению социальных проблем (например, устойчивое развитие, борьба с неравенством) может способствовать улучшению внутренней социальной политики.

Усовершенствование социально-управленческих механизмов управления социальной стабильностью требует комплексного подхода, который учитывает, как традиционные ценности, так и современные вызовы. Важно, чтобы эти механизмы были гибкими, адаптивными и ориентированными на потребности общества, что позволит обеспечить устойчивое развитие и гармонию в социальной среде. Представленные направления актуальны для всех трёх видов механизмов социально-управленческих механизмов управления социальной стабильностью.

При этом для КНР важнейшими направлениями совершенствования этих механизмов являются следующие.

1. К мерам по усовершенствованию когнитивного механизма относятся:
 - распространение конфуцианских ценностей через институты медиа и образования;
 - внедрение курсов по конфуцианству в программы повышения квалификации учителей в целях обеспечения кадрами соответствующих образовательных программ;
 - расширение интеграции в образовательные программы, включая более широкий охват учебных заведений дисциплинами, посвященными конфуцианским ценностям, развивающими не только теоретические знания, но и практические навыки критического мышления и реализации социальной ответственности;
 - масштабирование целевых медиа-кампаний по популяризации конфуцианских ценностей в различных форматах (видео, статьи, подкасты) для достижения как можно более широкой аудитории;
 - разработка дополнительных программ сотрудничества с неправительственными организациями по реализации общественных мероприятий, семинаров и дискуссий, направленных на обсуждение и распространение конфуцианских ценностей, с развитием системы «конфуцианских» грантов;

– интеграция общегосударственных, региональных и местных механизмов сбора обратной связи от населения и организаций различных регионов и отраслей о восприятии конфуцианских ценностей и их влиянии на социальную стабильность.

2. К мерам по усовершенствованию традиционного механизма относятся:

– расширение поддержки конфуцианских ритуалов и традиций в формате массовых мероприятий;

– расширение государственной поддержки, включая увеличение финансирования мероприятий, связанных с конфуцианскими ритуалами и праздниками в формате фестивалей, выставок и прочих культурных массовых мероприятий;

– распространение практики создания общественных центров, в которых проводятся занятия по традиционным искусствам, ремеслам и ритуалам по конфуцианской тематике, что будет способствовать укреплению социальной связи и идентичности;

– усиление программ по поощрению многопоколенных семей и заботе о пожилых родственниках в соответствии с конфуцианскими принципами, что снизит социальное одиночество и будет способствовать социальной стабильности через укрепление горизонтальных связей в повседневной жизни населения;

– использование средств массовой информации для популяризации конфуцианских ритуалов и традиций, что будет способствовать созданию положительного образа конфуцианства как основы социальной стабильности и повысит интерес к традиционному наследию социального единства.

3. К мерам по усовершенствованию технологичного механизма относятся:

– интенсификация медийного дискурса в цифровых сервисах и платформах о важности социальной стабильности и традиционных объединяющих начал;

- популяризация платформ для онлайн-обучения, на которых пользователи могут изучать конфуцианские идеи и ценности и обмениваться кейсами практического их применения в формах интерактивных курсов, вебинаров и лекций от экспертов;

- разработка мобильных приложений и активное использование социальных сетей для распространения информации о конфуцианских ценностях с созданием контента, который будет легко восприниматься и будет доступным для широкой аудитории;

- внедрить геймификацию в виде квестов, викторин, настольных игр и т. п. в практику организованного и самостоятельного досуга, предполагающих связь традиций и современности;

- расширение и углубление использования аналитических инструментов для отслеживания восприятия конфуцианских ценностей в различных социальных слоях для своевременной оценки эффективности реализации программ укрепления социальной стабильности;

- усиление контроля над содержанием и направленностью цифровых сервисов, чтобы гарантировать, что транслируемые ценности соответствуют государственным интересам и способствуют социальной стабильности.

Выводы.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать тот факт, что основой современных кардинальных изменений китайского общества выступает четкая и последовательная политика Коммунистической партии Китая и Правительства КНР, направленная на обеспечения социальной стабильности. Эта политика многоаспектная и комплексная, ее основа институционализация стратегически важных механизмов жизнедеятельности государства и общества. В частности, создание мощнейших институтов нового типа — экономических, политических, культурных и идеологических. Основным вектором институционализации выступает качественно новое понимание деятельностного начала общественной жизни, консолидация всех

ресурсов страны и обеспечение всех условий для развития главного потенциала – людей.

Главным условием и источником «китайского чуда», обеспечивающим стабильное развитие «социализма с китайской спецификой» стало возрождение китайских традиций, сохранение национального социокода, что в конечном итоге и позволило обеспечить мощнейший и стремительный рост экономического и социального благосостояния и вывести КНР в число ведущих мировых лидеров.

Институционализация государственного управления как механизма поддержания социальной стабильности в КНР непосредственно связана с культурными особенностями, ценностными ориентациями и самобытными традициями древнейшей китайской цивилизации. В настоящее время традиционные ценности конфуцианства возрождаются после некоторого периода забвения и обретают скрепляющее значение в социуме, значительно способствуя поддержанию социальной стабильности.

Основные механизмы поддержания социальной стабильности в КНР, интегрирующие конфуцианские ценности.

Когнитивный механизм включает распространение конфуцианских ценностей через институты СМИ и образования в целях интеграции общества на основе единых ценностей, повышения доверия населения и организаций к власти, укрепления понимания важности социальной стабильности. Например, формирование в СМИ установки на «социальную гармонию», как одно из базовых положений конфуцианства, или издание в 2021 году учебника для средних школ «Мораль и закон», поясняющих конфуцианский социальный порядок и стабильность и содержащий разделы о конфуцианской этике как основе гражданственности.

Традиционный механизм задействует конфуцианские ритуалы и традиции, которые поддерживаются на государственном уровне, что укрепляет социальную сплоченность. В частности, государственная поддержка института семьи, с которой в конфуцианстве сравниваются сами

общество и государство. Это и отход от политики «одна семья – один ребенок», и поощрения рождения второго и последующих детей. Эти меры предполагают укрепление социальной стабильности через традиционные многодетные семьи. Конфуцианство также укрепляет и институт образования, в частности, китайский День учителя отмечается в день рождения самого Конфуция, при этом проводятся соответствующие церемонии во многих муниципалитетах. Кроме того, развитие конфуцианского ритуализма через символику и церемонии фактически подпитывает единую культурную идентичность и даже институционализирует самобытную китайскую религию.

Технологичный механизм предполагает использование цифровых сервисов и платформ собственной разработки для распространения конфуцианских идей (например, онлайн-курсы, социальные сети, поисковые системы, финансовые и социальные сервисы и др.), тем самым развивая институт коммуникаций на основе самобытного культурного и идеологического контекста. Подконтрольные национальному правительству цифровые сервисы позволяют при этом осуществлять и контроль над восприятием и приживаемостью в различных социальных слоях транслируемых ценностных установок. Отдельным технологичным механизмом является китайское изобретение под названием «Система социального рейтингования» или «Система социального кредита», которая основана на конфуцианском принципе «ли» (ритуал) для поощрения социально одобряемого поведения и связана с конфуцианской идеей «исправления имен» (чжэн мин), предполагающей соответствие статуса и обязанностей.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что опыт КНР убедительно показывает, что институциональные формы жизнедеятельности, закрепленные и поддерживаемые на государственном уровне, выступают главным условием социальной стабильности.

Заключение

Современное человечество, находящееся в условиях глобальных проблем, вызванных транзитарным характером цивилизационного развития, ищет пути для создания условий стабильного развития, в рамках которого станет возможным решение проблем планетарного масштаба. Политическая и экономическая нестабильность, военные конфликты, культурный и религиозный дисбаланс, экологические катастрофы – эти проблемы стоят сегодня перед всеми государствами и выступают факторами социальной нестабильности, которая может привести современную цивилизацию к катастрофе. Соответственно, создание условий для социальной стабильности входит в число приоритетных направлений политики, направленных на выход из глобального, которую проводят ведущие мировые державы. Каждое государство, каждое современное общество ищет собственный путь, но, вместе с тем, использует опыт других государств, эффективность которого доказана на практике. Одним из таких государств, опыт которого может стать действенным политическим инструментом, сегодня является Китай.

Китайская Народная Республика в настоящее время является ведущим мировым лидером, занимающим передовые позиции на геополитической карте мира. Образованное в 1949 году молодое государство взяло курс на социалистическое развитие. За сравнительно короткий исторический период КНР, находившаяся в состоянии полной разрухи, политического, экономического, социального и культурного коллапса преодолела разруху и политические коллизии. Успешная реализация модернизационного курса, который продолжается 40 лет показал, что создание конкурентоспособного государства возможно только в условиях социальной стабильности. Причем, в контексте исторического опыта КНР социальная стабильность позиционируется не как догматическое статичное состояние государства и общества, а как мобильно изменяющееся поле социальной жизнедеятельности при сохранении системы государственных и социальных институтов. Опыт социально-экономического развития Китая со всей очевидностью показывает,

что социальная стабильность достигается при условии сохранения основополагающих аспектов государственного и социального устройства (ядро). В зависимости от изменяющихся условий, трансформируются лишь формы жизнедеятельности, дополняются или модифицируются направления государственной политики (периферия). В те исторические периоды, когда этих изменений не было, страна погружалась в стагнацию, за которой следовали социально-политические катаклизмы.

Социально-исторический опыт Китая уникален по своей сути. Основой государственной политики и управления на протяжении всей истории страны было конфуцианство, которое воплотило древние традиции и закрепились в качестве государственной идеологии в 221 году и сохраняло свои доминантные позиции до начала XX века. Базовыми основами конфуцианства стали идеологические установки патернализма, основанные на четкой социальной иерархии подчинения и нравственном начале. Государство позиционировалось как большая семья, в которой социальные роли обеспечивались выполнением ритуалов. Эти традиционные устои стали тем социокodem, которые определили главные аспекты национального менталитета на несколько тысячелетий. Попытки уничтожить этот социокodem приводили к социально-политическому хаосу, которые негативным образом сказывался на развитии страны. Используя многовековой исторический опыт КПК и правительство КНР, взяв курс на модернизационные реформы, определили в качестве базовых идеологических ориентиров именно традиционные конфуцианские установки, которые во многом коррелировали с социалистической идеологией (политика «сяокан»). Они успешно дополнились принципами «социализма с китайской спецификой» (социалистическая идеология с рыночной экономикой). Именно этот синтез древних традиций конфуцианства, социализма и рыночной экономики лежит в основе социальной стабильности современного Китая, которая всем миром воспринимается как «китайское чудо».

Важными условиями обеспечения социальной стабильности в современной КНР является последовательная и планомерная политика реформ и открытости, в рамках которой в течение 40 лет страна идет по пути строительства «общества благополучия».

Материалы диссертационного исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Проблематика социальной стабильности является актуальным объектом исследования представителей различных научных школ и направлений. В рамках научных исследований определен институциональный функционал данного феномена, выявлена его структура и структурные характеристики;

2. Социальная стабильность является одной из основных категорий социологии, которая рассматривается в едином контексте с исследованием общества, социальных процессов и социальных взаимодействий. По сути, социальная стабильность выступает их закономерным результатом;

3. В качестве базовых направлений социологического знания в рамках диссертационного исследования были выбран институциональный подход, который наиболее четко отражает понимание сущностной характеристики социальной стабильности. Автором отмечено, что исследование данного социального феномена с позиций институционализма наиболее полно отражает механизмы понимания социальной стабильности, а, следовательно, и позволяет выявить источники обеспечения условий для социальной стабильности в реальных условиях. Кроме того, автором выделяются структурно-функционалистский и конфликтологический подходы, которые позволяют расширить зону исследования данного феномена с позиций динамики социальной жизнедеятельности;

4. Исследования научно-методологических подходов, концепций и научных школ, проведенный автором позволил дать собственное определение социальной стабильности, которое позиционирует данный феномен как

динамичное социальное явление с устойчивыми структурообразующими элементами;

5. В качестве примера реальных действий по созданию и обеспечению социальной стабильности был представлен опыт китайского народа. В рамках проведенного исследования показано, что на протяжении нескольких тысячелетий социальная стабильность выступала в качестве основного принципа государственной идеологии и политики (конфуцианство), определяла вектор государственного управления;

6. В современном Китае доминирующее значение получили именно те традиционные принципы конфуцианства, которые, несмотря на коллизии и негативные факторы, сохранили ведущее значение в менталитете китайского народа. Эти принципы основаны на понимании социальной стабильности как результата консолидированной деятельности всего народа, основанной на понятиях морали, этики, трудолюбия, всеобщего равенства и благополучия.

7. Политика реформ и открытости, проводимая КПК И правительством КНР направлена на создание условий для обеспечения социальной стабильности в стране. Опыт 40-летней реализации модернизационного реформирования показывает, что базовыми аспектами модернизационного курса выступают не только и не сколько политические и экономические аспекты, сколько институциональные морально-этические идеалы, которые стали ориентирами современной государственной идеологии;

8. Генезис модернизационных процессов КНР убедительно показывает, что достижение социальной стабильности стало возможным только в условиях планомерной и целенаправленной деятельности партии и правительства КНР. Государственные и социальные институты получили свое устойчивое развитие в условиях поступательного развития, которое обеспечивается в рамках государственной политики. Опыт КНР показывает, с момента начала этапа реформирования правительство и Коммунистическая Партия КНР выступают актором социальных практик, обеспечивающих социальную стабильность и обеспечивающих социально-политические, экономические и

культурные модернизации. Социальная стабильность является главным условием и плацдармом для динамического и эффективного развития всех сфер жизнедеятельности государства и общества и обеспечивается только в условиях консолидированного единства государственных и социальных институтов.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать тот факт, что основой современных кардинальных изменений китайского общества выступает четкая и последовательная политика Коммунистической партии Китая и Правительства КНР, направленная на обеспечения социальной стабильности. Эта политика многоаспектная и комплексная, ее основа институционализация стратегически важных механизмов жизнедеятельности государства и общества. В частности, создание мощнейших институтов нового типа – экономических, политических, культурных и идеологических. Основным вектором институционализации выступает качественно новое понимание деятельностного начала общественной жизни, консолидация всех ресурсов страны и обеспечение всех условий для развития главного потенциала – людей.

Главным условием и источником «китайского чуда», обеспечивающим стабильное развитие «социализма с китайской спецификой» стало возрождение китайских традиций, сохранение национального социокода, что в конечном итоге и позволило обеспечить мощнейший и стремительный рост экономического и социального благосостояния и вывести КНР в число ведущих мировых лидеров.

Институционализация государственного управления как механизма поддержания социальной стабильности в КНР непосредственно связана с культурными особенностями, ценностными ориентациями и самобытными традициями древнейшей китайской цивилизации. В настоящее время традиционные ценности конфуцианства возрождаются после некоторого периода забвения и обретают скрепляющее значение в социуме, значительно способствуя поддержанию социальной стабильности.

Основные механизмы поддержания социальной стабильности в КНР, интегрирующие конфуцианские ценности.

Когнитивный механизм включает распространение конфуцианских ценностей через институты СМИ и образования в целях интеграции общества на основе единых ценностей, повышения доверия населения и организаций к власти, укрепления понимания важности социальной стабильности. Например, формирование в СМИ установки на «социальную гармонию», как одно из базовых положений конфуцианства, или издание в 2021 году учебника для средних школ «Мораль и закон», поясняющих конфуцианский социальный порядок и стабильность и содержащий разделы о конфуцианской этике как основе гражданственности.

Традиционный механизм задействует конфуцианские ритуалы и традиции, которые поддерживаются на государственном уровне, что укрепляет социальную сплоченность. В частности, государственная поддержка института семьи, с которой в конфуцианстве сравниваются сами общество и государство. Это и отход от политики «одна семья – один ребенок», и поощрения рождения второго и последующих детей. Эти меры предполагают укрепление социальной стабильности через традиционные многодетные семьи. Конфуцианство также укрепляет и институт образования, в частности, китайский День учителя отмечается в день рождения самого Конфуция, при этом проводятся соответствующие церемонии во многих муниципалитетах. Кроме того, развитие конфуцианского ритуализма через символику и церемонии фактически подпитывает единую культурную идентичность и даже институционализирует самобытную китайскую религию.

Технологичный механизм предполагает использование цифровых сервисов и платформ собственной разработки для распространения конфуцианских идей (например, онлайн-курсы, социальные сети, поисковые системы, финансовые и социальные сервисы и др.), тем самым развивая институт коммуникаций на основе самобытного культурного и идеологического контекста. Подконтрольные национальному правительству

цифровые сервисы позволяют при этом осуществлять и контроль над восприятием и приживаемостью в различных социальных слоях транслируемых ценностных установок. Отдельным технологичным механизмом является китайское изобретение под названием «Система социального рейтингования» или «Система социального кредита», которая основана на конфуцианском принципе «ли» (ритуал) для поощрения социально одобряемого поведения и связана с конфуцианской идеей «исправления имен» (чжэн мин), предполагающей соответствие статуса и обязанностей.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что опыт КНР убедительно показывает, что институциональные формы жизнедеятельности, закрепленные и поддерживаемые на государственном уровне, выступают главным условием социальной стабильности.

Немаловажным является и тот факт, также вытекающий из опыта развития КНР, что социальная стабильность – это не статическое состояние общества, это динамичное развитие, обусловленное мощными и качественными императивами государственного управления. Создание условий для стабильности и социальной гармонии позволило стране не только выйти из политического и экономического коллапса, обусловленного «зигзагами» исторического развития, но и создать уникальный и единственный в мире симбиоз современности и традиций, который воспринят в мире как «китайское чудо».

Список использованной литературы

Нормативные акты:

1. Конституция КНР. 1-е изд. – Пекин, 1983.

Книги, монографии, учебные пособия:

2. Аристотель Политика / Аристотель. – переводчик С. А. Жебелёв; под общей редакцией А. И. Доватура. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 297 с.
3. Арон, Р. Избранное: Введение в философию истории. / Р. Арон. – Пер. с фр. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.
4. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. / Д. Белл. Москва: Академия, 1999.
5. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл. Новая технократическая волна на Западе. Москва: Прогресс, 1986. – С. 330-342;
6. Бергер, Я.М. Экономическая стратегия Китая. / Я.М. Бергер. М., 2009.
7. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
8. Блау, П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель / П.М. Блау // Американская социологическая мысль: тексты. – М.:Изд-во МГУ, 1994. – С. 17.
9. Бурдьё, П. Социология социального пространства / П. Бурдьё. – Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. В 2-х т. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
10. Ван, М. Цзян Цзэминь шэхуйчжуи чжиду цзяньшэ лилунь юй шицзянь яньцзю (Теория и практика Цзян Цзэминя в области строительства социалистического режима). Цзинань, 2004.
11. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

12. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: «Прогресс», 1984.
13. Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. – М., 2005.
14. Гао, Ф. Чжэнчжисюе юй чжэнчжи тичжи гайгэ (Политология и реформа политической системы). Пекин, 2002; Фан Нин. Сяндай чжунгодэ синьчжэнчжи чжэсюе (Новая философия политики современного Китая). Шанхай, 2002.
15. Гегель, Г. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828. В записи Иоганна Эдуарда Эрсмана и Фердинанда Вальтера / пер. с нем. К. Александрова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 304 с.
16. Гегель, Г. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. / Г. Гегель. – М., 2002.
17. Гегель, Г. Феноменология духа. (Вступ. статья и комментарий Ю.Р. Селиванова) / Г. Гегель. – Москва: Академический Проект, 2008. – 767 с.
18. Гегель, Г.О структуре социального действия. / Г. Гегель. – М.: Академический проект, 2000.
19. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2000 – 528 с.
20. Го, Ц. Исследования современного конфуцианства в КНР / Циюн Го // Проблемы Дальнего Востока. – №.1. – 2008.
21. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / М. К. Горшков, П. Ли, П. М. Козырева [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2023. – 720 с.
22. Гэн, Х. Конфуцианство и его влияние на социально-политическую жизнь современного Китая / Х. Гэн. – Автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02. – Владивосток, 2011.
23. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М., – 2002.

24. Ден, С. Политическое влияние и политическая оценка современной китайской молодежи / С. Ден // Исследование молодежи. Пекин, 1998.
25. Дэн, С. Избранные сочинения / С. Дэн. – В 4-х тт. – Пекин: Жэньминь чу-баньшэ, 1994.
26. Дэн, С. Основные вопросы современного Китая / С. Дэн – М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 259 с.
27. Дэн, С. Строительство социализма с китайской спецификой / С. Дэн. – М.: Наука, 1997. – С. 71.
28. Дюркгейм, Э. Моральное воспитание. / Э. Дюркгейм / авт. предисл. П. Фоконне; пер. с фр., сост. и прим. А. Б. Гофман. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 456 с.
29. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм – М., 1996 г. – 432.
30. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. / Э. Дюркгейм. – Москва: Канон+: Реабилитация, 2006. – 349 с.
31. Запрудский, Ю. Конфликт и политика: новые перспективы. Современная конфликтология в контексте культуры мира. / Ю. Запрудский. Москва, 2001.
32. Здравомыслов, А. Г. Социология: теория, история, практика / А.Г. Здравомыслов; [отв. ред. Н. И. Лапин]; Институт социологии РАН. – М.: Наука, 2008. – 382 с.
33. Здравомыслов, А.Г. Поле социологии в современном мире. / А.Г. Здравомыслов. – М.: Логос, 2010. – 410 с.
34. Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель. – М., 2015. – 416 с.
35. История Китая / Под редакцией А.В. Меликсетова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 710 с.
36. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2022 / А.В. Афонасьева, К.В. Бабаев, Е.С. Баженова [и др.]; Министерство

науки и высшего образования Российской Федерации Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. – Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2023. – 432 с.

37. Ковалевский, М.М. Социология Герберта Спенсера / М.М. Ковалевский. Сочинения в двух томах. Т. I. СПб: «Алетейя», 1997. – С. 205.

38. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. Козер. – Пер. с англ. О. А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

39. Конт, О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / О. Конт. – Пер. с фр. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011.

40. Конт, О. Общий обзор позитивизма / О. Конт. – Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с.

41. Конфуций. «Лунь Юй» / Конфуций. – Пер. с кит. Л. С. Переломова. – М.: Восточная литература, 2000.

42. Конфуций. Антология гуманной педагогики. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1996.

43. Ли, Г. План обогащения государства / Г. Ли. – Пер. с кит. З. Г. Лапина. – М., 1985.

44. Малиновский, Б. Функциональный анализ / Б. Малиновский. Антология исследований культуры. Т.1 : Интерпретации культуры / Уайт Лесли Элвин, Мердок Джорж П., Гирц Клиффорд и др.; Сост. С.Я.Левит, Л.А. Мостова; Отв. ред. Л.А. Мостова. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 690.

45. Мао, Ц. Избранные произведения в 4 томах / Ц. Мао. – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1952.

46. Мао, Ц. Маленькая красная книжечка / Ц. Мао. – М.: Алгоритм, 2007. – 160 с.

47. Маркс, К.К критике гегелевской философии права / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. – Т.9. – С. 263.
48. Маркс, К.К. критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2, – Т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.
49. Матурана, У.Р. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела; перевод Ю.А. Данилова. – 2-е изд., доп. – Москва: URSS : ЛЕНАНД, 2019. – 316 с.
50. Мертон, Р. К. Явные и латентные функции / Р. К. Мертон // Американская социологическая мысль. – М.:Изд-во МГУ, 1994. – С. 406-407.
51. Милль, Д.С. Огюст Конт и позитивизм. / Д.С. Милль. – М.: Изд-во «ЛКИ», 2007. – 176 с.
52. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – Пер. с латин. Ю. М. Каган; Вступ. статья И. Н. Осинковского. Коммент. Ю.М. Каган и И.Н. Осинковского. – Москва: Наука, 1978. – 415 с
53. Общественное здоровье и формирование здорового образа жизни в России и Китае: сборник статей / Под ред. А. В. Петрова, Ван Сюй, Ян Юнькэ. – СПб.: Астерион, 2021 – 435 с.
54. Парсонс, Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс // О социальных системах / пер. с англ. А. Харраша; под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского – М., 2002. – С. 545-687.
55. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества. / Т. Парсонс. Американская социологическая мысль. – М.: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. – С. 462-525.
56. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 1997.
57. Парсонс, Т. Функциональная теория изменения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 436.
58. Платон. Горгий // Сочинения в 3 т. : пер. с древне-греч. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Т 1. М.: Мысль, 1968. – 631с.

59. Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / М.К. Горшков, П.М. Козырева, П. Ли [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2021. – 584 с
60. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцев. – 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М., 1999. – 479 с.
61. Сен-Симон, К.А. Избранные сочинения / К. А. Сен-Симон. – Москва: 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в М. – 2 т. – 1948.
62. Современное китайское государство / О.Ю. Адамс, Л.А. Афолина, Е. С. Баженова [и др.]. Том 1. – Москва: Российская академия наук, 2022. – 904 с.
63. Социальная политика в России и Китае / З.Т. Голенкова, М. М. Акулич, Е. Н. Данилова [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2016. – 528 с.
64. Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер // Тексты по истории социологии XIX-XX вв. Хрестоматия. – М., 1994.
65. Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения / М.К. Горшков, П. Ли, П. М. Козырева [и др.]. – Москва: Новый хронограф, 2018. – 544 с.
66. Статистический ежегодник КНР за 2009 г., Пекин: Национальное статистическое бюро КНР, 2010 (на кит. яз.).
67. Сунь, Я. Избранные произведения / Я. Сунь. – М, 1964.
68. Тойнби, А.Дж. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации. / А. Дж. Тойнби, С.Ф. Хантингтон. – М.: Алгоритм, 2016. – 88 с.
69. Томпсон, Р.Л. Механистическая и немеханистическая наука: исследование природы сознания и формы / Пер. с англ. Р. Волошин. – М.: Философская книга, 2018. – 302 с.
70. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 672 с.
71. Тоффлер, Э. Третья волна. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
72. Тоффлер, Э. Шок будущего. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2008. 560 с.

73. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. Перевод с французского. М. Научный мир 1998. – 204 с.

74. Факторы социальной стабильности провинциальных городов Китая (Жичжао) и России (Орёл): Информационный бюллетень социологической лаборатории: Научное издание / П.А. Меркулов, А.А. Алексеенко, Ю.В. Каира [и др.]. – Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. – 72 с.

75. Фурье, Ш. Избранные сочинения. / Ш. Фурье Под ред. и с вступ. статьей «Великий социалист-утопист» А. Дворцова; Акад. наук СССР, Ин-т философии. – Москва: Соцэкгиз, 1938-1939 (Л.: Тип. "Печатный двор"). Т. 1: Теория четырех движений и всеобщих судеб. Т. 1: Проспект и анонс открытия. – 1938. – 312 с

76. Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.

77. Худокормов, А.Д. История экономических учений / А.Д. Худокормов. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. – С. 67.

78. Цзян, Ц. О социализме с китайской спецификой / Ц. Цзян. – М., – Т. 1. 2002.

79. Чень, И. Китай: десятилетие реформ / И. Чень. – М., 1996.

80. Чжан С. Модернизационные процессы в Китае: социальный аспект / С. Чжан. – СПб, 1998.

81. Чжан, С. Модернизационные процессы в современном Китае: социальные аспекты / С. Чжан. – СПб., 1999.

82. Чжан, Ф. Власть закона и модернизация Китая / Ф. Чжан // Китай на пути модернизации и реформ. – Ч. 2. ИДВ РАН. – М., 1999.

83. Чэнь, Ц. Чжунхуа миньцзу вэйда фусиндэ чжэнчжи чжичэн (Цзян Цзэминь чжэнчжи сысян яньцзю) (Политика поддержки великого возрождения китайской нации (Изучение политических идей Цзян Цзэминя)) / Ц. Чэнь. – Наньчан, 2002.

84. Шаленко, В.Н. Социальные конфликты / Под ред. Добренкова В.И., Кравченко А.И. // Фундаментальная социология: в 15 томах, т. VI: Социальные деформации. Гл. 4, раздел 1. – М.: Инфра-М, 2005.
85. Шпенглер, О. Закат Европы. / О. Шпенглер. – М: «Наука», 1993. – 592 с.
86. Юаньчжу, Ц.С. Данцянь вого шэхуй фачжань ды цзедуаньсин тэчжэн [Этапные особенности современного социального развития Китая] / Ц.С. Юаньчжу // Чжунго цзинцзи шибао. – 2003.
87. Юренков, И. Н. Оборонно-промышленный комплекс в контексте социальной стабильности (социологический анализ) / И. Н. Юренков. – Саратов, 2019. – 169 с.
88. Acemoglu, D. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty / D. Acemoglu, J. Robinson. – New York. – Crown Publishers, 2012. – 571 p.
89. Coser, L.A. Continuities in the study of social conflict / L.A. Coser. – Free Press. – New York. – 272 p.
90. Jiang, Ts. Studying Jiang Zemin's ideas in the field of national security development, science, technology and industry. – Пекин, 2005.
91. North, D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance.
92. Parsons, T. On institutions and social evolution: selected writings / Leon H Mayhew, ed. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
93. Rostow, W.W. Politics and the Stages of Growth / W.W. Rostow. London: Cambridge University Press. – 1971. – 253 p.
94. Ruiping, Fan. Reconstructionist Confucianism: Rethinking Morality after the West. – Hong Kong, 2011.
95. Simmel, G. Gesamtausgabe / Hrsgg. von O. Rammstedt. Bd. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989.
- 96.

Публикации в периодических изданиях и научных сборниках:

97. Андрианов, В.Д. Роль Дэн Сяопина в разработке теории социализма с китайской спецификой и особенности современной модели социального рыночного хозяйства Китая / В.Д. Андрианов // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник. XXII Национальная научная конференция с международным участием, Москва, 14–16 февраля 2023 года. Том Выпуск 18 Часть 1. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. – С. 17-27.

98. Афонасьева, А.В. Диаспоральная политика КНР в эпоху Дэн Сяопина (1977-1992 гг.) / А.В. Афонасьева // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 225-236.

99. Ба, Ц. Стратегия развития Китая, основанная на «выходе за границу» / Ц. Ба // Китай в мировой и региональной политике (История и современность): сборник ИДВ РАН; Ред.-сост. Е.И. Сафронова. – М.: РАН, Ин-т Дальн. Востока, 2005. – С.140-152.

100. Богомолова, Ю.В. Сравнение результатов модернизации китайских политиков Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина / Ю.В. Богомолова // Актуальные проблемы истории, регионоведения и международных отношений: Сборник тезисов научно-практической конференции молодых исследователей, Нижний Новгород, 25 ноября 2011 года / Отв. редакторы А. М. Горохова, А.М. Брагова. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2021.

101. Бородич, В.Ф. Режим самовластия разрушительного типа – опыт Китая эпохи Мао Цзэдуна / В.Ф. Бородич // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2022. – № 2. – С. 56-66.

102. Бугайчук, Т.В. Основные условия формирования гражданской идентичности в Китайской народной республике / Т.В. Бугайчук, О. А. Коряковцева // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 2(16). – С. 5-15.

103. Буров, В.Г. Смена модели социально-экономического развития (К итогам XVI съезда КПК) / В.Г. Буров. // Марксизм: прошлое, настоящее и будущее. – М., 2003.
104. Вавилов, Н.Н. Испытание лидерством для России и Китая / Н.Н. Вавилов. Е.О. Подолько // Вопросы филологии. – 2020. – №3. – С. 85-87.
105. Ван, Я. Генезис системы высшего образования в Китае: социальный аспект // Общество: социология, психология, педагогика, издательство. / Я. Ван. – Краснодар: ООО Издательский дом ХОРС. – 2018. – № 1. С. 22-30.
106. Ван, Я. Социальная миссия университетов КНР в условиях модернизации / Я. Ван // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 5(123). – С. 62-68.
107. Веблен, Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? / Т. Веблен // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 99-111.
108. Виноградов, А.В. Система общественного доверия в КНР / А.В. Виноградов, Л.А. Афонина // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 3. – С. 125-127.
109. Горшков, М.К. Опыт изучения среднего класса и среднедоходных слоев в современной России / М.К. Горшков // Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения. – Москва: Новый хронограф, 2018. – С. 5-20.
110. Гудошников, Л.М. Система государственного управления в КНР / Л.М. Гудошников // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – С. 36-44.
111. Ефременко, Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской политики / Д.В. Ефременко // Политическая наука. – 2012, №1. – С. 51-68.
112. Изотов, Д.А. Россия и Китай: текущие проблемы торговых взаимодействий и долгосрочные перспективы сближения экономик / Д.А.

Изотов // Власть и управление на Востоке России. – 2023. – № 3(104). – С. 70-87.

113. Исторические события в жизни Китая и современность / Российская академия наук; Федеральное автономное государственное учреждение науки Институт Китая и современной Азии. Том Выпуск VII. – Москва: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. – 288 с.

114. Каира, Ю.В. Коммуникативная роль традиционных ценностей в поддержании социальной стабильности китайского общества / Ю.В. Каира, Ц. Лю // Коммуникология. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 111-121.

115. Каира, Ю.В. Социальная стабильность китайских провинций (на материалах города Жичжао) / Ю.В. Каира, Ц. Лю // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Т. 18, № 5. – С. 115-130.

116. Каира, Ю.В. Сравнительный анализ факторов социальной стабильности провинциальных городов на ПРИМЕРЕ Г. Орла и г. Жичжао / Ю. В. Каира // Социологический альманах: Материалы XV Орловских социологических чтений, Орел, 08 декабря 2023 года. – Орел: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. – С. 37-41.

117. Карташова, В.Н. Особенности межкультурной коммуникации в Китае / В.Н. Карташова, В. Чжан // Культура в фокусе научных парадигм. – 2023. – № 16. – С. 55-60.

118. Киселев, В.И. Основания устойчивости системы «совместная деятельность» на различных этапах её развития / В.И. Киселев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013, №4. – С. 92-98.

119. Колин, К.К. Социальная стабильность общества как фактор национальной и глобальной безопасности / К.К. Колин // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 2(18). – С. 4-11.

120. Коммонс, Дж. Р. Институциональная экономика / Дж. Р. Коммонс // TERRA ECONOMICUS, том 10, №3, 2012. – С.69-76.
121. Кондрашова, Л.И. «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения / Л.И. Кондрашова // Проблемы Дальнего Востока. – №4. – 2002.
122. Ли, Х. Сегодняшний Китай и китайско-российские отношения / Хуэй Ли // Проблемы Дальнего Востока. – № 6.– 2011.
123. Ли, Ч. Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века / Ч. Ли, Ц. Ван // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – №8. – С. 51-56.
124. Линь, Я. Формирование культуры гармоничного социалистического общества / Я. Линь // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – No 1;
125. Лиханова, И.В. Дестабилизирующие факторы политического процесса и национальная безопасность: современный теоретический дискурс / И.В. Лиханова // Вестник Московского университета. – Сер. 12. – Политические науки. – 2004. – № 3. – С. 59-67.
126. Ломанов, А.В. Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае / А.В. Ломанов, О.Н. Борох // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 5.
127. Лю, Ц. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая / Ц. Лю // Полис. – № 4. –2009.
128. Лю, Ц. Социальная стабильность в стране: генезис понятия / Ц. Лю // Социология. – 2018. – №2. – С. 150-154.
129. Лю, Ч. Идея «ценности гармонии» в построении китайского «социалистического гармоничного общества» (традиционализм и современность) / Ч. Лю // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. – № 9. – 2011.
130. Лян, Ш. Об учении Конфуция / Ш. Лян // Проблемы Дальнего Востока. – № 5. –2011.

131. Ма, Л. Партия в Синьцзяне. Практика управления и откровения – на примере города Урумчи / Л. Ма / Материалы «Форума социальных наук Синьцзяна». – Урумчи, 2015.
132. Макеева, С.Б. Проблемы неравномерного развития Китая в работах китайских ученых-регионоведов / С.Б. Макеева // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 225-236.
133. Малявин, В.В. К пониманию глобальной стратегии Китая / В.В. Малявин // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 96-108.
134. Малявин, В.В. О китайской цивилизации / В.В. Малявин // Российское китаеведение. – 2022. – № 1. – С. 95-111.
135. Мамаева, Н.Л. КПК на современном этапе развития (конец XX – начало XXI вв.) / Н.Л. Мамаева // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – №2. – С. 43-54.
136. Мамаева, Н.Л. Современные историки КНР о республиканском периоде истории Китая (1912-1949). От старых стереотипов к новым подходам / Н.Л. Мамаева // Новая и новейшая история. – 2009. – № 6. – С. 127-138.
137. Мао, Ч. Преобразования конституционного строя и развитие правового сознания / Ч. Мао // Вопросы философии. – № 1. – 2008.
138. Морев, Д.А. Амартия Сен и ограниченность утилитаризма / Д.А. Мореев // Экономическая теория. – 2010. – № 8 (69). – С. 37-41.
139. Муталимов, В.А. Теоретические основы исследования макроэкономической стабильности / В.А. Муталимов // Вестник социально-педагогического института, № 4 (12). – 2014. – С. 60-69.
140. Мухаровский, Н.В. Регрессивная трансформация экономических систем: сущность и причины / Н.В. Мухаровский, П.Г. Габайдулин // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. – 2012. – №1. – С. 47-53.
141. Паин, Э.А. Проблемы гражданской нации в России и на Западе: общее и особенное / Э.А. Паин, С.Ю. Федюнин // Политическая

концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2018. – №1. – С. 171-191.

142. Песцов, С.К. Трудная периферия: стратегия и результаты оживления «ржавого пояса» Китая / С.К. Песцов // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – Т. 22, № 3. – С. 126-136.

143. Петров, А.В. Современная социология города в России и Китае: основные направления развития исследований / А.В. Петров // Современные города и социальное управление в России и Китае: сборник статей XIX российско-китайской социологической конференции, Санкт-Петербург, 21-22 апреля 2023 года / Российско-Китайский Центр сравнительных социальных, экономических и политических исследований направления «Социология» СПбГУ; Студенческое научное общество «Социология в России и Китае» СПбГУ. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. – С. 9-11.

144. Покостяева, А.А. Отечественные китаеведы о роли среднего класса в обеспечении социальной стабильности и процессах социального управления / А.А. Покостяева / Материалы XVII Международной научно-практической конференции «Россия – Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке», Чита, 26 апреля 2019 года; отв. ред. Ц.С. Дондоков. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 167-175.

145. Польшэ, Б. Двусмысленность когнитивного капитализма / Б. Польшэ // Логос, № 4 (61) – 2007. – С. 71.

146. Помозова, Н.Б. Дискурс-анализ концепции «Сообщества единой судьбы» человечества и ее рефлексивная составляющая / Н.Б. Помозова // Коммуникология. – Том 9. – № 2. – С. 79-87.

147. Почагина, О.В. Деформация семейных связей как угроза социальной стабильности в КНР / О.В. Почагина / VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации», г. Чита, 10 марта 2016 г.

Сборник статей. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2016. – С. 181-193.

148. Пшеничникова, С.Н. Факторный количественно-качественный анализ динамики ВВП России и Китая (эконометрическая модель Китая и общие выводы) / С.Н. Пшеничникова, Е.С. Наумова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2023. – № 6-1(144). – С. 12-18.

149. Савельева, Н.К. Сравнительная характеристика уровня и качества жизни населения на примере России и Китая / Н.К. Савельева, А.А. Созинова, А. М. Пашков // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2023. – № 3. – С. 241-259.

150. Смирнов, Д.А. Ден Сяопин и модернизация Китая / Д.А. Смирнов // Проблемы Дальнего Востока. – №5. – 2004.

151. Стульников, Э.Ф. Характер развития Культурной революции и изменение социально-политической обстановки в КНР / Э.Ф. Стульников // Молодой ученый. – 2014. – №6. – С. 617-619.

152. Су, Т.С. Исследование тенденций развития китайской молодежи / Т.С. Су // Исследование современной молодежи. – Пекин. – № 5. – 1992.

153. Сюй, Х. Особенности китайского национального характера (часть 2) / Х. Сюй // Молодой ученый. – 2011. – № 3 (26). – Т. 2. – С. 190-192.

154. Ту, В. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл // Полис. Политические исследования. – № 1. – 2012.

155. Тяньтянь, Ж. Исследования теории Дэн Сяопина в России за последние десять лет: основные школы и направления / Ж. Тяньтянь // Человек. Общество. Инклюзия. – 2023. – Т. 14, № 4-1(58). – С. 17-24.

156. Федосова, А.С. Конфуцианство в современном Китае / А.С. Федосова, О.Г. Моисеева // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. – 2021. – № 18. – С. 212-214.

157. Хватик, Я.В. Политика открытости» как фактор успешных реформ и модернизации КНР / Я.В. Хватик / Научные труды республиканского

института высшей школы. Минск: Изд-во: Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы». – №15. – 2016. – С. 139.

158. Хуан Ц. Влияние сотрудничества Китая и России на экономику Китая / Ц. Хуан // Научный аспект. 2023. – Т. 7. – № 5. – С. 857-861.

159. Чесноков, Э.О. От «трех принципов Дэн Сяопина» к «дипломатии волков-воителей»: трансформация внешнеполитической стратегии современного Китая / Э.О. Чесноков, Н.А. Аргылов // Власть. – 2022. – Т. 30, № 6. – С. 204-214.

160. Чжан, Д. Государственная программа «Национальное единство как семья» в Китае как механизм достижения социальной стабильности в стране / Д. Чжан // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – №4. – С. 285-293.

161. Чжан, До. Государственная программа «Национальное единство как семья» в Китае как механизм достижения социальной стабильности в стране / До Чжан // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – №4. – С. 285-298.

162. Чжан, Л. Проблемы современного состояния социальной стабильности в Китае / Л. Чжан // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – №7. – С. 87-89.

163. Чжан, С. Философия конфуцианства как основа национального характера китайцев / С. Чжан // София: электронный научно-просветительский журнал. – 2023. – № 2. – С. 57-62.

164. Чубаров, И.Г. Развитие городов Китая в рамках госпрограммы «урбанизации нового типа» / И.Г. Чубаров // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 1. – С. 139-148.

^{165.} Шерчкова, А.В. Анализ динамики роста экономики Китая / А.В. Шерчкова. Сборник научных трудов. Выпуск 8. Под научной редакцией Е.Н. Макаренко. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2022. – С. 125-129.

166. Юй, К. Демократия в Китае: вызов или шанс? / Юй К. / Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. – М.: Издательство «Европа», 2010. – С. 117-131.
167. Яницкий, О.Н. Турбулентные времена как проблема общества риска / О.Н. Яницкий // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. С. – 155-164.
168. Fan, P. The Impact of China's Social Structure and Social Consciousness on National Stability / P. Fan // Political Science Research, 2009. – pp.54-67.
169. Gao, H. Intention and Contemporary Significance of Chinese Social Stability / H. Gao // Academic Exploration. – No.3. – 2003. – pp. 94-96.
170. Lianhe, H. How does the gap between rich and poor affect social stability? / H. Lianhe, H. Angan // JiangXi Social Science, 2007, – pp.142-151.
171. Liu, Z. Practical framework in China Social Stability Risk assessment and the key focus / Z. Liu, C. Zhu // Journal of southwest university, 2014. – pp. 50-57.
172. Merton, R.K. Social Structure and Anomie / R.K. Merton // American Sociological Review. – Vol. 3, No.3. – 1938, – pp. 672-682.
173. Rosenau, J.N. Turbulence in world Politics: A Theory of Change and Continuity / J. N. Rosenau // Princeton: Princeton univ. press, 1990. – 480 p.
174. Tsingde, V. The Evolutionary Logic of Order in the Long-Term Stability of Contemporary Chinese Society / V. Tsingde // Journal of Shandong Socialist Institute. – No.1. – 2020. – pp.16-24.
175. Yu, Ts. Analysis of the Stability of China's Social Order / Ts. Yu // Study& Exploration. – №.9. – 2009. – pp.113-118.

Электронные ресурсы:

176. Дэн, С. – гений мировой экономики / Siluxgc. Новое наблюдение шелкового пути. 12.08.2016. Электронный ресурс: <http://ru.siluxgc.com/html/R1651/201608/04613831079.shtml>.
177. Зиммель, Г. Как возможно общество / Г. Зиммель. Электронный ресурс: <http://www.musa.narod.ru/zimm2.htm>
178. Китай. Период «Борющихся царств». Империя Цинь. Электронный ресурс: http://www.world-history.ru/countries_about/2002.html
179. Кондратьев, Н.Л. Избранные сочинения / Н.Л. Кондратьев / Ред. колл. Л.И. Абалкин и др. – Сост. В.М. Бондаренко, В.В. Иванов, С.Л. Комлев и др. – М.: Экономика, 1993. – 543 с. Электронный ресурс: <http://socioline.ru/pages/kondratev-nl-izbrannnye-sochineniya>
180. Конфуций [Кун-цзы] Беседы и высказывания [Лунь-Юй]. Электронный ресурс: <http://lunyu.ru/12/12>
181. Культурная и кровавая революция в Китае: начало, причины, этапы и последствия. Электронный ресурс: <https://mychinaexpert.ru/kulturnaya-revolyuciya-v-kitae/>
182. Кун-цзы. Лунь Юй, Глава 3 «БАИ». 3. Электронный ресурс: <http://taiji-bg.com/articles/confucianism/con1.htm#3>
183. Максимов, Д.А. Политические и правовые учения в Китае в конце XIX – начале XX века / Д.А. Максимов. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук – М., 2003. Электронные ресурс: <http://www.dissercat.com/content/politicheskie-i-pravovye-ucheniya-v-kitae-v-kontse-xix-nachale-xx-veka>.
184. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс, Электронный ресурс: <https://socialist.news/assets/pdf/manifest.pdf>
185. Мертон, Р.К. Социальная структура и аномия / Р. Мертон //Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966. Перевод с французского Е.А. Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс». Электронный ресурс: http://scepsis.net/library/id_632.html

186. Политика внешней открытости Китая. Электронный ресурс: <http://xn7sbbgpkiaact2d2af7p.xnp1ai754.html>.

187. Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. / А.Р. Рэдклифф-Браун. Пер. с англ. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – с. 166. Электронный ресурс: http://static.iea.ras.ru/books/Ethnographic_library/Radcliffe-Brown_Structure_and_Function.pdf

188. Селищев, А.С. Китайская экономика в XXI веке / А.С. Селищев, Н.А. Селищев – СПб: Изд-во Питер, 2004. Электронный ресурс: <https://economy-ru.com/mirovaya-ekonomika-uchebnik/vosstanovlenie-poslevoennoy-ekonomiki-1949-49582.html>.

189. Си, Ц. провозгласил четыре принципа национального развития КНР в новую эру /ТАСС. Информационное агентство России, 10.04.2018. Электронный ресурс: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5109125>

190. СМИ: председатель КНР призвал в 2018 году обеспечить стабильность и продвигать реформы / ТАСС. Информационное агентство России. 29.12.1017. Электронный ресурс: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4851464>

191. Спенсер, Г. Развитие политических учреждений / Г. Спенсер. – СПб.: Издание журнала «Мысль», 1882. – 510 с. Электронный ресурс: http://econlibrary.ru/books/91/80/spencer_political%20institutions_chi-iii.html.

192. Чжоу, С. Политика открытости в экономике Китая / С. Чжоу / Известия.iz. 05.07.2017. Электронный ресурс: <https://iz.ru/614964/chzhou-siaochuan/politika-otkrytosti-v-ekonomike-kitaia>

193. Чжоуянь, Т. Основные принципы управления государством и достижения прогресса в стабильности / Т. Чжоуянь. Гуанмин Жибао от 21.08.2017. Электронный ресурс: http://ru.theorychina.org/xsxy_2477/201710/t20171011_358418.shtml

194. IX Международный социальный конгресс «Страны БРИК в условиях глобального кризиса: потенциал и проблемы консолидации». Электронный ресурс: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=77&cntnt01origid=15&cntnt01returnid=15>.

195. XIX Съезд КПК: стабильность – залог развития страны. Электронный ресурс: <http://russian.cri.cn/news/Comment/383/20171022/42611.html>

196. Osborne, Peter. 1998. «Remember the Future? The Communist Manifesto as Historical and Cultural Form» // Panitch, Leo and Colin Leys, Eds., The Communist Manifesto Now: Socialist Register, London: Merlin Press, 1998. – 170 p. Электронный ресурс: <http://www.socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5706/2602#.Wr-adC5ubIU>

А Программа социологического исследования «Социальная стабильность в Жичжао»

Актуальность исследования. В современном обществе в условиях турбулентности и глобальных вызовов особенно важным становится для любого государства возможность поддержания социальной стабильности в стране. Китайская Народная Республика (КНР) выступает одной из мировых держав демонстрирует общественности уникальный опыт управления социальными процессами, что в значительной мере обуславливает интерес к ней со стороны исследователей. Особенность восприятия социальной стабильности в КНР, как основы экономического роста, политической устойчивости и базы для возможности обеспечения гармоничного общества позволяет эффективно справляться с возникающими вызовами и сохранять высокие показатели общественной устойчивости и гармонии. Данные аспекты повышают важность исследования китайского опыта для углубления знаний о современных механизмах управления обществом.

Эффективность модели управления демонстрирует способность властей КНР поддерживать устойчивость в обществе. Следовательно, эффективность в управлении страной увеличивает заинтересованность глав других государств в информированности об управленческих механизмах в Китайской Народной Республике. Успешный опыт китайского народа позволяет провести параллель в возможности сочетания традиционных ценностей и государственного регулирования для обеспечения социальной стабильности.

Такое исследование носит особую важность для общества в условиях роста социальных напряжений на мировой арене. В современных условиях все чаще начинает наблюдаться возникновение негативных аспектов, таких как рост социальных конфликтов, возрастание социального неравенства и поляризации общества, которые во многом обусловлены происходящими в обществе глобализацией, активной цифровизацией повседневных процессов жизни людей и нестабильностью на экономической арене. Несмотря на то, что

данные процессы оказывают свое влияние на все страны, с некоторым различием по степени последствий, в КНР можно проследить политику, которая позволяет минимизировать их для жителей страны.

Во многом это обусловлено наличием уникальной управленческой модели в китайском обществе. Основными элементами которой выступают черты авторитаризма, коллективизма и регулярных инноваций в области разработки методов социального контроля. Подобная структура повышает заинтересованность к изучению механизмов управления, существующих в стране с целью определения точки баланса между имеющимся жестким режимом управления и возможностью осуществления одной из важнейших функций – удовлетворения потребностей граждан КНР.

Следовательно исследование социальной стабильности в КНР позволяет определить возможность использования определенных социально-управленческих механизмов. Уникальность условий Китайской Народной Республики в контексте изучения социальной стабильности подчеркивает ее актуальность с различных аспектов, как в теоретическом, так и в практических планах и делает возможным расширения знаний в области управления страной в условиях турбулентности.

Степень разработанности

Теоретическую основу данного исследования составили работы авторов, которые позволяют раскрыть особенности поддержания социальной стабильности в контексте социально-экономического, политического и культурного развития Китайской Народной Республики. Работы данных исследователей посвящены непосредственно проблемам стратегического характера и направлениям модернизации КНР, в том числе механизмам позволяющим это осуществлять. Наибольшее отражения данные вопросы нашли в трудах российских ученых, а именно работах российских исследователей, а именно А.В. Афониной, Я.М. Бергера, Т.В. Бугайчук, В.Г.

Бурова, А.В. Виноградова, Л.М. Гудошникова, Ю.В. Каира, В.Н. Карташова, Л.И. Кондрашовой, О.А. Коряковцевой¹⁷³.

Объект исследования – население Жичжао в возрасте старше 18 лет.

Предмет исследования – тенденции и направления динамики социальной стабильности населения

Цели исследования: выявить состояние и тенденции изменения уровня социальной стабильности в современном китайской обществе у различных слоев населения на примере г. Жичжао.

Задачи:

1. Проанализировать мнение населения о положении дел в социально-экономической, политической, социальной и духовной сферах общественной жизни в регионе;
2. Оценить уровень материального благосостояния населения г. Жичжао;
3. Определить ключевые проблемы г. Жичжао в субъективных оценках респондентов;
4. Определить состояние социальной стабильности в городе Жичжао.

Гипотезы исследования.

Мнение населения о состоянии сфер общественной жизни будет достаточно высоким. В то же время будут практически отсутствовать респонденты, которые оценивают данное состояние в превосходной форме. Но

¹⁷³ Бергер, Я.М. Экономическая стратегия Китая. / Я.М. Бергер. М., 2009; Бугайчук, Т.В. Основные условия формирования гражданской идентичности в Китайской народной республике / Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева // Мир русскоговорящих стран. – 2023. – № 2(16). – С. 5-15.; Буров, В.Г. Смена модели социально-экономического развития (К итогам XVI съезда КПК) // Марксизм: прошлое, настоящее и будущее / В.Г. Буров. – М., 2003; Виноградов, А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности / А.В. Виноградов. – М., 2005; Виноградов, А.В. Система общественного доверия в КНР / А. В. Виноградов, Л.А. Афонина // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 3. – С. 125-142; Гудошников, Л.М. Система государственного управления в КНР / Л.М. Гудошников // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – С. 36-44; Каира, Ю.В. Коммуникативная роль традиционных ценностей в поддержании социальной стабильности китайского общества / Ю.В. Каира, Ц. Лю // Коммуникология. – 2023. – Т. 11, № 3. – С. 111-121; Карташова, В.Н. Особенности межкультурной коммуникации в Китае / В.Н. Карташова, В. Чжан // Культура в фокусе научных парадигм. – 2023. – № 16. – С. 55-60; Кондрашова, Л.И. «Модернизация с китайской спецификой»: проблема экономического измерения / Л.И. Кондрашова // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – №4.

и респондентов, которые оценивают состояние сфер общественной жизни в крайней негативной форме будет небольшое число.

Материальное состояние населения будет на среднем уровне, с преобладанием респондентов, которые оценивают свое материальное положение как «чуть выше среднего». Население, которое оценивает свое материальное положение на уровне «чуть ниже среднего» будет составлять меньшую долю респондентов.

Основными проблемами, которые затрудняют жизнь населения и должны решаться на государственном уровне в первую очередь являются проблемы социально-экономической сферы, сферах образования и здравоохранения.

Состояние социальной стабильности в целом население оценивает, как «скорее стабильное, чем нет»

Логический анализ понятий:

Социальный порядок – это понятие, которое выражает устойчивость и организованность общественной жизни, упорядоченность социального действия и всей социальной системы. Он предполагает бесконфликтное существование общества благодаря тому, что все связи в нём согласованы¹⁷⁴.

Социальная организация – то взаимодействующий организм, где все её элементы зависимы друг от друга. Для достижения целей организация должна быть упорядочена и формализована, обладать формальной структурой¹⁷⁵.

Социальная стабильность – понимает стабильность в социальном пространстве как воспроизводство сложившихся отношений, определённого уровня жизни¹⁷⁶.

¹⁷⁴ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996.

¹⁷⁵ Blau, P.M. Formal organizations a comparative approach / P.M. Blau, W.R.Scott. – Stanford, CA. – Stanford Business Books. – 2003. – 312 p.

¹⁷⁶ Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск, 2003. – 447 с.

Социальная солидарность – социальная солидарность в современных обществах основывается на разделении труда как социальной структуре, которая обуславливает общие идеи, представления, чувства, ценности, нормы¹⁷⁷.

Социальная система – это совокупность устойчивых взаимодействий между людьми, включающая в себя подсистемы, выполняющие взаимосвязанные функции (социальная подсистема выполняет функцию интеграции людей, а культурная – воспроизводства образца поведения)¹⁷⁸.

Методологический раздел программы социологического исследования

Определение выборочной совокупности

Для формирования выборочной совокупности был использован случайный стратифицированный отбор с разделением генеральной совокупности на страты (группы) по таким ключевым характеристикам, как возраст, пол, род деятельности. Такой подход обеспечивает наиболее точное представление о мнениях различных слоёв населения.

Размер выборки в 1894 респондента был определен с учетом необходимой точности результатов. При этом для обеспечения репрезентативности выборки были установлены следующие расчётные параметры: уровень доверия 95% (вероятность попадания истинного значения в расчётный интервал в пределах погрешности); средняя ошибка выборки $\pm 2,25\%$ (предельное отклонение истинного значения от измеренного).

Согласно этим параметрам, размер выборки был рассчитан по формуле для определения необходимого объема выборки для пропорциональных данных, что позволяет гарантировать, что результаты исследования будут валидными и репрезентативными для всей генеральной совокупности. Объём выборки рассчитан по следующей формуле.

¹⁷⁷ Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996.

¹⁷⁸ Парсонс, Т. Система современных обществ / Перевод на русский язык: Л.А. Седов и А.Д. Ковалев. – М., 1998.

$$n = \frac{Z^2 * p * (1-p)}{E^2}, \text{ где}$$

$Z = 1,96$ (значение Z-статистики для уровня доверия 95%),

$p = 0,5$ (ожидаемая доля),

$E = 0,025$ (погрешность).

При этом численность населения Жичжао составляет около 2,7 млн чел.

Обоснование методов сбора эмпирической информации

В рамках данной работы методом сбора информации выступает опрос представителей мужского и женского пола различных возрастных групп старше 18 лет. Данный подход позволяет исследователю получать объективное знание об окружающей действительности, а также делает возможным обеспечить полноту получаемой информации и предоставляет возможность к построению и описанию логических связей между отдельными параметрами. Центральное ядро опроса отводится под внешнюю и объективную структуру, которую возможно провести через призму причинно-следственных связей, а также измерить количественно показатели и конкретные компоненты исследуемого объекта.

Методы обработки и анализа данных.

Таблица 2 – Логическая структура анкеты

№	Операциональные понятия	Индикаторы	Шкала
1.	Положение дел в Жичжао по сферам жизнедеятельности: экономическая, политическая, социальная и духовная.	Плохое или хорошее	Порядковая
2.	Материальное положение	Плохое или хорошее	Порядковая
3.	Материально-имущественное состояние	Перечень понятий	Номинальная
4.	Ключевые проблемы в Жичжао, требующие решения	Перечень конкретных понятий	Номинальная

5.	Оценка качества сфер жизнедеятельности в Жичжао	Удовлетворительно или неудовлетворительно	Порядковая
6.	Негативные факторы, влияющие на жизнь семьи респондента	Перечень конкретных факторов	Номинальная
7.	Сфера деятельности	Конкретные понятия	Номинальная
8.	Возраст	Конкретное число	Порядковая
9.	Пол	Конкретные понятия	Номинальная

Анкета социологического исследования «Социальная стабильность в Жичжао»

Здравствуйте, большое спасибо, что нашли время в своем плотном графике, чтобы принять участие в нашем исследовании. Этот опрос надеется узнать, как жители (старше 18 лет), проживающие в Жичжао, оценивают социальную стабильность. Ваши ответы будут очень полезны для улучшения управления и уровня обслуживания. Спасибо.

1. Как Вы оцениваете нынешнее положение Жичжао в целом? (ответ дается по каждой строке)

№	Сфера	Очень плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее	Затрудняюсь ответить
1	экономическая	1	2	3	4	5	6
2	социальная	1	2	3	4	5	6
3	политическая	1	2	3	4	5	6
4	духовная	1	2	3	4	5	6

2. Каково на сегодняшний день материальное положение Ваше и Вашей семьи?

1 очень хорошее	3 среднее	5 очень плохое
2 хорошее	4 плохое	6 затрудняюсь ответить

3. Какое высказывание о материально-имущественном положении больше подходит для характеристики Вашей семьи

- 1 живем в роскоши, можем спокойно приобрести дом, квартиру, яхту, машину и т.п.
- 2 живем достаточно обеспеченно и можем совершать дорогостоящие приобретения, кроме действительно крупных – дом, квартира, яхта, машина и т.п.
- 3 материальное положение таково, что мы покупаем еду, бытовую химию, одежду и обувь, оплачиваем ЖКХ достаточно свободно, но с приобретением бытовой техники (телевизор, компьютер, холодильник) наблюдаются затруднения
- 4 денег хватает только на еду, остальные расходы связаны с определенными затруднениями
- 5 живем очень плохо, денег не хватает даже на полноценное питание

4. Выберите 3-5 проблем, которые на Ваш взгляд руководство страны и региона должно решать в первую очередь.

1 бюрократия и коррумпированность	13 жилищная проблема
2 проблемы в сфере медицины и здравоохранения	14 инфляция, рост цен на товары и услуги
3 проблемы в сфере науки и культуры	15 рост преступности
4 состояние общественной морали и нравственности	16 проблемы в сфере образования
5 демографический кризис	17 проблемы в сельском хозяйстве
6 межнациональные конфликты	18 слабость, беспомощность государственной власти
7 алкоголизация населения	19 проблемы в сфере жилищно-коммунальных услуг
8 наркомания	20 пенсионное обеспечение и другие социальные выплаты
9 нехватка рабочих мест	21 ослабление боеспособности армии и флота
10 проблемы экономического характера	22 проблемы экологии
11 качество жизни населения	23 покушение на свободу
12 положение на международной арене	24 другое _____

5. Оцените по пятибалльной шкале (1 – низшая оценка, 5 – наивысшая) качество основных сфер жизнедеятельности в Жичжао (ответ дается по каждой строке)

1 дорожное движение	1	2	3	4	5
2 работа полиции	1	2	3	4	5
3 уборка и благоустройство общественных территорий	1	2	3	4	5
4 наличие и содержание детских площадок	1	2	3	4	5
5 система образования	1	2	3	4	5
6 система здравоохранения	1	2	3	4	5
7 культурно-досуговая сфера	1	2	3	4	5

6. Перечислите факторы, в наибольшей степени оказывающие негативное влияние на Вашу жизнь и жизнь членов Вашей семьи (можно выбрать до 3-х ответов).

1 низкая зарплата, денежные проблемы	6 алкоголизм или наркомания члена семьи
2 риск остаться без работы	7 бесперспективность
3 проблемы, связанные со здоровьем	8 нехватка времени
4 проблемы, связанные с жилищными условиями	9 другой вариант ответа _____
5 отсутствие возможности дать детям хорошее образование	

7. Ваш род занятий:

- 1 руководители государственных органов
- 2 государственный персонал
- 3 руководители корпораций
- 4 сотрудники предприятия
- 5 самозанятые торговцы
- 6 солдаты
- 7 рабочие
- 8 коммерческие и обслуживающие работники
- 9 фрилансеры
- 10 студенты
- 11 выход на пенсию
- 12 безработный
- 13 подработка

8. Ваш возраст: _____.

9. Ваш пол:

- 1 мужской
- 2 женский

Транскрипт фокус-группы

Параметры фокус-группы

Город: Орёл - Жиньчжао

Дата проведения фокус-группы: 07.05.2023 Время: 13:00

Модератор: Юрий (М)

Оператор транскрипта: Цзюньцзе Лю

№	Имя, фамилия	Сфера занятости	Возраст, лет
1	Тянь Сяююй	преподаватель (ВО)	30
2	Чжао Вэньди	работает в банк	25
3	Дун Сяомэн	студент	24
4	Лю Юйлун	образование техническое (ИТ), работа в сфере риэлтерских услуг	21
5	Лю Чжицзе	сфера услуг	34
6	Чжан Шухуань	домохозяйка	28
7	Сей Луцзюнь	ИП	38

Транскрипт фокус-группы

М.:1. Здравствуйте дорогие друзья, у нас сегодня необычная встреча. Мы проведем с вами дискуссию, посвященную социальной стабильности в г. Жичжао. Проводим мы ее в стенах прекрасного учебного заведения Среднерусский институт управления Филиал РАНХиГС в социологической лаборатории кафедры социологии и социальных технологий. Фокус группа пройдет в онлайн-формате и благодаря современным информационным технологиям в ней смогут принять участие люди, находящиеся не только не в нашем городе, но и в другой стране, в другой части света. А именно жители города Жичжао, который находится в Китае. Разрешите представиться, меня зовут Юрий Каира, по профессии я социолог, кандидат наук, профессор и буду модератором сегодняшней фокус-группы, которая пройдет в форме беседы и в настоящий момент расскажу о некоторых правилах, которые помогут нам сделать эту беседу как можно более приятной. Наша с вами встреча сегодня будет проходить в необычном формате, я буду задавать вопрос и у каждого из вас будет возможность на этот вопрос ответить, высказаться. Я буду задавать вопрос и просить вас высказаться по нему в порядке очереди. Наши с вами правила: мы друг

друга не перебиваем, то есть когда у человека есть слово, он спокойно говорит. Не спорим не пытаемся ни в чем кого-то переубедить. Начать беседу я предлагаю со взаимного знакомства поэтому попрошу каждого из вас представиться. Это нужно для того чтобы общение проходило в формате беседы, и мы имели возможность обращаться друг к другу. Фамилии не нужны, исследование будет носить анонимный характер, а результаты использоваться в обобщенном виде.

Итак, начнем беседу. В начале которой я попрошу вас назвать свое имя, сколько вам лет, о своей сфере занятий/интересов, как давно вы проживаете в городе Жичжао. Основная тема нашей беседы касается социальной стабильности поэтому я попрошу вас сказать что вы понимаете под социальной стабильностью.

Я начну с себя, чтобы показать, как это должно происходить.

Меня зовут Юрий, мне 45 лет, я проживаю в своем родном городе Орёл постоянно. 25 лет назад пришел в аспирантуру по социологии и в настоящий момент являюсь кандидатом социологических наук, доцентом кафедры социологии и социальных технологий и сотрудником социологической лаборатории в которой проходит наша фокус-группа. Под социальной стабильностью я понимаю такое состояние общественной жизни, когда во всех сферах общественной жизни наблюдается устойчивое развитие, а все социальные институты функционируют четко и слажено.

Знакомство «Растопка льда»

Участники ответили, что под социальной стабильностью они понимают состояние, когда все социальные сферы страны и региона развиваются поступательно, а также основные социальные институты функционируют слаженно и без сбоев.

Участник 1: Здравствуйте, меня зовут Тянь Сяюй, живу в Китае в городе Жичжао, мне 30 лет. Я работаю преподавателем в университете нашего города. Под социальной стабильностью я понимаю спокойствие и уверенность в завтрашнем дне.

Участник 2: Здравствуйте, меня зовут Чжао Вэньди, живу в Китае в городе Жичжао, мне 25 лет. Я работаю в банковской сфере. Под социальной стабильностью я понимаю уверенность в своем будущем, отсутствие конфликтов в обществе.

Участник 3: Здравствуйте, меня зовут Дун Сяомэн, живу в Китае в городе Жичжао, а по учебе проживаю в Москве, мне 24 года. Я студентка МГУ. Когда все социальные институты работают стабильно и слажено.

Участник 4: Здравствуйте, меня зовут Лю Юйлун, живу в Китае в городе Жичжао, мне 21 год. Я работаю в IT сфере. Я так же считаю, что

социальная стабильность – это спокойствие и порядок в обществе, во всех основных сферах общественной жизни.

Участник 5: Здравствуйте, меня зовут Лю Чжицзе, живу в Китае в городе Жичжао и в Москве, мне 34 года. У меня свое бизнес в сфере услуг. Стабильность есть стабильность всех сфер общественной жизни, всех социальных институтов и организаций.

Участник 6: Здравствуйте, меня зовут Чжан Шухуань, живу в Китае в городе Жичжао, мне 28 лет. Я домохозяйка. Стабильность – это спокойствие и уверенность в будущем моих детей.

Участник 7: Здравствуйте, меня зовут Сей Луцзюнь, живу в Китае в городе Жичжао, мне 38 лет. Я работаю в он-лайн магазине, у меня свой ИП. Уверенность в завтрашнем дне, в будущем своей семьи, в развитии бизнеса, что возможно при устойчивости и слаженности всех основных институтов и порядке во всех сферах общественной жизни.

Основная часть

М.: 2. Спасибо. Вы говорили, что социальная стабильность – это стабильность основных сфер общественной жизни. В данной связи следующий вопрос касается состояния различных сфер вашего города. Оцените пожалуйста состояние социальной, духовной, экономической и политической сфер Жичжао

Участник 1: Жичжао очень хороший город, городская инфраструктура здесь полная, улицы чистые, побережье очень красиво застроено, жить здесь очень комфортно.

Участник 2: Жичжао очень красивый город, где можно полакомиться свежайшими морепродуктами, правда цена на них не низкая, но вкус очень хороший.

Участник 3: Жичжао – маленький и средний город, здесь очень комфортно и радостно жить, здесь есть и моря, и горы, это город, пригодный для жизни.

Участник 4: Жичжао – красивый туристический город, но его экономика слаборазвита, потому что туризм привел к росту местных цен, но уровень заработной платы не увеличился, поэтому жизнь в Жичжао оказывает определенное давление на экономику.

Участник 5: Жичжао – красивый туристический город, его репутация растет, и все больше и больше туристов приезжает путешествовать, но различные службы города не успевают за ним, в результате чего в городе невозможно поддерживать чистоту.

Участник 6: В Жичжао самые красивые пляжи и самые красивые прибрежные дороги в Китае. Хотя город невелик, он имеет высокий индекс счастья.

Участник 7: Экономическое развитие Жичжао недостаточно всеобъемлющее. Из-за моря индустрия туризма развита относительно хорошо, но туризм сам по себе не может улучшить уровень всего города.

М.: Спасибо

М.: 3. Оцените пожалуйста город с точки зрения его привлекательности. Что самое хорошее есть в Жичжао?

Участник 1:Пейзаж в Жичжао очень хорош, там очень красивое море, и это туристическая достопримечательность.

Участник 2:Солнечный воздух очень хороший, климат тоже очень хороший, жить здесь очень комфортно.

Участник 3:Экология в Жичжао очень хорошая, а темп жизни здесь небыстрый, что позволяет людям наслаждаться жизнью.

Участник 4:Жители Жичжао очень гостеприимны, в Жичжао красивое море и есть несколько интересных морских видов спорта.

Участник 5:Жить в Жичжао относительно комфортно, Жичжао богат местной промышленностью, здесь можно попробовать вкусный чай.

Участник 6:Морепродукты в Жичжао очень свежие, их много видов, и они очень вкусные.

Участник 7: Помимо моря, в Жичжао есть еще и горы, и пейзажи гор тоже очень красивые. Жить в таком городе с горами и морем очень комфортно.

М.: Спасибо

М.: 4.Давайте теперь поговорим о проблемах, которые есть в городе. Назовите 3-4 из них которое руководство города должно решить в первую очередь

Участник 1: У Жичжао нет удобной высокоскоростной железной дороги, что очень неудобно для посещения других городов; у Жичжао нет богатых источников дохода, и он надеется провести некоторую политику по привлечению инвестиций для увеличения источников дохода; хотя Жичжао - красивое побережье Город, в нем также есть угольный терминал, будет производить определенное количество загрязнения и надеется хорошо контролировать загрязнение.

Участник 2:Надеемся повысить уровень доходов местного персонала; внедрить несколько хороших стратегий привлечения талантов, чтобы больше талантов желали работать в Жичжао; надеемся увеличить некоторую культурную инфраструктуру, такую как музеи, библиотеки и т. д.

Участник 3: Есть надежда, что инвестиции в образование могут быть увеличены для повышения уровня образования в местных школах; при развитии местной индустрии туризма будет увеличено количество рабочих мест, чтобы у местного населения было больше возможностей для трудоустройства; под влиянием развития туризма местные цены снизились. поднялся, и есть надежда, что это может быть улучшено Уровень заработной платы местных служащих.

Участник 4:Надеюсь обеспечить больше рабочих мест, надеюсь, что правительство может вмешаться, чтобы снизить цены.

Участник 5:Необходимо усилить стратегию внедрения талантов, а также обеспечить хорошую заработную плату и условия обращения для отличных

талантов, чтобы каждый мог быть заинтересован в работе в Жичжао; улучшить строительство городской инфраструктуры, улучшить инфраструктурное оснащение парков, приморских и других мест отдыха, усилить природоохранную работу, обеспечить городскую санитарию.

Участник 6: Расширение инфраструктуры для детей; увеличить занятость; сбить цены на жилье.

Участник 7: Увеличить маршруты полетов; увеличить маршруты высокоскоростных железных дорог; повысить зарплату;

М.: Спасибо

М.: 5. Давайте оценим по пятибалльной шкале (1 – низшая оценка, 5 – наивысшая) качество основных сфер жизнедеятельности в Жичжао отвечаем по очереди

дорожное движение

работа полиции

уборка и благоустройство общественных территорий

система образования

медицина

возможность для отдыха

Участник 1:5,5,5,4,4,3

Участник 2:4,5,4,4,3,2

Участник 3:5,5,5,4,4,3

Участник 4:5,5,4,3,4,3

Участник 5:4,5,3,3,3,3

Участник 6:5,5,4,4,4,4

Участник 7:4,5,3,3,3,3

М.: Спасибо

М.:6. Что бы Вы порекомендовали человеку, решившему посетить город Жичжао.

Участник 1:Жичжао очень красивый город, путешествие сюда будет правильным выбором.

Участник 2: Побережье Жичжао очень красивое, со светло-голубой морской водой и золотым песчаным пляжем, вы будете чувствовать себя очень комфортно, когда приедете сюда на отдых.

Участник 4: Жители Жичжао очень гостеприимны, это очень правильное решение приехать сюда, будь то туризм или инвестиции.

Участник 5: Жичжао – город с очень медленным темпом жизни и красивой природой – очень хороший выбор для работы или жизни.

Участник 6:В Ричжао очень вкусные и свежие морепродукты, вы должны приехать в Ричжао, чтобы попробовать морепродукты.

Участник 7: В Жичжао есть горы и реки, гостеприимные люди, небесно-голубая морская вода, золотой песчаный пляж, есть комфорт, который нельзя испытать в других городах Китая.

Завершение работы «Мозговой штурм»

М. Тема нашей фокус группы – социальная стабильность, согласие, солидарность. Предложите механизмы государственного управления, которые бы способствовали развитию города и социальной стабильности.

Участник 1: «Надеемся повысить уровень доходов местного персонала; внедрить несколько хороших стратегий привлечения талантов, чтобы больше талантов желали работать в Жичжао; надеемся увеличить некоторую культурную инфраструктуру, такую как музеи, библиотеки и т. д...»

Участник 2: «Есть надежда, что инвестиции в образование могут быть увеличены для повышения уровня образования в местных школах; при развитии местной индустрии туризма будет увеличено количество рабочих мест, чтобы у местного населения было больше возможностей для трудоустройства; под влиянием развития туризма местные цены снизились...»

Участник 3: «..Поднялся, и есть надежда, что это может быть улучшено уровень заработной платы местных служащих...»

Участник 4: «Надеюсь обеспечить больше рабочих мест, надеюсь, что правительство может вмешаться, чтобы снизить цены...»

Участник 5: «Необходимо усилить стратегию внедрения талантов, а также обеспечить хорошую заработную плату и условия обращения для отличных талантов, чтобы каждый мог быть заинтересован в работе в Жичжао; улучшить строительство городской инфраструктуры, улучшить инфраструктурное оснащение парков, приморских и других мест отдыха, усилить природоохранную работу, обеспечить городскую санитарию...»

Участник 6: «Расширение инфраструктуры для детей; увеличить занятость; сбить цены на жилье...»

Участник 7: «Увеличить маршруты полетов; увеличить маршруты высокоскоростных железных дорог; повысить зарплату...».

М.: Спасибо Вам большое. Нам было с вами интересно. Надеюсь вам тоже с нами было интересно, очень содержательная беседа. Мы завершили, спасибо!